

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

СКАНДИНАВСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Том 15
Выпуск 1

Издается с 1961 года

ISSN 0202-2397

Том 15

Выпуск 1

Главный редактор: канд. филол. наук доц. *Е. В. Краснова* (СПбГУ, Россия)
Редакционная коллегия выпуска: д-р филол. наук проф. *А. М. Вунен* (Университетский колледж Осло и Акерсхуса, Норвегия); д-р филол. наук проф. *Н. Ю. Гвоздецкая* (РГГУ, Россия); старший научный сотрудник д-р физ. наук *Т. де Грааф* (Фризская академия, Нидерланды); старший преподаватель *Ю. М. Григорьева* (СПбГУ, Россия); *А. Ю. Дароци*, д-р филол. наук проф. (Реформатский университет им. Кароли Гаспара, Венгрия); канд. фил. наук доц. *Б. С. Жаров* (СПбГУ, Россия); канд. филол. наук доц. *Е. В. Краснова* (СПбГУ, Россия); д-р филол. наук проф. *Ю. К. Кузьменко* (Институт лингвистических исследований РАН, Россия); канд. филол. наук доц. *А. Н. Ливанова* (СПбГУ, Россия); канд. филол. наук доц. *П. А. Лисовская* (СПбГУ, Россия); д-р филол. наук проф. *И. М. Михайлова* (СПбГУ, Россия); канд. фил. наук *Т. Росен* (Университет г. Орхуса, Дания); канд. филол. наук доц. *А. В. Савицкая* (СПбГУ, Россия); д-р филол. наук проф. *Е. М. Чекалина* (МГУ, Россия)

Vol. 15

Issue 1

Editor-in-chief

Assoc. Prof. *E. V. Krasnova* (St. Petersburg State University)

Editorial Board

Prof. *A. M. Vonen*, Doctor of Science (Philology) (Oslo and Akershus University College of Applied Sciences, Norway); Prof. *N. Y. Gvosdeckaya*, Doctor of Science (Philology) (Russian State University for the Humanities); Senior Research Associate *T. de Graaf*, PhD in Physics (Frisian Academy, Netherlands); Sen. Lecturer *J. Grigoryeva* (St. Petersburg State University, Russian Federation); Prof. *A. J. Daróczy*, Doctor of Science (Philology) (Károli Gáspár University of the Reformed Church, Hungary); Assoc. Prof. *B. S. Zharov*, Candidate of Science (Philology) (St. Petersburg State University); Assoc. Prof. *E. V. Krasnova*, Candidate of Science (Philology) (St. Petersburg State University); Prof. *Y. K. Kuzmenko*, Doctor of Science (Philology); (Institute of Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Assoc. Prof. *A. N. Livanova*, Candidate of Science (Philology) (St. Petersburg State University); Assoc. Prof. *P. Lisovskaya*, Candidate of Science (Philology) (St. Petersburg State University); Prof. *I. M. Michajlova*, Doctor of Science (Philology), (St. Petersburg State University); *T. Roesen*, Candidate of Science (Philology) (Copenhagen University, Denmark); Assoc. Prof. *A. V. Savitskaya*, Candidate of Science (Philology) (St. Petersburg State University); Prof. *E. M. Chekalina*, Doctor of Science (Philology) (Lomonosov Moscow State University)

© Санкт-Петербургский
государственный
университет, 2017

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.113.5+81'36

Е. В. Воробьева

Московский государственный лингвистический университет

ОПУЩЕНИЕ АРТИКЛЯ ПРИ УКАЗАНИИ ПРОФЕССИИ И РОДА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПОЗИЦИИ ПРЕДИКАТА В НОРВЕЖСКОМ ЯЗЫКЕ

Рассматриваются причины опущения неопределенного артикля при предикативном употреблении существительных, обозначающих национальность, профессию, род деятельности в норвежском языке. Речь идет о предложениях типа *Tor er norsklærer* 'Тор — учитель норвежского'. Это явление описано во всех справочниках по грамматике норвежского языка, но до сих пор объяснения ему предложено не было. Упомянутые существительные рассматриваются с точки зрения взаимосвязи их значения с денотатом, т. е. принадлежности к идентифицирующим именам (естественным классам, жестким десигнаторам) либо предикатным именам (номинальным классам, нежестким десигнаторам). Типичные жесткие десигнаторы — имена собственные, а также имена естественных классов: *лимон, тигр, золото* и т. д. Типичный нежесткий десигнатор — слово *студент*, обозначающее номинальный класс, к которому объект может принадлежать или не принадлежать. Семантическое противопоставление двух типов десигнаторов сопровождается функциональным: нежесткие десигнаторы способны служить предикатом, тогда как жесткие служат исключительно для указания на предмет или класс предметов. Делается вывод о том, что, будучи нежесткими десигнаторами, в предикативном употреблении эти существительные теряют значение предметности и обозначают скорее свойства предмета, вследствие чего и происходит опущение артикля. Полученные данные могут быть использованы для контрастного сравнения с грамматикой английского языка, где в аналогичном случае присутствует неопределенный артикль. Далее обосновывается способность таких существительных выступать в роли идентифицирующих имен, или жестких десигнаторов, и занимать позицию сказуемого

либо служить таксономическим предикатом, что сопровождается употреблением соответствующего артикля.

Ключевые слова: артикль, опущение артикля, предикат, жесткий десигнатор, нежесткий десигнатор, норвежский язык.

Evgenia Vorobyeva

Moscow State Linguistic University

OMISSION OF THE ARTICLE BEFORE PREDICATIVE NOUNS FOR PROFESSION, OCCUPATION ETC. IN NORWEGIAN

The paper considers reasons for omission of the indefinite article with predicative nouns for profession, occupation, nationality and others in the Norwegian language. There is a rule in Norwegian grammar prescribing the omission of the indefinite article in sentences of the following type: *Tor er norsklærer*. — ‘Tor is a teacher of Norwegian’. Though, reference books on Norwegian grammar do not provide any explanation for this phenomenon. These types of nouns are analyzed in terms of the relationship between their meaning and denotation, i.e. if they belong to identifying nouns (rigid designators) or predicative nouns (non-rigid, or flaccid designators). Typical rigid designators are proper names and nouns for natural objects like *lemon, tiger, gold* etc. A typical flaccid designator is *student* — this noun denotes a class that an object can either belong or not belong to. The semantic opposition of those two types of designators is reflected in their functions: flaccid designators can take predicative positions, while rigid designators can only be used to denote an object or a class of objects. A conclusion is made, that those nouns are flexible designators, and as such designators, in a predicative position they rather represent an object’s feature than an object itself, and consequently, the use of article is not needed. This conclusion can be used for contrastive studies for English language which requires an indefinite article in sentences of a similar type. Further, the nouns in question are shown as capable of being rigid designators and therefore take the positions of a sentence’s subject or taxonomic predicate.

Keywords: article, article omission, predicative, rigid designator, non-rigid designator, Norwegian.

В норвежском языке существует любопытная особенность употребления артиклей, отсутствующая, к примеру, в родственном ему английском языке: в ряде случаев, когда имена лиц со значением свойства, профессии или рода деятельности стоят в позиции предиката, опущен неопределенный артикль. Это явление описано, в частности, в работах по грамматике норвежского языка [Стеблин-Каменский, 2004, с. 66; Берков, 2005, с. 14] и формулируется обычно следующим образом: часто отсутствует артикль при существительном в функции предикативного члена, т. е. в составе именного сказуемого при обозначении профессии, рода занятий, национальности и т. д. Приведем несколько примеров:

Han er nordmann ‘Он норвежец’.

Hans far var vitenskapsmann ‘Его отец был ученым’.

Tor er norsklærer ‘Тор — учитель норвежского’.

Для сравнения, в английском языке неопределенный артикль в таких случаях присутствует:

Tom is a teacher ‘Том — учитель’.

Для того чтобы найти объяснение этому явлению, нам необходимо обратиться к вопросу о взаимосвязи между значением существительного и его денотатом. Этот критерий позволяет разделить все существительные на два класса, носящие различные названия в литературе, посвященной вопросу: жесткие/нежесткие десигнаторы, имена естественных/номинальных классов, референтные/атрибутивные дескрипции, идентифицирующие/предикатные существительные, имена поля вещи/имена поля деятеля, номинации классов первичного/вторичного членения, системно связанные имена/денотативы [Kripke 1977; Kripke, 1980; Putnam, 1977, p. 102–107; Putnam, 1973; Schwartz, 1977; Donnellan, 1977; Арутюнова, 1976; Шмелев, 2017].

Идентифицирующие имена (жесткие десигнаторы) обозначают «один и тот же объект во всех возможных мирах» [Kripke, 1977, с. 78]. И. Б. Шатуновский пишет, что такие имена лишены смысла (сигнификата, интенционала как совокупности определяющих референцию признаков), с ними *могут быть* связаны какие-то признаки, но они не определяют объект дескрипции [Шатуновский, 1983]. Н. Д. Арутюнова отмечает по этому поводу, что «значение идентифицирующих имен диффузно, не членится четко на семантические компоненты, состоит из неопределенного и в принципе неограниченного количества разнородных признаков — “мазков в картине”» [Арутюнова, 1976, с. 335]. «Идентифицирующие имена в известном смысле соответствуют образу предмета или стереотипу класса. Когда мы слышим такие имена, как *ель, медведь, песок, дерево, еловая шишка, пальма, крокодил* и другие, перед нашим мысленным взором прежде всего встает внешний облик, картинка, изображающая очень обобщенный образчик соответствующего класса естественных или иных объектов» [Аспекты семантических исследований, 1980, с. 183]. Именно по этой причине идентифицирующие имена не могут быть описаны методом компонентного анализа, но хорошо поддаются описанию методом прототипов.

Типичные жесткие десигнаторы — это имена собственные, а также имена естественных классов: *лимон, тигр, вода, золото, береза, человек* и т. д.

Предикатные имена (нежесткие десигнаторы) представляют собой дескрипцию, совокупность ассоциированных с именем обязательных признаков. Значение этих имен первично по отношению к референции, значение имени определяет его экстенционал. Объект является денотатом такого имени, если имеет характеристики, заключающиеся в значении (например, *холостяк, студент* и т. д.). Такие имена обозначают некие номинальные классы, к которым можно принадлежать или не принадлежать. Значение этих имен ориентировано на познающего субъекта, а не на мир.

Семантическое противопоставление жестких и нежестких десигнаторов сопровождается функциональным: нежесткие десигнаторы способны быть предикатами (сообщать о признаках предмета), а жесткие служат исключительно для указания на предмет или класс предметов (денотации, референции). «Попадая в позицию сказуемого, жесткие десигнаторы формируют так называемый таксономический (классифицирующий) предикат, принципиально отличный от предиката семантического (характеризующего)» [Шатуновский, 1983, с. 75]. Таксономический предикат не утрачивает предметности. Конкретное таксономическое предложение содержит сообщение о вхождении объекта в определенный класс, его идентичности одному из членов множества, но не сообщает о каких-либо его признаках.

Итак, для нежестких десигнаторов характерна функция предиката (неслучайно Н. Д. Арутюнова называет такие существительные предикатными). Как пишет А. Д. Шмелев, «существительные в предикатном употреблении, вообще говоря, **не характеризуются с точки зрения определенности** (выделено нами. — *Е. В.*), однако в соответствии с употреблением в артиклевых языках скорее уж должны быть охарактеризованы как неопределенные» [Шмелев, 1983, с. 42]. Именно с этим мы и сталкиваемся в приведенных выше примерах. М. И. Стеблин-Каменский комментирует такое явление так: «В этом случае отсутствие артикля выражает частичную потерю существительным его значения существительного» [Стеблин-Каменский, 2004, с. 66], т. е. в предикатном употреблении существительное обозначает не объект, а признак объекта.

Однако в английском языке, как и пишет А. Д. Шмелев, в подобном предложении употребляется неопределенный артикль: *She is a student* 'Она студентка'.

Отсюда следует, что упомянутые существительные относятся к предикатным, или нежестким, десигнаторам. Тем не менее И. Б. Шатуновский пишет, что сквозь смысл некоторых таких имен «начинает туманно просвечивать образ естественного класса» [Шатуновский, 1983, с. 76]. Это означает, что подобные существительные могут выступать в роли как предикатных (в этом мы уже убедились), так и идентифицирующих. Вторичное денотативное значение чаще всего развивается именно у существительных, обозначающих профессии, социальные функции, социальный статус (*доктор, актер, школьник, рабочий, крестьянин, буржуй, дворянин, интеллигент, король, граф, директор, солдат, генерал*). Это естественно вытекает из того факта, что выполнение той или иной социальной функции часто предполагает (а иногда и формирует) те или иные физические и психические особенности.

В. В. Виноградов [Виноградов, 1977] описывает развитие жестких десигнаторов предикатных типов значения (через этап метафорического извлечения одного из признаков денотата). Это значение Виноградов называет синтаксически обусловленным, так как его значение определяется постановкой имени в несвойственную ему позицию предиката. Н. Д. Арутюнова выделяет в особую группу «имена функциональные, реляционные и окказиональные, пригодные к выполнению как идентифицирующей, так и предикатной роли в высказывании, а следовательно, обладающие как более обобщенным, так и более конкретным, ориентированным на денотат или класс денотатов значением» [Арутюнова, 1976, с. 346]. Функционирование в различных коммуникативных позициях разрывает семантику таких слов на синтаксически обусловленные значения. В предикатной позиции это имя номинального класса с четким, строго определенным смыслом, в денотативной — имя естественного класса с образной нерасчлененной семантикой.

Для того чтобы убедиться, что названия лиц по профессии и свойствам в норвежском языке принадлежат к такому типу имен, мы подвергнем их проверке по следующим критериям, сформулированным И. Б. Шатуновским [Шатуновский, 1983]:

1. В позиции терма при предикате, выполняя функции денотации, слово *офицер* является уже именем естественного класса: *В комнату вошел высокий офицер* или *Спроси вон у того офицера/солдата/милиционера, как пройти к...*
2. Сформировавшееся в результате обогащения признаками денотата имя естественного класса может быть затем перенесено во вторичную для него позицию сказуемого, где оно уже дает не характеризующий, а таксономический (классифицирующий) предикат. Поскольку в этом случае синтаксическая позиция уже не может служить различителем «номинального» и «естественного» значений имени, для актуализации значения естественного класса часто добавляют слово «типичный».
3. Имена, связанные с «естественным классом», могут формировать таксономический предикат, объединяясь с действительным субъектом *это*: *Это солдат/школьник/рабочий*, но *Это нахал, циник*.

Что касается первого критерия, то в норвежском языке наименования лиц по профессии и роду деятельности регулярно встречаются в этой функции:

Han truet med å drepe henne hvis politiet kom nærmere. Den ene politimannen klarte å sparke ham i ryggen så han mistet kniven, og han ble pågrepet 'Он угрожал убить ее, если полиция приблизится. Один из полицейских сумел пнуть его в спину, так что он уронил нож и был схвачен.'

Men den anklagede måtte for all del ikke miste livet for tidlig. Derfor var det alltid en lege til stede 'Однако обвиняемый ни в коем случае не должен был расстаться с жизнью раньше срока, поэтому при нем всегда находился врач.'

Elevene er rasende og krever at de får være med å bestemme hvordan narko-problemet på skolen skal bekjempes 'Ученики в ярости и требуют, чтобы им разрешили принять участие в решении проблемы с наркотиками в школе.'

Исследование сочетаемости различных наименований лиц со словом *typisk* 'типичный' показывает, что чаще всего это слово встречается именно в сочетании с существительными, обозначающими профессию и род деятельности и реже — качества/свойства:

Roger Helland er en typisk lagarbeider. Han glitrer ikke spesielt på banen, men er en type som ofrer seg hundre prosent ‘Рoger Хелланд — типичный командный игрок. Он не особенно блистает на поле, но всегда выкладывается на 100 %’.

Carl Julius Norstrøm er en typisk akademiker, i ordets beste forstand ‘Карл Юлиус Нурстрём — типичный ученый в лучшем смысле этого слова’.

Hans ydmykhet for andre mennesker og åpenhet for deres synspunkter gjør han til en typisk prest ‘Его скромность в общении с другими людьми и открытость их взглядам делают его типичным священником’.

Han er en typisk oppvigler og intrigemaker ‘Он типичный подстрекатель и интриган’.

Ellers er jeg en typisk blondejente; jeg liker en romantisk klesstil ‘В остальном я типичная блондинка, мне нравится романтический стиль в одежде’.

Опрос, проведенный среди носителей языка, показывает, что при идентификации людей респонденты руководствуются внешними признаками — какими-то атрибутами профессии/рода деятельности либо принадлежности к биологическому полу:

Det er en lege ‘Это врач’.

Det er en syklist ‘Это велосипедист’.

Det er en mann ‘Это мужчина’.

Отметим, что во всех приведенных предложениях существительные «получают назад» артикль, отсутствующий в предложениях предикации, что означает, что они вновь обретают черты существительного, обладающего рядом разнородных и не поддающихся исчерпывающему перечислению характеристик. Кроме того, известно, что при появлении оценочного прилагательного, характеризующего существительное в позиции предиката, опущенный артикль снова появляется (поскольку существительное перестает быть свойством подлежащего и само превращается в объект, имеющий свойство): *Han er lærer* ‘Он учитель’, но *Han er en god lærer* ‘Он хороший учитель’.

Таким образом, языковой материал норвежского языка подтверждает предположение И. Б. Шатуновского о том, что названия лиц по роду деятельности обладают свойствами жестких десигнаторов, или идентифицирующих имен [Шатуновский, 1983],

а отсутствие артикля в предложениях предикации свидетельствует в пользу утверждения А. Д. Шмелева, что в предикатном употреблении существительное обозначает не объект, а признак объекта [Шмелев, 1983].

Существует еще один интересный нюанс употребления этого правила, непосредственно влияющий на перевод норвежских существительных рассматриваемого типа на безартиклевый русский язык: если наименование лица, обозначающее имя или профессию, употребляется в предикатной позиции в переносном смысле, для обозначения личных качеств описываемого лица, то неопределенный артикль опять же возвращается. К примеру:

Han er klovn 'Он клоун (по профессии).'

Han er en klovn 'Да он просто клоун!'

Как именно следует отразить в переводе описываемое различие в значениях, зависит от стилистических особенностей переводимого текста и некоторых других факторов, а мы приведем в заключение еще несколько примеров:

Lasse er en diplomat, han er alltig høflig og utrolig oppmerksom 'Лассе — **настоящий дипломат**, он всегда вежлив и невероятно внимателен.'

Vil du hjelpe meg med oppvasken? Du er en engel! 'Поможешь мне с посудой? Ты **просто ангел!**'

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 383 с.
- Аспекты семантических исследований / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, А. А. Уфимцева, Е. С. Кубрякова. М.: Наука, 1980. 357 с.
- Берков В. П. Краткий справочник по грамматике норвежского языка. М.: Высшая школа, 2005. 111 с.
- Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова // Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 162–189.
- Стеблин-Каменский М. И. Грамматика норвежского языка. М.: УРСС, 2004. 240 с.
- Шатуновский И. Б. Синтаксически обусловленная многозначность // Вопросы языкознания. 1983. № 2. С. 73–80.
- Шмелев А. Д. О референции агентивных существительных // Филологические науки. 1983. № 4. С. 39–46.

- Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М.: УРСС, 2017. 280 с.
- Donnellan K. Reference and definite descriptions // *Naming, necessity, and natural kinds* / ed. S. P. Schwartz. London; Ithaca: Cornell University Press, 1977. P. 42–65.
- Kripke S. Identity and necessity // *Naming, necessity, and natural kinds* / ed. S. P. Schwartz. London; Ithaca: Cornell University Press, 1977. P. 66–101.
- Kripke S. *Naming and necessity*. Oxford: Blackwell publishing, 1980. 172 p.
- Putnam H. Is semantics possible? // *Naming, necessity, and natural kinds* / ed. S. P. Schwartz. London; Ithaca: Cornell University Press, 1977. P. 102–118.
- Putnam H. Meaning and reference // *Journal of Philosophy*. 1973. Vol. 70. P. 699–711.
- Schwartz S. P. Introduction // *Naming, necessity, and natural kinds* / ed. S. P. Schwartz. London; Ithaca: Cornell University Press, 1977. P. 13–41.

REFERENCES

- Arutiunova N. D. *Predlozhenie i ego smysl: logiko-semanticheskie problemy* [*Sentence and its meaning*]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 383 p. (In Russian)
- Aspekty semanticheskikh issledovaniï* [*Aspects of semantic studies*]. Eds N. D. Arutiunova, A. A. Ufimtseva, E. S. Kubriakova. Moscow, Nauka Publ., 1980. 357 p. (In Russian)
- Berkov V. P. *Kratkii spravochnik po grammatike norvezhskogo iazyka* [*A brief guide to Norwegian grammar*]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 2005. 111 p. (In Russian)
- Donnellan K. Reference and definite descriptions. *Naming, necessity, and natural kinds*. Ed. by S. P. Schwartz. London, Ithaca, Cornell University Press, 1977, pp. 42–65.
- Kripke S. Identity and necessity. *Naming, necessity, and natural kinds*. Ed. by S. P. Schwartz. London, Ithaca, Cornell University Press, 1977, pp. 66–101.
- Kripke S. *Naming and necessity*. Oxford, Blackwell publishing, 1980. 172 p.
- Putnam H. Is semantics possible? *Naming, necessity, and natural kinds*. Ed. by S. P. Schwartz. London, Ithaca, Cornell University Press, 1977, pp. 102–118.
- Putnam H. Meaning and reference. *Journal of Philosophy*, 1973, vol. 70, pp. 699–711.
- Schwartz S. P. Introduction. *Naming, necessity, and natural kinds*. Ed. by S. P. Schwartz. London, Ithaca, Cornell University Press, 1977, pp. 13–41
- Shatunovskii I. B. Sintaksicheski obuslovlennaiia mnogoznachnost' [Syntax-associated polysemy]. *Voprosy iazykoznaniiia* [*Questions of Linguistic Science*], 1983, no. 2, pp. 73–80. (In Russian)
- Shmelev A. D. O referentsii agentivnykh sushchestvitel'nykh [On the reference of agent nouns]. *Filologicheskie nauki* [*Philological sciences*], 1983, no. 4, pp. 39–46. (In Russian)

- Shmelev D.N. *Problemy semanticheskogo analiza leksiki (na materiale russkogo iazyka)* [*Problems of lexical semantics analysis*]. Moscow, URSS Publ., 2017. 280 p. (In Russian)
- Steblin-Kamenskii M. I. *Grammatika norvezhskogo iazyka* [*The grammar of Norwegian language*]. Moscow, URSS Publ., 2004. 240 p. (In Russian)
- Vinogradov V.V. Osnovnye tipy leksicheskikh znachenii slova [Main types of lexical meaning of words]. *Vinogradov V. V. Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya* [*Selected papers: Lexicology and Lexicography*]. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 162–189. (In Russian)

Воробьева Евгения Валентиновна

кандидат филологических наук,
Московский государственный лингвистический университет,
Российская Федерация, 119034, Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1
E-mail: voroba@gmail.com

Evgenia Vorobyeva

PhD in Philology,
Moscow State Linguistic University,
38 str. 1, Ostozhenka, 119034, Moscow, Russian Federation
E-mail: voroba@gmail.com

Статья поступила в редакцию 01.02.2017, принята к публикации 10.03.2017

УДК 811.113.6+81.373.47

Е. Л. Жильцова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

ШВЕДСКИЕ СЛОЖНЫЕ СЛОВА С УСИЛИТЕЛЬНЫМ ПЕРВЫМ КОМПОНЕНТОМ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Для разговорного шведского языка характерны сложные слова, первый компонент которых частично или полностью утрачивает свое основное лексическое значение и во многих случаях играет роль усиления. В качестве первых компонентов таких слов выступают обычно существительные *jätte*, *topp*, *sten*, *kanon*, *bomb*, *skit* и ряд других. Эти композиты не имеют аналогов в русском языке, и поэтому их перевод осуществляется не с помощью сложных слов, а другими средствами.

Статус рассматриваемых слов определяется их частеречной принадлежностью и степенью десемантизации первого компонента. В составе существительных первые компоненты обычно в той или иной степени сохраняют свое понятийное значение и выступают в функции определения при втором компоненте, придавая слову в целом ярко выраженную экспрессивную окрашенность. Такие слова могут рассматриваться как композиты, о чем свидетельствует и тот факт, что на русский язык они переводятся сочетанием прилагательного с существительным, как и большинство сложных слов шведского языка.

В прилагательных и наречиях первые компоненты практически всегда полностью десемантизируются и имеют исключительно усиительную функцию, указывая на чрезвычайно высокую степень интенсивности проявления качества, выраженного второй частью слова. Таким образом, в этих словах первый компонент выступает в функции усиительного префикса, и поэтому их вряд ли можно рассматривать как композиты. Данная точка зрения подтверждается тем, что такие слова в большинстве случаев переводятся на русский язык не словосочетанием, как существительные, а одним экспрессивно окрашенным наречием или прилагательным.

Ключевые слова: шведский язык, сложное слово, экспрессивность, компонент, десемантизация, перевод, русский.

Elena Zhiltsova

Lomonosov Moscow State University

SWEDISH COMPOUND WORDS WITH AN INTENSIFYING FIRST COMPONENT AND TECHNIQUES OF THEIR TRANSLATION INTO RUSSIAN

Colloquial Swedish often contains compound words, whose first components partly or completely lose their main lexical meaning and in some cases play a role of an intensifier. The first components of such words usually are nouns such as *jätte*, *topp*, *sten*, *kanon*, *bomb*, *skit* and some others. These words don't have analogues in Russian and thus they cannot be translated as compounds and the translator must resort to other lexical means.

The status of a word is determined by its part of speech and by the first component's degree of de-sematization. The first component of a noun usually preserves its lexical meaning to a certain extent and performs the function of the attribute by the second component. That gives to the whole word a vivid and expressive complexion. Such words can be regarded as compounds, the more so that they are translated into Russian as a combination of adjective and noun, like most other Swedish compounds.

The first components in adjectives and adverbs are very often subject to de-semantization. Their function is purely intensifying, so that they point out a higher intensity of a feature denoted by the second component. Thus, the first component of these words plays the role of an intensifying prefix, so they are unlikely to be regarded as compounds. This point of view is also proved by the fact that such words are mostly translated into Russian as one expressive adverb or adjective, but not as word combinations, like nouns.

Keywords: Swedish, compound word, expressive, component, de-semantization, translation, Russian.

В разговорном варианте современного шведского языка большое распространение получили сложные слова, первым компонентом которых является существительное, в той или иной мере изменяющее, а нередко и утрачивающее свое основное лексическое значение. Это существительные *jätte* 'великан', *sten* 'камень', *topp* 'вершина', *kanon* 'пушка', *bomb* 'бомба', *skit* 'дерьмо' и др. Вступая в атрибутивные смысловые отношения со вторым компонентом сложного слова и подвергаясь частичной или полной десемантизации, эти существительные играют во многих случаях исключительно роль усиления [Kotsinas, 2003, s. 8]. Значение композитов, в составе которых выступают данные слова, не сводится к сумме значений их компонентов, поскольку первый компонент частично или полностью утрачивает понятийное значение исходного существительного. Поэтому такие композиты могут быть отнесены к группе сложных слов, которые исследователи шведской

лексики называют цельнозначными [Маслова-Лашанская, 2011, с. 172], или лексикализованными [Malmgren, 1994, s. 24].

Поскольку в русском языке нет сложных слов, которые структурно или функционально были бы близки рассматриваемым шведским композитам, то их перевод на русский язык представляет определенные сложности. Сопоставительный анализ примеров из произведений современной шведской художественной литературы и их переводов на русский язык, которые послужили материалом для статьи, позволяет определить, как именно переводчики средствами русского языка передают смысловое и эмотивное содержание рассматриваемых слов. Кроме того, перевод во многих случаях помогает понять специфику сложных слов в шведском языке.

Несомненно, самым распространенным первым компонентом рассматриваемых композитов является существительное *jätte* 'великан'. Оно может использоваться как в составе сложных прилагательных и наречий, так и в составе сложных существительных.

Употребляясь как первый компонент сложных существительных, *jätte*- не утрачивает своего лексического значения, поскольку всегда указывает на очень большие размеры обозначаемого объекта или субъекта. Эта семантика отражается и в переводах: *en jätteorm* (LP) 'гигантский змей'; *jätteinvestering* (LM) 'крупное капиталовложение'. Здесь, как видно из примеров, сложное существительное переводится атрибутивным словосочетанием¹, в котором прилагательное имеет значение «очень больших размеров». Кроме прилагательных «гигантский» и «крупный», в русском переводе могли бы быть употреблены синонимичные им прилагательные «огромный», «громадный».

В составе сложных прилагательных и наречий *jätte*- подвергается десемантизации, указывая лишь на очень высокую степень проявления качества, обозначенного вторым компонентом, и употребляется, таким образом, в усилительной функции. В этой функции рассматриваемый компонент может присоединяться к качественным прилагательным или наречиям практически неограниченной семантики [Kotsinas, 2003, s. 8], имеющим как положительную, так и отрицательную коннотацию.

¹ Это обычный способ перевода на русский язык шведских композитов, первый субстантивный компонент которых имеет атрибутивную функцию, — *morgontidning* 'утренняя газета', *bordslampa* 'настольная лампа'.

Примерами усиления положительного значения являются: en *jättehäftig*² inspektör (М) ‘прекрасный инспектор’; *Jättebra*, sa hon (LM) ‘Отлично, — сказала она’; *Jättekul*, sa Tore (М) ‘Звучит забавно, — сказал Туре’. Второй компонент этих прилагательных выражает положительную оценку в весьма общем виде и может быть как нейтральным словом (bra ‘хорошо’), так и разговорным (kul ‘весело’) и даже сленговым (häftig ‘крутой’). Примечательно, что данные композиты переводятся на русский язык не словосочетанием, а одним эмоционально окрашенным словом, прилагательным или наречием. Здесь можно найти и другие синонимы, например «замечательный, превосходный, здорово».

Первый компонент *jätte*- нередко употребляется и в словах с отрицательной коннотацией, в наших примерах это прилагательные *farlig* ‘опасный’ и *rädd*, в сочетании с глаголом-связкой имеющие значение «бояться»: Hon är *jättefarlig*. David var *jätterädd* för henne (М) ‘Она опасна, как смертоносная змея. Ее боялся Давид’. В первом предложении в русском переводе компоненту *jätte*- соответствует весьма сильное и вполне уместное сравнение, в переводе же второго предложения данный компонент не отражен. В любом случае композиты с первым компонентом *jätte*-, имеющие отрицательную коннотацию, будут переводиться на русский язык словосочетанием (например, var *jätterädd* можно перевести как «ужасно боялся»), поскольку второй компонент в них обладает вполне определенным понятийным значением, в то время как в прилагательных с положительной коннотацией он имеет лишь оценочную семантику.

В отличие от *jätte*-, слово *sten* ‘камень’ может быть первым компонентом только сложных прилагательных и наречий. В отдельных случаях, например в прилагательном *stenhård* ‘твердый (прочный), как камень’ (*hård* ‘твердый, прочный, крепкий’), он частично сохраняет свое понятийное значение, хотя имеет также усилительную функцию. Впрочем, прилагательное *stenhård* чаще употребляется не в прямом, а в переносном смысле: en korrupt polis med *stenhård* fasad (М) ‘коррупцированный полицейский офицер, скрывающийся под маской порядочного человека’ (букв. «с проч-

² Здесь и далее *полукурсивом* выделены шведские композиты и их переводы на русский язык.

ным, как камень, фасадом», имеется в виду, конечно, репутация); Annika dök ner bakom brunnen och blundade *stenhårt* (M) ‘Анника нырнула за колодец и закрыла глаза’. В последнем примере наречие *stenhårt* в русском переводе не отражено.

Часто *sten-* в качестве первого компонента композита употребляется с прилагательным *död* ‘мертвый’, возможно, потому что камень ассоциируется с чем-то неподвижным и безжизненным. При этом прилагательное *stendöd*, относящееся к одушевленным существительным, имеет собственно значение «мертвый»: *Alldeles stendöd* (LB) ‘*Мертвец не бывает*’ (речь идет о волке). Данное прилагательное может употребляться также с неодушевленными существительными, которые обозначают предметы или явления, переставшие быть актуальными: *Ricky — storyn är stendöd* (LM) ‘Рикки, об этом материале *надо забыть*’. Как видно, переводы здесь описательные, но вполне адекватно выражают усилительную функцию компонента *sten-*.

Следует отметить, что пик популярности слов с первым компонентом *sten-* пришелся на 1960–1970-е годы, поэтому сейчас прилагательные типа *stenkul* ‘классный’, *steninne* ‘экстремодный’, *stenrik* ‘жутко богатый’ употребляются довольно редко и в нашем материале не встретились.

Очень популярным в 1960–1980-е годы было использование в качестве первого компонента сложных слов существительного *topp* ‘вершина’, которое в этой функции в отдельных случаях может выступать в определенной форме единственного числа *torpen-*. Именно эта форма до сих пор активно употребляется в предикативной функции в значении «замечательно, отлично» и имеет ярко выраженную положительную коннотацию: *Det är toppen* ‘Отлично’.

В материале встретилось несколько примеров, где *topp-* является компонентом сложного существительного: *ett toppnamn* bland börsklippare (LF) ‘*заметное имя* среди биржевиков’; *Han hade en toppnotering* för tre år sedan (LM) ‘*Максимум* зафиксирован три года назад’. Как видно из примеров, *topp-* частично сохраняет свое понятное значение «вершина», относя то или иное явление к высшему разряду, что отражается и в переводе: в первом случае — атрибутивным словосочетанием, во втором — второй компонент словосочетания подразумевается, так как речь идет о максимуме котировок, что понятно из предыдущего контекста.

Существительное *kanon* ‘пушка’ как компонент сложных слов полностью утрачивает свое основное лексическое значение. В сложных существительных оно приобретает семантику, которую можно определить как «лучший в своем роде»: *Kumla är en kanonkåk* (М) ‘Кумла считается *образцовой тюрьмой*’.

В сложных прилагательных и наречиях *kanon-* указывает на высокую степень проявления всегда позитивного качества. Этот компонент присоединяется обычно к прилагательным, выражающим положительную оценку в самом общем виде: *Det vore ju kanonbra* (М) ‘Это было бы просто *здорово*’. Такие прилагательные и наречия переводятся на русский язык всегда одним эмоционально окрашенным словом.

Существительное *bomb* ‘бомба’, которое, несомненно, ассоциируется со словом *kanon*, в сложных словах также теряет свое понятное значение и употребляется как усиление со вторым компонентом — прилагательным *säker*, выступающим всегда в предикативной функции: *Jag är bombsäker på att de har fel* (LF) ‘Я *абсолютно уверен*, что они неправы’; *Jag är bombsäker på att det var han som tände på* (М) ‘Я *абсолютно уверена*, что это он устроил пожар’; *Min källa är bombsäker* (М) ‘Мой источник *надёжен, как скала*’. Как видно из примеров, прилагательное *bombsäker* переводится не одним эмоционально окрашенным словом, а сочетанием усилительного наречия и краткого прилагательного или краткого прилагательного и сравнительного оборота, поскольку *säker* не выражает оценку.

Интересны композиты с первым компонентом *skit-* ‘дерьмо’, которые очень распространены в современном шведском языке. Существительное это очень грубое, с резко отрицательной коннотацией, и сложные слова с ним имеют ярко выраженную эмоциональную и стилистическую окрашенность: они употребляются только в разговорной речи и имеют оттенок просторечия и даже вульгарности.

Будучи компонентом сложного существительного, *skit-* выражает крайнюю степень отвращения говорящего к описываемому предмету или лицу: *en orålitlig skitstövel* (LM) ‘неблагонадежный *мерзавец*’. Существительное *skitstövel* лексикализировано, причем в нем свое значение утрачивают обе части сложного слова (*stövel* ‘сапог’), поэтому оно входит в словари как одна лексема и пере-

водится одной лексемой. Во всех остальных случаях существительные с рассматриваемым первым компонентом переводятся атрибутивными словосочетаниями. При этом *skit-* не полностью утрачивает свое основное значение в этих композитах, что иногда отражается и в переводе: *skitrapporten* (LM) ‘этот **дерьмовый отчет**’. Но чаще всего переводчики все же выбирают более смягченный вариант, подбирая другие слова с резко отрицательной коннотацией: *det där skitbolaget* (M) ‘эта **чёртова компания**’; *en mesborgerlig skittidning* (LF) ‘**напшиный** буржуазный **журнальчик**’; *någon liten skitaffär* (LM) ‘какое-то **грязное дельце**’.

Входя в состав сложных прилагательных, *skit-* может употребляться со вторым компонентом, выражающим отрицательное свойство, и обозначать очень высокую степень его проявления. В словаре приводятся, например, такие прилагательные, как *skitdålig* ‘ужасный’, *skitskraj* ‘напуганный до смерти’. В исследованном материале таких примеров не встретилось.

Особенно интересно то, что *skit-* может выступать как интенсификатор качества и с оценочно нейтральными прилагательными и наречиями, и даже с теми, которые имеют сугубо положительные коннотации: *Jag har skitbråttom* (LM) ‘Я **ужасно спешу**’; *Det är ju skitbra*. *Exklusivt* (M) ‘Это будет **замечательный** эксклюзив’. В этом случае *skit-* полностью десемантизируется и имеет чисто усилительную, экспрессивную функцию.

Обобщая вышесказанное, можно отметить, что рассмотренные первые компоненты ведут себя по-разному в сложных существительных и прилагательных или наречиях, что находит отражение и в переводе на русский язык.

Употребляясь в составе сложных существительных, они, как правило, сохраняют в большей или меньшей степени свое понятийное значение (исключение составляет лишь *kanon-*) и играют роль определения при втором компоненте, придавая композиту в целом ярко выраженную эмоциональную окрашенность. Переводятся такие слова на русский язык обычно сочетанием существительного с прилагательным, которое и отражает содержание первого компонента.

В сложных прилагательных и наречиях рассматриваемые нами первые компоненты обычно практически полностью десемантизируются и имеют чисто усилительную, экспрессивную функцию,

указывая на высокую степень проявления качества, выраженного вторым компонентом. В том случае, когда второй компонент имеет оценочное значение, такие композиты обычно переводятся на русский язык одним эмоционально окрашенным прилагательным или наречием. Если же второй компонент не является оценочным (в исследованном материале *farlig, säker, rädd, bråttom*), то композит переводится на русский язык сочетанием соответствующего прилагательного с усилительным наречием или усилительным оборотом.

Следует отметить, что первый компонент таких композитов никогда не переводится на русский язык нейтральным усилительным наречием «очень», переводчик всегда старается выбрать более экспрессивный и выразительный вариант. Этот факт свидетельствует о том, что в рассматриваемых сложных прилагательных эмотивный компонент значения выражен намного более ярко, чем у сочетаний прилагательных с усилительными наречиями *mysket* и *väldigt* ‘очень’, которые являются эмоционально и стилистически нейтральными.

Вышесказанное позволяет уточнить статус рассматриваемых компонентов в составе слова. По мнению ряда шведских исследователей [Lundbladh, 2002], эти компоненты, повторяясь в большом количестве слов, перестают функционировать как части композита и «довольно быстро приобретают характер префикса» [Kotsinas, 2003, s. 8]. С этим утверждением нельзя не согласиться в отношении оценочных прилагательных и наречий, у которых первая часть полностью десемантизирована и используется как чисто усилительный префикс, указывая лишь на интенсивность проявления обозначенного прилагательным или наречием качества, подобно тому как, например, отрицательный префикс *o-* обозначает полное отсутствие этого качества (ср. *jättetrevlig* ‘необычайно приятный’ и *otrevlig* ‘неприятный’). Когда же речь идет о существительных, то они могут рассматриваться скорее как композиты, поскольку в них первые компоненты *jätte-*, *topp-* и *skit-* в определенной мере сохраняют свое лексическое значение.

В заключение следует отметить, что поскольку все рассмотренные слова употребляются в разговорной речи [Савицкая, 2006, с. 76] для придания особой экспрессивности высказыванию, то при частом и длительном употреблении одного и того же усилительного компонента экспрессивность эта заметно стирается. По-

этому в качестве первой части таких эмоционально окрашенных слов начинают выступать все новые и новые компоненты [Englund Hjalmarsson, 2015, s. 72].

Известный исследователь шведского разговорного языка и сленга Улла-Бритт Котсинас называет несколько новых компонентов, которые имеют в составе эмоционально окрашенных слов аналогичные функции, что и рассмотренные выше [Kotsinas, 2003, s. 9]. Причем большинство из них по происхождению не существительные. Это прилагательные *tjock* ‘толстый’ и *fet* ‘жирный’, наречие *över* ‘наверху, сверху’, по семантике близкое существительному *topp*, а также собственно префиксы иностранного происхождения *ultra-* и *super-*. Слова с некоторыми из этих компонентов имеются в исследованном материале: *något lika överjävligt* (М) ‘что-то худшее’, где *över-* употреблено в составе оценочного наречия, и *den mördade supersnuten* (М) ‘этот убитый комиссар’ (букв. «суперполицейский»), где *super-* — часть существительного.

В исследованном материале встретились также слова с другими усилительными компонентами: существительными *rekord* ‘рекорд’ и *storm* ‘буря’, прилагательными *hel* ‘целый’ и *rå* ‘грубый, жестокий’, а также префиксом *genom-*. Все эти компоненты в составе композитов утрачивают свое основное лексическое значение и используются как интенсификаторы, но вряд ли приобретают статус префикса, поскольку, в отличие от *jätte-* и *skit-*, их употребление в этой функции еще недостаточно распространено.

Данные компоненты встречаются главным образом в составе прилагательных и наречий: *Hon var verkligen genomtrött* (М) ‘Как же она устала’; *om det blir råkallt* (LM) ‘если грянут сильные морозы’; *Christer är helbra* (LM) ‘Кристер — отличный парень’; *Jag är inte rekordbra på att städa själv* (LF) ‘Я сама не большая любительница уборки’. Интересно, что в двух последних примерах явно оценочные прилагательные с положительной коннотацией представлены в русском переводе сочетанием прилагательного с эксплицитированным существительным, а не одним экспрессивно окрашенным словом, как это характерно для прилагательных с рассмотренными выше первыми компонентами. Это может свидетельствовать об окказиональности прилагательных с компонентами *rekord-* и *hel-*, их недостаточной адаптации в шведскую языковую систему.

В одном примере усилительный компонент был употреблен даже с глаголом *trivas* ‘чувствовать себя комфортно’, хотя в целом использование усилительных первых компонентов для глаголов нехарактерно: *Jag har bara haft stället ett år, men jag stormtrivs verkligen* (М) ‘Я живу здесь всего год, но успела **всей душой привязаться** к этим местам’. Перевод в данном случае описательный, но достаточно адекватно отражает экспрессивность шведского композита.

ЛИТЕРАТУРА

- Маслова-Лашанская С. С. Лексикология шведского языка. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2011. 232 с.
- Савицкая А. В. Аффикация или основосложение? // Скандинавская филология. *Scandinavica*. VIII. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. С. 75–84.
- Englund Hjalmarsson H. Förstärkningarna som avslöjar dig // *Språktidningen*. 2015. No. 7. S. 72–73.
- Kotsinas U.-B. Språkets uppkomlingar // *Språkvård*. 2003. No. 3. S. 4–10.
- Lundbladh C.-E. Prefixlika förleder // *ORDAT*. 2002. No. 17. S. 34–49.
- Malmgren S.-G. *Svensk lexikologi*. Lund: Studentlitteratur, 1994. 150 s.

REFERENCES

- Englund Hjalmarsson H. Förstärkningarna som avslöjar dig [Intensifiers that betray you]. *Språktidningen [Language Newspaper]*, 2015, no. 7, pp. 72–73.
- Kotsinas U.-B. Språkets uppkomlingar [The Language's Upstarts]. *Språkvård [Speech habits]*, 2003, no. 3. pp. 4–10.
- Lundbladh C.-E. Prefixlika förleder [First word components similar to prefixes]. *ORDAT*, 2002, no. 17, pp. 34–49.
- Malmgren S.-G. *Svensk lexikologi [Swedish Lexicology]*. Lund, Studentlitteratur, 1994. 150 p.
- Maslova-Lashanskaia S. S. *Leksikologiia shvedskogo iazyka [Swedish Lexicology]*. St. Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SpbGU Publ., 2011. 232 p. (In Russian)
- Savitskaia A. V. Affiksatsiia ili osnovoslozheniie? [Affixation or Compound Words?]. *Skandinavskaiia filologiia [Scandinavian Philology]*. Scandinavica. VIII. St. Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SpbGU Publ., 2006, pp. 75–84. (In Russian)

Список использованных источников и принятых сокращений

- LM — Larsson S. *Män som hatar kvinnor*. Stockholm, 2005.
- LF — Larsson S. *Flickan som lekte med elden*. Stockholm, 2006.

LB — Lindgren A. Bröderna Lejonhjärta. Falköping, 1993.
LP — Lindgren A. Pippi Långstrump. Falun, 2001.
M — Marklund L. Livstid. Stockholm, 2012.
Ларссон С. Девушка с татуировкой дракона. М., 2014.
Ларссон С. Девушка, которая играла с огнем. М., 2014.
Линдгрэн А. Братья Львиное Сердце // Линдгрэн А. Собр. соч. СПб., 1999. Т. 4.
Линдгрэн А. Пеппи Длинныйчулок // Линдгрэн А. Собр. соч. СПб., 1999. Т. 1.
Марклунд Л. Пожизненный срок. М., 2014.

Sources

Larsson S. *Män som hatar kvinnor* [*The Girl with the Dragon Tattoo*]. Stockholm, 2005.
Larsson S. *Flickan som lekte med elden* [*The Girl who Played with Fire*]. Stockholm, 2006.
Lindgren A. *Bröderna Lejonhjärta* [*The Brothers Lionheart*]. Falköping, 1993.
Lindgren A. *Pippi Långstrump* [*Pippi Longstocking*]. Falun, 2001.
Marklund L. *Livstid* [*Lifetime*]. Stockholm, 2012.
Larsson S. *Devushka s tatuirovkoi drakona* [*The Girl with the Dragon Tattoo*]. Moscow, 2014. (In Russian)
Larsson S. *Devushka, kotoraiа igrala s ognem* [*The Girl who Played with Fire*]. Moscow, 2014. (In Russian)
Lindgren A. Brat'ia L'vinoe Serdtse [The Brothers Lionheart]. *Lindgren A. Sobr. soch.* [*The complete works*] St. Petersburg, 1999. Т. 4. (In Russian)
Lindgren A. Peppi Dlinnyichulok [Pippi Longstocking]. *Lindgren A. Sobr. soch.* [*The complete works*]. St. Petersburg, 1999. Т. 1. (In Russian)
Marklund L. *Pozhiznennyi srok* [*Lifetime*]. Moscow, 2014. (In Russian)

Жильцова Елена Леонидовна

кандидат филологических наук, доцент,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1
E-mail: el-zhilc@yandex.ru

Elena Zhiltsova

PhD in Philology, Associate Professor,
Lomonosov Moscow State University,
GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation
E-mail: el-zhilc@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 20.01.2017, принята к публикации 10.03.2017

УДК 811.113.4+81'37

Е. В. Краснова

Санкт-Петербургский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ КОПУЛЯТИВНЫХ СЛОЖНЫХ СЛОВ В ДАТСКОМ ЯЗЫКЕ

Копулятивные сложные слова (copulative compounds), хотя и представляют собой относительно небольшую группу в современном датском языке, несомненно, заслуживают отдельного рассмотрения. Создавая оппозицию детерминативным сложным словам (determinative compounds), данные образования эксплицируют сочинительные отношения между компонентами, обозначающими явления, предметы, качества, свойства или действия, а их лексическое значение в равной степени определяется семантикой двух компонентов. Для копулятивных сложных слов в датском языке характерно атематическое соединение основ, слитное или дефисное написание (возможно написание через косую черту) и либо равнозначное ударение на первом и на втором компонентах, либо основное ударение на втором элементе при второстепенном ударении на первом. Наиболее частотны копулятивные существительные и прилагательные, а глаголы, наречия и числительные малочисленны. Изучение использования сочинительных сложных слов в Корпусе датского языка и в материалах СМИ говорит о тенденции к использованию сочинительных сложных слов не изолированно, а в качестве первого компонента детерминативного композита, что свидетельствует о «тяготении» к наиболее распространенному в датском языке определительному типу (*mor-datter-forhold*, *mor-datter-relationer*). Многие из копулятивных образований становятся «модными» и создают целые ряды по аналогии, отчасти под влиянием английского языка. Активное использование подобных образований в сфере педагогики, психологии, в бизнесе, рекламе, а также создание индивидуально-речевых композитов по данной модели свидетельствует о ее жизнеспособности. Изучение особенностей образования сочинительных сложных слов позволяет представить полную картину словосложения в датском языке.

Ключевые слова: датский язык, словообразование, словосложение, копулятивные сложные слова, сочинительные отношения.

Elena Krasnova

St. Petersburg State University

PECULIARITIES OF COPULATIVE COMPOUNDS IN THE DANISH LANGUAGE

The article deals with copulative compounds that deserve consideration in spite of representing a relatively small group in modern Danish. Being in a kind of opposition

to determinative compounds, copulative compounds explicate coordinative relations between components denoting phenomena, things, qualities, properties, or actions, while their lexical meaning is determined equally by the semantics of the two components. Copulative compounds in Danish are characterized by athematic connection of stems, joint or hyphenated spelling (spelling with a slash is also possible), and either equally stressed components or the main stress on the second component with the secondary stress on the first component. Copulative nouns and adjectives are most frequent, while copulative verbs, adverbs, and numerals are few in numbers. The study of the usage of coordinative compounds in the Corpus of the Danish language and in mass-media reveals a tendency of their use not independently, but as the first component of a determinative compound, which demonstrates a “strive” towards this type, prevailing in Danish (*mor-datter-forhold*, *mor-datter-relationer*). Many of copulative compounds become “fashionable” and create whole rows by way of analogy, partly under the influence of English. The viability of this model is proved by extensive use of such compounds in pedagogy, psychology, business, advertizing and others as well as by creation of individual-speech compounds according to the model. The study of peculiarities in formation of coordinative compounds helps to build a complete picture of word composition in Danish.

Keywords: Danish, word-formation, compounding, copulative compounds, coordinate relations.

Известно, что по характеру отношений между двумя компонентами большая часть сложных слов в датском языке принадлежит к подчинительному (определятельному или детерминативному) типу с главным вторым компонентом и зависимым первым. Как правило, первый компонент определяет второй, а второй дает общую морфологическую и семантико-категориальную характеристику соединения: *feriejob* ‘каникулы + работа’ (работа во время каникул), *havemøbler* ‘сад + мебель’ (садовая мебель), *hotelregning* ‘гостиница + счет’ (гостиничный счет).

Копулятивные (сочинительные, координативные) композиты (санскр. *двандва*) обычно оказываются на периферии исследований по словообразованию в германских языках. Связано это с тем, что группа сочинительных сложных слов относительно немногочисленна по сравнению с детерминативными сложными словами. В единичных работах, где упоминаются такого рода образования, количество моделей, иллюстрирующих их особенности, как правило, ограничено и не отражает всего разнообразия сочинительных композитов в языке. Исключением является исследование С.Олсен, в котором достаточно подробно рассматриваются особенности английских копулятивных сложных слов, а также

проблема взаимодействия синтаксиса и морфологии для таких образований [Olsen, 2001].

Сложные слова сочинительного типа в датском языке обычно заслуживают лишь беглого упоминания в грамматиках и учебниках датского языка [Hansen, 1967, s. 307; Danish, 1995, s. 244; Hansen, Heltoft, 2011, s. 542], при этом, как правило, в качестве иллюстративных примеров приводятся исключительно сложные существительные или сложные прилагательные.

Вместе с тем копулятивные композиты, несомненно, требуют внимательного рассмотрения по целому ряду причин. Во-первых, уже сама возможность экспликации сочинительных, симметричных отношений между явлениями, предметами, качествами, свойствами или действиями в процессе коммуникации, когда два наименования соединяются в композит, в котором лексическое значение в равной степени определяется семантикой двух компонентов, ставит вопрос о необходимости изучения механизмов создания таких образований. Во-вторых, независимо от того, какой из классификаций руководствоваться при анализе сложных слов¹, копулятивные сложные слова являются частью системы словосложения, представляя собой оппозицию по отношению к широко распространенным детерминативным словам (оппозицию «сочинение vs. подчинение»), поэтому комплексное рассмотрение словосложения невозможно без учета этой пусть и относительно малочисленной группы. В-третьих, копулятивные сложные слова при ближайшем рассмотрении не оказываются гомогенной группой, симметрия компонентов может приобретать различные формы, а сами компоненты могут быть неоднородны как по составу, так и по характеру внутренней связи.

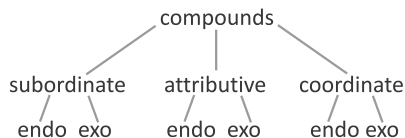
Наиболее распространенные формулы образования таких единиц, лексическое значение которых в равной степени определяется семантикой двух компонентов и в большинстве случаев выражает сочинительные отношения или отношения с оттенком противительности, обычно представляют следующим образом:

¹ Как известно, многие авторы предлагали классификации композитов, в частности следует упомянуть следующие работы: [Marchand, 1969; Spencer, 1991; Olsen, 2001; Booij, 2005].

- 1) «и одно, и другое» (*lærer-forsker* ‘преподаватель-ученый’);
- 2) «или одно, или другое» (*far-datter forhold* ‘отец + дочь + отношения’ (об отношениях отца и дочери)).

Вместе с тем целый ряд сочинительных сложных слов нельзя отнести ни к одной из этих групп. Несмотря на то что в таких композитах на первый взгляд наблюдаются координативные отношения между компонентами, лексическое значение не выводится из простого соположения этих компонентов, оно оказывается за пределами слова. Так, *nordvest* ‘северо-запад’ — это направление между северным и западным, прилагательное *nemsvær* ‘легкий + трудный’, которое содержит в себе логическое противоречие, передает значительно больше нюансов, чем сочетания «не очень трудный» или «не очень легкий», а копулятивное числительное *tre-fire* ‘три-четыре’ передает оттенок приблизительности.

Наличие данной группы в датском языке и ее противопоставление группе копулятивных композитов с легко выводимым значением согласуется с предложенной А. Бизетто и С. Скализе двухуровневой классификацией английских сложных слов, основанной на однородных критериях. В соответствии с данной классификацией первый уровень базируется на грамматических отношениях, второй — на разграничении эндоцентрических и экзоцентрических композитов [Bisetto, Scalise, 2005].

Таким образом, можно сказать, что и в группе датских копулятивных сложных слов выделяются как эндоцентрические, так и экзоцентрические единицы.

При образовании копулятивных сложных слов в датском языке используется атематическое соединение основ, без участия характерных для многих подчинительных композитов интерфиксов *-s-* или *-e-*. Очевидно, что соединение в номинации однородных, равноправных понятий определяет принадлежность компонентов сложного слова к одной части речи. Среди сочинительных компо-

зитов преобладают существительные и прилагательные, однако встречаются также глаголы, числительные и наречия, при этом последние группы немногочисленны.

Для сочинительных сложных слов в датском языке характерно слитное или дефисное написание. В отдельных случаях (в основном при реализации модели «или одно, или другое») возможно написание через косую черту (*dag/nat-gardinet* ‘день+ночь+занавеска’). В случае вхождения сочинительного сложного слова в трехчленный композит наблюдается тенденция к раздельному написанию опорного компонента.

Если для детерминативного сложного слова характерно наличие одного главного ударения, при этом основное ударение приходится на первый элемент, а второстепенное — на второй (такое распределение ударения считается признаком определительного сложного слова), то в копулятивном сложном слове возможны самые различные варианты: основное ударение может падать на первый слог, а второстепенное — на второй (*‘strømpe, bukser* ‘чулки + брюки’ = колготки), может наблюдаться равнозначное ударение на первом и на втором компонентах (*‘rød/grøn* ‘красно-зеленый’), а в отдельных случаях допустимо основное ударение на втором элементе при второстепенном ударении на первом (*‘had/kærlighed* ‘ненависть + любовь’). Очевидно, что распределение ударения зависит от ряда факторов: лексикализованные слова, в первую очередь существительные, повторяют ритмическую модель детерминативных сложных слов, прилагательные, обозначающие цвет, могут иметь равнозначное ударение на двух компонентах или на первом (это может зависеть от семантики слова), в двухкомпонентных собственных именах, как правило, ударение падает на второй слог [Hansen, Lund, 1983, s. 19–21].

Сочинительные сложные слова с точки зрения частеречной принадлежности в датском языке представлены различными типами ([подробнее о типологии сочинительных сложных слов см.: [Краснова, 2016]). Наиболее частотными являются **существительные**, как собственные имена (*Hans-Peter* ‘Ханс-Питер’, *Marie-Louise* ‘Марие-Луизе’, *Becher-Christensen* ‘Бекер-Кристенсен’, *Thorning-Schmidt* ‘Торнинг-Шмидт’, *Lolland-Falster* ‘Лоланд-Фальстер’), так и нарицательные, в частности наименования профессий или рода занятий (*digterfilosof* ‘поэт-

философ', *digterpræst* 'поэт-священник', *lærer-forsker* 'преподаватель-ученый'), сочинительные слова со вторым компонентом, обозначающим родственные отношения, а первым компонентом, обозначающим профессию или род занятий (*ministerfar* 'министр-отец', *professormor* 'пофессор-мать'), наименования лиц, которые находятся в каких-либо отношениях друг с другом или между которыми существует какая-то связь (*lægepatient-forhold* 'врач + пациент + отношения', *mor-datter forhold* 'мать + дочь + отношения'). Среди остальных групп выделяются следующие: наименования отдельных предметов, помещений, зданий (*strømpebukser* 'чулки + брюки' (колготки), *køkken-alrum* 'кухня + общая комната' (кухня-гостиная), названия химических элементов (*svovlbrinte* 'сероводород'), нередко входящих в состав трехкомпонентных сложных слов-наименований сплавов или соединений (*chrom-vanadium-stål* 'хромованадиевая сталь'), другие терминологические наименования (*hjerter-kar-sygdom* 'сердечно-сосудистое заболевание'), а также отдельные окказиональные образования (*dreng-pige møde* 'мальчик + девочка + собрание, встреча' (о мероприятии для девочек и мальчиков, где предполагаются различные виды деятельности для двух групп), *mand/kone figur* 'муж + жена + фигурка' (о композиции, представляющей собой фигурки мужа и жены).

Следует отметить, что некоторые из сложных существительных невозможно безоговорочно отнести к сочинительным [Hansen, 1967, s. 307]. Й. Шак, ссылаясь на известного датского лингвиста П. Дидериксена, отмечает, что некоторые из наименований профессий или рода занятий ближе к определительным, чем к сочинительным композитам, поскольку последний компонент может восприниматься как опорный, т.е. *digterpræst* — это скорее «священник, который также является поэтом», а не «лицо, которое одновременно является и поэтом, и священником» [Schack, 1999, s. 47].

Изучение сочинительных сложных существительных на материале Корпуса датского языка и СМИ демонстрирует тенденцию к использованию копулятивных сложных слов не изолированно, а в качестве первого компонента детерминативного композита, что свидетельствует о «тяготении» к наиболее распространённому в датском языке определительному типу (*salt-peber-sæt* 'соль +

перец + набор', *olie-eddike-dressing* 'масло + уксус + соус'). Наибольшее распространение получают абстрактные существительные из сферы психологии, педагогики, бизнеса и рекламы, которые становятся «модными»: *mor-datter-forhold* 'мать + дочь + отношение', *mor-datter-relationer* 'мать + дочь + отношения', *mor-datter-ferie* 'мать + дочь + отпуск', *mor-datter-dag* 'мать + дочь + день', *mor-datter-konflikt* 'мать + дочь + конфликт', *lærer-elev-relationer* 'учитель + ученик + отношения', *lærer-elev-forhold* 'учитель + ученик + взаимоотношения', *lærer-elev-konflikt* 'учитель + ученик + конфликт', *lærer-elev fodboldkamp* 'учитель + ученик + футбольный матч'. В результате создаются целые ряды по аналогии, причем некоторые из данных моделей пришли в датский язык из английского, а затем получили дальнейшее развитие на датском материале.

Индивидуально-речевое создание собственных имен, образующих симметричные комплексы, также демонстрирует тенденцию к использованию их в составе трехчленных наименований: *Obama-Putin-møde* 'Обама + Путин + встреча'.

Второй по частотности группой копулятивных слов являются **прилагательные**, представленные в основном сложными цветообозначениями: *grå-brun* 'серый + коричневый', *gråblå* 'серый + синий'. Сложные прилагательные, обозначающие цвета, оказываются омонимичными: они могут обозначать как нечто двухцветное (*rød-grøn* 'красный и зеленый одновременно'), так и нечто однотонное (*gråbrun* 'коричневый с серым оттенком'). Среди копулятивных прилагательных встречаются также производные от географических названий, в частности обозначающие национальную или территориальную принадлежность: *dansk-britisk* 'датский + британский', *dansk-portugisisk* 'датский + португальский'. Такие композиты представляют собой открытый ряд, поскольку свободно образуются от любых наименований стран или национальностей. Прилагательные, обозначающие вкусовые качества, представляют собой достаточно небольшую группу: *sursød* 'кислый + сладкий', *bittersød* 'горький + сладкий'. Копулятивные композиты, обозначающие свойства, качества или состояния, характерные для человека или предмета, также немногочисленны: *døvstum* 'глухой + немой', *dumstædig* 'глупый + упрямый', *dumstolt* 'глупый + гордый', *højre-venstre* 'правый + левый', *horisontal-vertikal illusion* 'горизонтальный + вертикальный + иллюзия'. Открытый ряд представляют собой терми-

нологические наименования: *psykologisk-pædagogisk ordbog* ‘психологический + педагогический + словарь’.

Группа копулятивных **глаголов** невелика, и бóльшая их часть представляет собой обозначение двух действий (выраженных, как правило, инфинитивами) или побуждение к действию (выраженному глаголами в повелительном наклонении). Будучи сочинительным сложным словом, такие глаголы становятся определяющими для второго компонента-существительного: *læse-stave træning* ‘читать + писать + тренировка’, *tale-læse pædagog* ‘писать + читать + педагог’, *grave-læsse-maskine* ‘рыть + грузить + машина’, *vis/skjul funktion* ‘покажи + спрячь + функция’.

Группа **наречий** представлена единичными примерами и малопродуктивна, в основном это наречия направления *sydvest* ‘в направлении юга + в направлении запада’.

Открытая группа **числительных** (*tre-fire* ‘три + четыре’, *to-tre* ‘два + три’) представлена единицами, которые по форме являются сочинительными, однако, как говорилось выше, на самом деле передают значение приблизительности.

Компоненты сочинительного сложного слова могут находиться в антонимичных или противоположных, взаимоисключающих отношениях (*dum-klog* ‘глупый + умный’, *horisontal-vertikal* ‘горизонтальный + вертикальный’, *lys/skygge-virkninger* ‘свет + тень + эффекты’), в редких случаях — в синонимичных отношениях, когда оба элемента если и не полностью синонимичны, то во всяком случае очень близки по своей семантике (*tegne-male* ‘рисовать карандашом + рисовать красками’).

Таким образом, сочинительные или копулятивные композиты в датском языке образуют достаточно неоднородную группу и в отношении частеречной принадлежности, и в отношении структурных особенностей.

Изолированные копулятивные сложные слова действительно представляют собой относительно небольшую группу в датском языке. Однако возможность использования в составе трехчленных образований существенно меняет их статус. Бóльшая часть сочинительных сложных слов в современном датском языке используется именно в качестве первого компонента детерминативного композита, что подтверждает «тяготение» к наиболее частотному для датского языка определительному сложному слову. При

этом структура трехчленного сложного слова оказывается более сложной, чем структура трехчленного детерминативного слова, она уже не однозначно бинарна: с одной стороны, сочинительный композит становится определяющим для третьего компонента, с другой стороны, параллельно выстраиваются отношения отдельно между каждым из двух компонентов сочинительного сложного слова и опорным словом.

Трехчленные композиты с копулятивным сложным словом в качестве первого компонента активно используются в целом ряде сфер, в частности в педагогике, психологии, бизнесе, рекламе и т. п. Наряду с этим наблюдается создание индивидуально-речевых композитов по данной модели, что свидетельствует о достаточно широком диапазоне «разрешенности» данной модели, а также о ее жизнеспособности.

ЛИТЕРАТУРА

- Краснова Е. В.* Типология сочинительных сложных слов в датском языке // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. Вып. 9. № 1. С. 130–133.
- Bisetto A., Scalise S.* The classification of compounds // *Lingue e Linguaggio*. 2005. Vol. IV (2). P. 319–332.
- Booij G.* The Grammar of Words. Oxford: Oxford University Press, 2005. 308 p.
- Danish: A Comprehensive Grammar* / ed. R. Allan, P. Holmes, T. Lundskær. London; New York: Routledge, 1995. 628 p.
- Den danske ordbog. URL: <http://ordnet.dk/ddo> (дата обращения: 15.01.2017).
- Hansen A.* Moderne dansk. Kbh., 1967. Bd. 2. 461 s.
- Hansen E., Lund J.* Sæt tryk på. Syntaktisk tryk i dansk. Lærerforeningens materialeudvalg, 1983. 105 s.
- Hansen E., Heltoft L.* Grammatik over det Danske Sprog. Odense: Syddansk Universitetsforlag, 2011. 1842 s.
- KorpusDK. URL: <http://ordnet.dk/korpusdk> (дата обращения: 16.01.2017).
- Marchand H.* The Categories and Types of present-day English Word Formation. Second Edition. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1969. 379 p.
- Olsen S.* Coordination in morphology and syntax: The case of copulative compounds // *Making Sense: from Lexeme to Discourse*. Festschrift for Werner Abraham. Groningen: Center for Language and Cognition, 2001. P. 87–101.
- Schack J.* Blandt sprogets kimærer // *Danske studier*. Kbh., 1999. Bd. 94. S. 37–52.
- Spencer A.* Morphological theory: an introduction to word structure in generative grammar. Oxford; Cambridge, MA: Basil Blackwell, 1991. 512 p.

REFERENCES

- Bisetto A., Scalise S. The classification of compounds. *Lingue e Linguaggio* IV(2), 2005, pp. 319–332.
- Booij G. *The Grammar of Words*. Oxford, 2005. 308 p.
- Danish: A Comprehensive Grammar*. Eds R. Allan, P. Holmes, T. Lundskaer. London, New York, Routledge, 1995. 628 p.
- Den danske ordbog*. Available at: <http://ordnet.dk/ddo> (accessed: 15.01.2017).
- Hansen A. *Moderne dansk*. Kbh., 1967. Bd. 2. 461 s.
- Hansen E., Heltoft L. *Grammatik over det Danske Sprog*. Odense, 2011. Bd. 2. 1842 s.
- Hansen E., Lund J. Sæt tryk på. Syntaktisk tryk i dansk. Lærerforeningens materialeudvalg, 1983. 105 s.
- KorpusDK. Available at: <http://ordnet.dk/korpusdk> (accessed: 16.01.2017).
- Krasnova E. V. Tipologija sochnitel'nykh slozhnykh slov v datskom iazyke [The typology of copulative compounds in the Danish language]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Actual Problems of the humanities and natural Sciences], 2016, IX-1, pp. 130–133. (In Russian)
- Marchand H. *The Categories and Types of present-day English Word Formation. Second Edition*. Wiesbaden, Otto Harrassowitz Publ., 1969. 379 p.
- Olsen S. Coordination in morphology and syntax: The case of copulative compounds. *Making Sense: from Lexeme to Discourse. Festschrift for Werner Abraham*. Groningen, Center for Language and Cognition Publ., 2001, pp. 87–101.
- Schack J. Blandt sprogets kimærer. *Danske studier*. Kbh., 1999, 94 Bd. S. 37–52.
- Spencer A. *Morphological theory: an introduction to word structure in generative grammar*. Oxford & Cambridge, MA: Basil Blackwell, 1991. 512 p.

Краснова Елена Всеволодовна

кандидат филологических наук,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб., д. 7–9
E-mail: e.krasnova@spbu.ru

Elena Krasnova

PhD in Philology, Associate professor,
St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation
E-mail: e.krasnova@spbu.ru

Статья поступила в редакцию 10.01.2017, принята к публикации 10.03.2017

УДК 81'36

А. Н. Ливанова, Ю. М. Григорьева

Санкт-Петербургский государственный университет

ПОСЛЕДНИЕ ПЕРЕВОДЫ БИБЛИИ НА ШВЕДСКИЙ И НОРВЕЖСКИЙ ЯЗЫКИ: ПОПЫТКА ГРАММАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

На рубеже XX–XXI вв. в континентальной Скандинавии выходили новые переводы Библии, что связано с целым рядом факторов: развитием языков, успехами переводоведения, текстологии и экзегетики, обнаружением ранее неизвестных текстов. Переводы 2000 г. в Швеции и 2011 г. в Норвегии объединяет инновационный подход к работе, в которой участвовали переводчики, теологи и стилисты. В статье предметом рассмотрения являются сходства и отличия в направлении развития двух близкородственных языков, выявленные в результате анализа переводов Евангелия от Марка.

В лингвистических исследованиях библейских текстов и их переводов внимание традиционно уделяют лексическим и фразеологическим аспектам. В статье же рассмотрены грамматические решения, принятые коллективами специалистов в разных областях для максимального приближения языкового оформления новых текстов Библии к существующей письменной языковой норме. Рассмотрены как морфологические категории (грамматический род, падеж и соотнесенность существительного, формы глагола), так и синтаксические особенности переводов (длина и структура предложений, когезия текста). Исследование позволило выявить общие тенденции в развитии норвежского и шведского языков (сближение письменного языка с устным, избавление от длинных и сложных предложений) и расхождения в направлении (употребление притяжательных местоимений и конструкций) и скорости (утрата падежа) их изменений.

Ключевые слова: Библия, перевод, норвежский язык, шведский язык, грамматика, морфология, синтаксис.

Aleksandra Livanova, Yuliana Grigoryeva

St. Petersburg State University

RECENT SWEDISH AND NORWEGIAN BIBLE TRANSLATIONS: A TENTATIVE GRAMMATICAL ANALYSIS

At the turn of the 20th and 21st centuries, new translations of the Bible were published in continental Scandinavia. Emergence of these translations is associated with a number

of factors: the development of the languages, the evolution of translation studies, textology, and exegetics, and the discovery of previously unknown texts. Two recent translations (Sweden, 2000; Norway, 2011) display an innovative approach to the work, combining the contributions of translators, theologians, and stylists. This article considers similarities and differences of the development of the two closely related languages that were revealed from analysis of the translations of the Gospel of Mark.

Teams of specialists in various fields worked on bringing the linguistic design of the new texts of the Bible close to the existing written language norm. In linguistic studies of biblical texts and their translations, attention is traditionally given to lexical and phraseological aspects. In contrast to this approach the article discusses the grammatical decisions made in this process. Both morphological categories (grammatical gender, case and verb forms) and syntactic features of translations (sentence length and its structure, textual cohesion) are reviewed in the article. Our research made it possible to identify general trends in the development of Norwegian and Swedish languages (convergence of written and spoken language, elimination of long and complex sentences) as well as divergence in direction of their changes (use of possessive pronouns and constructions) and speed of the changes (loss of case).

Keywords: Bible, translation, Norwegian, Swedish, grammar, morphology, syntax.

История переводов Библии на европейские языки началась более тысячи лет назад. Однако первые полные переводы Библии появились значительно позже и связаны прежде всего с эпохой Реформации. С тех пор количество переводов Библии во всем мире неуклонно растет. Среди причин этого принято выделять миссионерскую деятельность церкви, появление во многих странах национальных библейских обществ, а в последние десятилетия — потребность церкви в новых членах, в том числе среди молодежи, трудности в восприятии старых, классических, переводов [Яковенко, 2012, с. 141].

Рубеж XX–XXI вв. в континентальной Скандинавии ознаменовался выходом новых переводов Библии. Так, в Швеции выходит так называемая Библия 2000 (издания 2000 г.), а в Норвегии, соответственно, Библия 2011 под эгидой Библейского общества. Правда, Ветхий Завет был опубликован еще в 2005 г., но целиком перевод был выпущен в 2011 г.¹ И Ветхий, и Новый Завет были опубликованы сразу на обеих официальных формах норвежского языка — букмоле и нюнорске. Актуальность появления новых пе-

¹ Evangeliet etter Markus 8 (норв.): [http://www.bibeln.se/](https://www.bibel.no/Nettbibelen;Markusevangeliet 8 (шв.): <a href=); русский синодальный перевод Библии: <https://www.bibleonline.ru/bible/rus/>.

реводов связана с целым рядом факторов: развитием скандинавских языков, переводоведения, текстологии и экзегетики, а также с обнаружением ранее неизвестных текстов как Ветхого, так и Нового Завета. Кроме того, известную роль сыграла и дистанцированность старых переводов от современного читателя на лексическом уровне — многие слова, встречавшиеся в более ранних переводах, уже не являются частью не только активного, но и пассивного словарного запаса носителей шведского и норвежского языков. Так, работа по переводу на норвежский язык шла под девизом «Живое слово на живом языке».

Переводы 2000 г. в Швеции и 2011 г. в Норвегии объединяет инновационный подход к работе над ними. В процесс перевода были вовлечены не только переводчики, но и теологи и стилисты, в том числе известные писатели и поэты (среди норвежских это, например, популярные в России и в мире Карл Уве Кнаусгор и Юн Фоссе, а среди шведских — Гун-Бритт Сундстрём и нобелевский лауреат Тумас Транстрём), активное участие в работе принимали также референты и члены правления Комиссии по переводу и редактированию Библии. В Швеции всестороннюю помощь на всех этапах работы оказывало и государство, официально поддерживавшее появление нового перевода и высказавшее свою заинтересованность в нем (подробнее об истории переводов Библии в Швеции см., напр.: [Olsson 2001]). Государству принадлежат и права на издание Библии 2000, однако распоряжается ими Шведское библейское общество. Как в Швеции, так и в Норвегии библейские общества получают основную массу средств от продажи книг Библии [Årsrapport 2011 Bibelselskapet]. В обеих странах по мере продвижения работы фрагменты переводов публиковались, вызывая бурное общественное обсуждение.

Своей основной целью как норвежские, так и шведские переводчики видели создание текста на современном языке, отражающем актуальную языковую норму и понятном читателю. Кроме того, было принято принципиальное решение работать исключительно с древнееврейскими и древнегреческими оригиналами, без использования более ранних переводов на шведский и норвежский языки и, вопреки сложившейся многовековой традиции, не опираясь на переводы на другие европейские языки, в особенности на немецкий. Следует сразу оговорить то обстоятельство,

что в нашей статье предметом рассмотрения являются не переводческие стратегии как таковые, а то, как созданные на базе одного и того же исходного материала и схожих стратегий тексты демонстрируют сходства и отличия в направлении развития двух близкородственных языков.

Во временном плане шведский перевод оказывается размещенным примерно посередине между норвежским переводом 2011 г. и предшествовавшим ему переводом Библейского общества (1978 г. в редакции 1985 г., который в норвежских источниках принято обозначать как *Vibelen 1978/85*), этот текст также будет анализироваться в статье, ведь цели, преследовавшиеся в работе над указанным переводом, были практически те же самые: осовременивание языка и приближение его к современному читателю. Стоит упомянуть, что Новый Завет, отрывок из которого рассматривается в статье, на шведский язык был переведен первым из всех библейских книг в 1981 г. и впоследствии вошел в Библию 2000. Таким образом, три рассмотренных в статье текста были созданы в период между 1978 и 2011 гг.

В этой связи следует указать на особенности языковой ситуации в Норвегии, складывающейся в условиях детального языкового планирования. Так, на коротком в историческом масштабе этапе был проведен целый ряд языковых реформ с поправками к ним. За введением «нового правописания» в 1917 г. последовали изменения 1938, 1959, 1981, 2005, а теперь и 2012 гг., потрясающее воображение количество поправок к этим решениям в период между 1962 и 2003 гг. демонстрируется на особой вкладке к интернет-сайту норвежского Языкового совета [*Rettskrivningsvedtak 1962–2003*], где они организованы в алфавитном порядке. Хотя изменения и носят название реформ правописания — *rettskrivningsreformer*, но они далеко не сводимы к таковым (см. подробнее, напр.: [Ливанова 2003]). И если направлением планирования примерно до 1980 г. была в отношении букмола главным образом его так называемая радикализация, т. е. сближение с диалектной и просторечной речью, а также с нюнорском, что отдаляло письменный букмол от классических текстов художественной литературы и от традиций наиболее широко использовавшегося ранее перевода Библии (исправленное в 1930 г. издание перевода 1904 г.), то затем реформы во многом свелись к восстановлению ранее отвергнутых традиционных ва-

риантов, так и не изжитых в письменной, да и в устной, практике, особенно у образованных людей. «Новый язык Библии должен быть хорошим и современным литературным норвежским», — пишет участвовавший в проекте 2011 г. ученый и переводчик Аннерс Ашим [Aschim, 2011, s. 32]. В этом высказывании сенсацией можно назвать употребление слова *литературный*, которого всячески избегают в норвежском языковом дискурсе, тем более на страницах журнала *Språknytt*, издаваемого Советом по языку.

Норвежский перевод 1978/85 г. был создан в период разгара реформаторства, оказавшегося неприемлемым для многих. Как пишет видный исследователь, специалист в области древних языков и переводоведения Х. Фаускангер, «переводчики позиционировали себя как свободных в отношении и библейской традиции, и внешней формы исходного текста» [Fauskanger, 1998, s. 131]. Именно результатом отхода от традиций перевода сакрального текста, вероятно, и было вызвано то обстоятельство, что более востребованными в Норвегии оказались альтернативные переводы (*Norsk Bibel 1988* и *Bibelen: Guds Ord 1997*): «Перевод 1978 г. был столь чужд переводческой традиции, что значительная часть верующих сплотилась вокруг *Norsk Bibel*, вышедшей в 1988 г. и во многом продолжающей дело исправленного перевода Библии 1930 г.» [Andersen, 2014, s. 1].

В Швеции же языковая ситуация в XX в. была более стабильной. Так, последняя на сегодня орфографическая реформа была проведена в 1906 г., последующие же значимые изменения (выход из употребления форм множественного числа глаголов, большей части форм сослагательного наклонения и т. д.) не носили характера реформ, проведенных «сверху», и произошли за несколько десятилетий до выхода Библии 2000.

В лингвистических исследованиях библейских текстов и их переводов внимание традиционно уделяют лексическим и в особенности фразеологическим аспектам перевода, грамматика же подвергается анализу значительно реже, хотя развитие шведского и норвежского языков в XX в. в существенной степени затронуло и грамматическую их сторону, как на уровне морфологии, так и на уровне синтаксиса.

Представляется немаловажным на материале близкородственных языков рассмотреть новые грамматические решения, при-

нятые работавшими над переводами коллективами специалистов в разных областях с тем, чтобы максимально приблизить языковое оформление новых текстов Библии к существующей письменной языковой норме, пусть и чрезвычайно размытой в случае норвежского языка. Это тем более важно, что «Библия является языкообразующей», как указывал в одном из интервью руководитель коллектива, работавшего над новым норвежским переводом, Ханс-Улав Мёрк [Vaaland, 2011, s. 2], в том смысле, что язык этого текста, читаемый практически всей нацией, во многом задает тон всей языковой практике. Так, в истории шведского языка именно перевод Библии (Библия Густава Васы 1541 г.) сыграл ключевую роль в формировании и кодификации литературной нормы, заложил вектор ее развития на несколько столетий (подробнее о языковых особенностях Библии Густава Васы см., напр.: [Lindqvist, 1941, Sjögren, 1949]).

В качестве объекта исследования для подробного грамматического анализа был выбран небольшой отрывок из Евангелия от Марка (гл. 8). Во-первых, часть этого отрывка (8: 31) подробно проанализирована на предмет лексики в книге, написанной одним из переводчиков норвежской Библии 2011, специалистом по древним языкам, профессором Университетского колледжа г. Волда Аннерсом Ашимом [Aschim, 2013, s. 109–111]. Авторы сочли, что было бы полезно дополнить этот анализ, обратившись к грамматике. Во-вторых, представлялось логичным рассмотреть ее на отрывке сопоставимого объема и посмотреть, обнаружатся ли в нем вызывающие интерес явления из области грамматики. Методология, примененная и описанная в настоящей статье, в дальнейшем может быть использована при грамматическом анализе текстов на близкородственных языках.

Следуя негласной традиции, обратимся вначале к морфологии, рассмотрев характеристики двух важнейших частей речи, существительного и глагола (объем статьи не позволяет дать описание всех частей речи, а также словообразования, хотя и в этих отношениях наблюдается немало интересного). В первую очередь следует упомянуть то, что в языках некоторые из них оказываются субъективно более важными, чем другие. Так, в норвежском языке при возможности передать некий смысл, используя выражение, содержащее глагол или существительное, предпочтение отдается

глаголам и прилагательным по сравнению с существительными. Излишнее, по мнению норвежцев, употребление существительных имеет свое название — *substantivsyke/substantivsjuke*, т.е. субстантивная болезнь [Vinje, 1968, s. 58, 60–62] (касательно глагольности норвежского языка относительно ряда других, например французского, см. статью: [Lotherington, 2015]). Аналогичное явление наблюдается и в шведском языке и описывается тем же термином — *substantivsjuka*.

Многие существительные по возможности были заменены глаголами или иными предикатами еще в переводе 1978/85 г., что отмечалось (и критиковалось) как одна из важнейших особенностей этого перевода — *avsubstantivering* [Lønning, 1997, s. 28]. Разница в выборе частей речи проявляется даже в рассматриваемом отрывке из Библии: в обоих норвежских (как и в русском) переводах использовано адъективное дополнение, а в шведском — косвенное субстантивное: норв. *Sender jeg dem sultne hjem* (досл. «Пошлю я их голодными домой»), шв. *Om jag låter dem gå härifrån utan mat* (досл. «Если я позволю им уйти отсюда без пищи») // Если **неевшими** отпущу их в дома их, ослабеют в дороге, ибо некоторые из них пришли издалека (3)².

Обратимся к грамматическим категориям, присущим имени существительному в обоих языках. Это прежде всего род. В шведском языке имеются существительные общего и среднего рода, также в норвежском еще в начале прошлого века господствовала двухродовая система, которая постепенно сменилась трехродовой, со средним, мужским и женским родом. Употребление последнего регулируется целым рядом обстоятельств, главное из них в рассматриваемом контексте то, что употребление слов, оформленных по женскому роду, отчетливо ощущается как стилистически сниженное. Непоследовательное использование женского рода служило одним из оснований для критики перевода 1978/85 г. (см.: [Olsen, 2003, s. 12]). В исследованном отрывке слов, которые потенциально могли быть употреблены в женском роде, четыре (*tid* ‘дни’ (1), *ødemark* ‘пустыня’ (4), *slekt* ‘род’ (12, 38), *hånd* ‘рука’ (23)), однако все они в переводе 2011 г. использованы в форме мужского рода. Слова *ødemark* и *hånd* идут по мужскому роду и в переводе 1978/85 г.,

² Здесь и далее номер стиха будет указываться при русском переводе.

что же касается оставшихся слов, то они употреблены в устаревших конструкциях высокого стиля (с отдельно стоящим определенным артиклем, но без суффиксированного — об этом см. ниже), не позволяющих судить об их грамматическом роде. В контексте цели, поставленной перед переводчиками (осовременить язык), а также претензий, ранее высказывавшихся относительно перевода 1978/85 г. как слишком вольного, это могло бы вызвать недоумение. Уже цитированный выше Аннерс Ашим предполагает, что кого-то «разочарует столь малое число слов женского рода с окончанием *-a* в определенной форме» [Aschim, 2011, s. 33]. Однако, думается, дело в том, что носители норвежского языка в своей массе не приняли насаждавшегося реформами прошлого века сдвига в сторону просторечия, и в переводе, создававшемся с участием чутких к языковому узусу писателей, крен в сторону употребления женского рода исправлен.

В литературном шведском языке, в отличие от норвежского, отличие по роду (а вернее, по биологическому полу лиц) проводится в единственном числе при согласовании определения, выраженного прилагательным в слабой форме, стоящим впереди существительного: определение, относящееся к лицу мужского пола, имеет окончание *-e*, в остальных случаях — окончание *-a*. Хотя в устной, а нередко и в письменной речи существует тенденция к генерализации окончания *-a* [Hultman, 2003, s. 88], в тексте отрывка сохраняется традиционная форма *den blinde* ‘слепой’ (23).

Наличие у существительного в шведском и норвежском языках всего двух падежей (общего и родительного), сужение функций последнего до выражения связи одного существительного с другим, давно происшедшее сужение инвентаря показателей до одного *-s*, а также растущее использование предложных и иных посессивных конструкций позволяют говорить о том, что *-s* в этих языках скорее не показатель падежа — генитива, а фразовый маркер (деграмматикализации показателя *-s* в шведском языке посвящена диссертация [Norde 1997], она в значительной мере применима и к норвежскому языку). Показательно, что даже на небольшом фрагменте текста видно, что норвежский язык продвинулся в этом направлении дальше: показатель *-s* используется в обоих переводах лишь в сочетании с названием народа *fariserne*, принадлежность лицу обозначается предлогом — *surdeig*

til Herodes (1978/85) и *surdeigen fra Herodes* (2011) соответственно; в шведском же переводе в форме генитива употреблены оба слова: *fariseernas och Herodes surdeg* ‘закваски фарисейской и закваски Иродовой’ (15). Бросается в глаза также использование в норвежской притяжательной предложной конструкции разных предлогов, частично синонимичных, по происхождению пространственных: *til* ‘к’ и *fra* ‘от’. Отличия в форме сопровождаются здесь и отличиями в оттенках значения, что позволяет говорить о возможностях более нюансированной передачи смысла высказывания при использовании предлога, чем падежной формы.

Далее, в шведском переводе генитивом оформлены слова в стихе 33: *Dina tankar är inte Guds, utan människors* ‘ты думаешь не о том, что Божие, но что человеческое’. В норвежских же переводах предложение построено совершенно иначе.

В употреблении форм числа существительного можно отметить, что в норвежском широко распространено использование единственного числа при обозначении неопределенного числа мелких однородных объектов, в особенности используемых как объект питания или охоты (рыбалки). Это наблюдается и в библейском тексте, где оба норвежских перевода употребляют именно форму единственного числа в собирательном значении — *noen få småfisk*, шведский же и русский переводы используют множественное число: *några fiskar* ‘немного рыбок’ (7).

Переходя к категории соотнесенности, следует сказать, что для выражения определенной соотнесенности существительного с впередистоящим определением, выраженным прилагательным, в современных норвежском и шведском языках используется так называемый рамочный артикль, т. е. отдельно стоящий определенный артикль (или указательное местоимение) перед сочетанием прилагательного и существительного, оформленного суффицированным определенным артиклем. В норвежском высоком стиле допустимо опущение суффицированного артикля. В шведском это возможно лишь после носящих более формальный характер указательных местоимений *denna/detta/dessa*, но такое употребление — скорее особенность письменной речи вообще, чем маркер функционального стиля. Между тем в шведском в ряде случаев допустимо опущение отдельно стоящего артикля. Исследуемые переводы в этой связи дают повод для раздумий. Фрагмент начинается

словами «В те дни» (1), которым в шведском переводе и в норвежском переводе 1978/85 г. соответствуют словосочетания с рамочным артиклем: шв. *Vid den tiden*, норв. *På den tiden*. В норвежском переводе 2011 г. наблюдается книжное *På denne tid*. Заканчивается фрагмент словами «со святыми Ангелами» (38), в шведском переводе и здесь рамочный артикль — *de heliga änglarna*, в обоих же норвежских переводах суффиксированный артикль опущен: *de helige engler*. Руководитель издательского отдела Библейского общества Норвегии Турид Барт Петтерсен заверяла, что «в повествовательных фрагментах текста предпочли осторожно модернизировать слог, в то время как стихи сохраняют более высокий стиль» [Pettersen, 2003, s. 19], однако можно убедиться в том, что разнобой наблюдается и в рамках рассматриваемого в статье повествовательного отрывка. Можно, конечно, предположить, что ангелы — объект высокого порядка, а название временного промежутка — нет, но здесь требуется более тщательное исследование. Модернизация наблюдается лишь в переводе 12 стиха: вместо *denne slekt* появляется *denne slekten*. Однако в другом стихе встречается употребление одного лишь указательного местоимения, без суффиксированного артикля, в этом стихе шведского перевода — *detta släkte* — и во всех трех переводах в сочетании норв. *denne utro og syndige slekt*, шв. *detta trolösa och syndiga släkte* ‘в роде сем прелюбодейном и грешном’ (38). Варианты указательных местоимений *denna/detta/dessa* (вместо нейтральных *den/det/de*) в шведском характеризуют более формальный стиль и являются принадлежностью письменной речи, как и русское *сей*. Что же касается конструкции с отсутствием суффиксированного артикля и отдельно стоящим артиклем *den/det/de*, она характеризуется не только как устаревшая или характерная для поэтического языка, но и как специфически библейская: *den heliga skrift* ‘Священное Писание’, *den helige ande* ‘Святой Дух’ [Thorell, 1973, s. 60]. Таким образом, новый шведский перевод оказывается более традиционным, чем норвежский.

Говоря о притяжательных местоимениях, необходимо упомянуть и существенный для норвежского языка вопрос их места в сочетании с существительным, относящийся к области микросинтаксиса и стилистики: из устной речи в письменную постепенно перекочевало использование местоимения после существительного. Непоследовательность перевода 1978/85 г. в этом отношении

критиковалась [Olsen, 2003, s. 18]. В рассматриваемом фрагменте она частично выправлена в сторону устной практики: в стихе 23 обоих норвежских переводов местоимение стоит в постпозиции — *øynene hans* ‘ему на глаза’, как и в стихе 34 Библии 2011 — *disiplene sine*; в этом стихе перевода 1978/85 г., как и в шведском, оно было вообще опущено: норв. *disiplene*, шв. *lärjungarna* ‘учеников Своих’. Однако в остальных случаях местоимение и в норвежских, и шведском переводах поставлено в препозицию.

Для второй из важнейших частей речи, глагола, значимой характеристикой служат формы спряжения. Исследователь текстов Библии, специалист по древним языкам Хельге Фаускангер говорил в интервью о стиле Евангелия от Марка, что оно «написано на довольно вульгарном и неуклюжем греческом, чуть ли не на грубом просторечии, которое в корректном переводе на норвежский следовало бы передавать, используя массу окончаний *-a*» [Ese]. Показатель *-a* используется в букмоле в качестве суфигированного артикля женского рода³ и окончания претерита слабых глаголов основного, 1-го класса⁴. В исследуемом фрагменте этот показатель отсутствует.

По соображениям ограниченного объема статьи не анализируются прочие глагольные формы, прочие части речи, а также представляющее особый интерес словообразование (особенно цельнооформленность и раздельнооформленность глаголов с частицами; показательный пример — замена *oppstå* на до сих пор неприемлемое многими *stå opp* в переводе 2011 г.; в шведском это *uppstå* ‘воскреснуть’ (31), а также большее количество сложных слов по сравнению со словосочетаниями в шведском, что может быть одной из причин сокращения числа слов в предложении). Авторы планируют обратиться к рассмотрению этих вопросов в дальнейшем.

Переходя к синтаксису, примем во внимание утверждение о том, что «в букмоле осторожной модернизации подверглось в особенности построение предложений, синтаксис» [Aschim, 2011, s. 33]. Одним из существенных синтаксических показателей является длина предложения. На протяжении последних десятилетий именно этот критерий неоднократно становился пред-

³ О женском роде, вернее, его отсутствии в переводе, см. выше.

⁴ Определенный артикль *-a* может оформлять и множественное число существительных, но это разговорная форма.

метом исследований шведских лингвистов на материале текстов различных функциональных стилей [Engdahl, 1962; Grahn 1965; Nordin-Thelander 1981]. Это связано с тем, что значительное сокращение длины предложения и, как следствие, упрощение его структуры — важнейшее изменение, произошедшее на синтаксическом уровне шведского и норвежского языков в XX в. Данное явление подтверждается всеми проведенными исследованиями и объясняется в первую очередь демократизацией языка, последовательным сближением письменной и устной речи, тенденцией, характерной «в целом для современных европейских языков» [Берков, 2011, с. 64].

Анализируемая глава Евангелия от Марка в шведском переводе состоит из 56 предложений, в норвежском 1978/85 г. — из 59 предложений, в норвежском 2011 г. — из 63 предложений. Максимальная длина предложения в Библии 2000 составляет 31 слово, в Библии 1978/85 и 2011 гг. — 34 слова. Данный показатель можно считать относительно высоким для всех рассматриваемых переводов, а длину предложения, превышающую 30 слов, — нехарактерной для Библии 2000, что было доказано в исследовании текста Евангелия от Матфея, в котором наиболее частотная длина предложения колеблется в диапазоне от 11 до 20 слов [Григорьева, 2012, с. 22]. Подобный результат подтвердил тезис П. Кассирера об оптимальной для современного шведского языка длине предложения от 13 до 19 слов [Cassirer, 2003, s. 66]. Эти показатели, скорее всего, верны и для норвежского языка, хотя именно тексты норвежских переводов Библии на этот предмет не исследовались, но практика переводов художественной литературы на норвежский язык свидетельствует о том, что издательства предпочитают тексты, в которых предложения не были бы слишком длинными.

Минимальная длина предложения одинакова во всех трех переводах и составляет три слова. Подобных примеров в анализируемом материале насчитывается три единицы в шведском тексте и четыре — в обоих норвежских, причем они однотипны, и всем трем шведским предложениям соответствуют те же норвежские: шв. *Sju, sade de.*; норв. *Sju, svarte de.* ‘Они сказали: семь.’ (5); шв. *Tolv, svarade de.*; норв. *Tolv, svarte de.* ‘Говорят Ему: двенадцать.’ (19); шв. *Sju, svarade de.*; норв. *Sju, svarte de.* ‘Сказали: семь’ (20).

В представленной ниже сводной таблице приводится весь проанализированный материал, распределенный на четыре группы в зависимости от длины предложения (табл.).

Таблица

Евангелие от Марка, глава 8	Длина предложения				
	≤ 10	11–20	21–30	31–40	
2000	19	31	4	2	56
1978/85	24	30	4	1	59
2011	29	28	4	2	63

Как следует из таблицы, показатели, обнаруженные в шведском и норвежских переводах, сопоставимы с той лишь разницей, что в норвежских текстах число предложений с минимальной длиной последовательно увеличивалось, а со средней длиной — незначительно снизилось и в последнем на данный момент переводе практически сравнялось с первой группой. Открытым остается вопрос о том, говорит ли наблюдаемая тенденция о снижении оптимальной длины предложения в рассматриваемых языках до десяти слов и менее.

Для получения более точных данных при дальнейшем синтаксическом анализе материала было решено не рассматривать предложения с прямой речью, а также вопросительные предложения, что сократило корпус примеров почти вдвое — до 29 единиц в шведском тексте и норвежском тексте 1978/85 г. и 34 единиц в норвежской Библии 2011. Таким образом, далее речь идет только о повествовательных предложениях.

Как в шведском, так и в норвежских переводах в отобранном материале доминируют простые предложения: их количество составляет 16 единиц (из 29) в шведском тексте, 15 (из 29) в Библии 1978/85 и 21 (из 34) в Библии 2011. Эти данные не противоречат общей тенденции к максимально простой организации предложения по образцу устной речи. Интересно, что в группе простых предложений одинаково представлены предложения с прямым и обратным порядком слов: в шведском тексте — по восемь единиц, в норвежском 1978/85 г. — семь единиц с прямым порядком слов и восемь с обратным, в норвежском 2011 г. — одиннадцать единиц с прямым порядком слов и десять с обратным.

Что касается сложных предложений, то во всех переводах лучше представлены сложноподчиненные предложения (семь единиц в шведском тексте, шесть в Библии 1978/85 и восемь в Библии 2011), нежели сложносочиненные (по три единицы в Библии 2000 и 2011 и четыре единицы в Библии 1978/85). Известно, что тексты, в которых доминирует паратактическая связь, легче читать и воспринимать, нежели тексты с гипотактической связью и развитой системой придаточных предложений. Таким образом, доминирование гипотаксиса — один из немногих критериев, по которому рассматриваемые тексты сближаются не с устной, а с письменной речью.

Среди типов придаточных предложений, встречающихся в шведском материале, самыми частотными (хотя в абсолютном исчислении немногочисленными — их насчитывается три) являются придаточные изъяснительные (дополнительные), введенные союзом *att* ‘что’ — наиболее распространенный тип изъяснительных придаточных предложений в современном шведском языке [Жильцова, 2006, с. 31]. Кроме того, обнаружено два предложения с временными придаточными, вводимыми союзами *när* и *då* (оба со значением «когда»), одно придаточное условия, вводимое союзом *om* ‘если’ и одно придаточное относительное, вводимое относительным местоимением *som* ‘который’. В норвежских текстах также представлены только распространенные типы придаточных предложений, однако больше всего придаточных относительных, которые в анализируемом материале вводятся исключительно относительным местоимением *som* ‘который’ (шесть единиц в Библии 1978/85 и семь — в Библии 2011). Такую частотность относительных придаточных, вероятно, можно считать индикатором влияния устной речи, поскольку, как пишет У.Телеман, в устной речи наблюдается тенденция помещать синтаксически или семантически главное в конструкции слово как можно раньше, в результате чего предложные словосочетания в функции определения предпочитают имеющим то же значение определениям, выраженным генитивом, а придаточные относительные — препозитивным адъективным определениям [Teleman, Wieselgren, 1980, s. 81].

Также в норвежских текстах присутствуют одно придаточное изъяснительное с союзом *at* ‘что’ и одно временное придаточное, вводимое союзом *når* ‘когда’. Во всех случаях, кроме одного,

сложноподчиненные предложения в шведском тексте имеют по одному придаточному, в одном случае — два придаточных (относительное и временное); аналогично данное предложение выглядит и в обоих норвежских переводах: шв. *Den som skäms för mig och mina ord i detta trolösa och syndiga släkte, honom skall också Människosonen skämmas för när han kommer i sin faders härlighet med de heliga änglarna.*; норв. *Den som skammer seg over meg og mine ord i denne utro og syndige slekt, ham skal også Menneskesønnen skamme seg over når han kommer i sin Fars herlighet, sammen med de hellige engler* (1978/85); норв. *For den som skammer seg over meg og mine ord i denne utro og syndige slekt, skal også Menneskesønnen skamme seg over når han kommer i sin Fars herlighet sammen med de hellige engler* (2011) ‘Ибо кто постыдится Меня и Моих слов в роде сем прелюбодейном и грешном, того постыдится и Сын Человеческий, когда придет в славе Отца Своего со святыми Ангелами’ (38).

В норвежских текстах присутствует также пример с двумя придаточными относительными: *Du har ingen sans for det som Gud vil, bare for det som mennesker vil.* (1978/85); *Du har ikke tanke for det som Gud vil, bare for det som mennesker vil.* (2011) ‘Ты думаешь не о том, что Божие, но что человеческое’ (33). В шведском переводе в данном случае используется простое предложение: *Dina tankar är inte Guds, utan människors.*

В шведском тексте представлены сложноподчиненные предложения как с левосторонним, так и с правосторонним ветвлением. Последние принято считать отличительной особенностью устной речи [Cassirer, 2003, s. 65]. Напротив, предложения с левосторонним ветвлением, как правило, более сложны для восприятия и являются принадлежностью письменной речи. Таким образом, по данному критерию также не наблюдается однозначного отклонения в сторону сближения с устной речью. В норвежских переводах отсутствует левостороннее ветвление, что связано с большим количеством придаточных относительных. Их особенность заключается в негибкой структуре, т. е. придаточная часть может находиться только в постпозиции или в интерпозиции [Жильцова, 2006, с. 28], что само по себе исключает возможность левостороннего ветвления.

Кроме вышеуказанных типов сложных предложений, в шведском тексте и норвежской Библии 1978/85 присутствует по одному

сложному бессоюзному предложению (в норвежском переводе 2011 г. этот тип отсутствует), а также по два предложения с разными видами связи в шведском переводе и норвежской Библии 2011. В более раннем тексте 1978/85 г. подобных предложений насчитывается три. Очевидно, что такая сложная модель построения предложения на данном этапе развития шведского и норвежского языков не является продуктивной. Как отмечает В. П. Берков, «длинные периоды сложной синтаксической структуры — с иерархическим рядом придаточных предложений и т. п. — все реже используются в прозе XX в.» [Берков, 2011, с. 64].

Как шведский, так и норвежский язык допускают употребление бессоюзной связи в условных придаточных предложениях. В этом случае придаточная часть всегда предшествует главной. Подобный пример встретился единожды в каждом из норвежских переводов: *Sender jeg dem sultne hjem, vil de bli helt utmattet på veien* (1978/85, 2011). В том же предложении в шведском тексте придаточная часть также находится в препозиции по отношению к главной, но оформлена союзом *om* 'если': *Om jag låter dem gå härifrån utan mat orkar de inte ta sig hem* 'Если неевшими отпускаю их в дома их, ослабеют в дороге' (3).

Что касается когезии текста, отметим одну из особенностей Библии, сохраненную во всех трех переводах: анафорическое употребление сочинительных союзов, выполняющих стилистическую функцию связующего звена с предыдущим предложением, — элемента, придающего тексту определенный ритм. С этой целью в шведской Библии 2000 используются союзы *och* 'и', *men* 'но' и — реже — устаревший *ty* 'ибо', в норвежских переводах — *og* 'и', *men* 'но' и в единичных случаях *for* 'потому что'.

Проведенное исследование позволило выявить ряд общих тенденций в развитии литературных норвежского и шведского языков (сближение письменного языка с устным, избавление от длинных и сложных предложений) и расхождения как в направлении (употребление притяжательных местоимений и конструкций), так и скорости (утрата падежа) определенных изменений, не говоря уже о том, что продемонстрирована определенная декларативность в оценке языка переводов, присущая осуществлявшим переводы специалистам. Представляется, что более прицельное применение использованного подхода к тексту большего объема

способствовало бы выявлению важных черт в развитии близкородственных языков.

ЛИТЕРАТУРА

- Берков В. П.* Работы по языкознанию. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2011. 651 с.
- Григорьева Ю. М.* Длина предложения как показатель синтаксических изменений в языке (на материале переводов Библии на шведский язык 1917 и 2000 гг.) // Скандинавская филология. Вып. XII. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. С. 16–24.
- Жильцова Е. Л.* Сложноподчиненное предложение в современном шведском языке. М.: Изд-во МГУ, 2006. 104 с.
- Ливанова А. Н.* Языковая ситуация в Норвегии // Материалы XXXII международной филологической конференции. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. С. 10–13.
- Яковенко Е. Б.* Неопалимая купина или горящий куст? (О красоте и точности современных библейских переводов) // Логический анализ языка. Перевод художественных текстов в разные эпохи / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2012. С. 141–150.
- Andersen R.* Vi sammenlikner Norsk Bibel og Bibel 2011. Manuskript til foredrag på møte i FBB Østfold 11. mars 2014. 17 s.
- Aschim A.* Bibelen 3.0. Bak Bibel 2011. Oslo: Verbum forlag, 2013. 288 s.
- Aschim A.* Når Bibelen blir ny // Språknytt 4. 2011. S. 32–34.
- Årsrapport 2011 Bibelselskapet. URL: <https://www.bibel.no/~media/Files/Armsmeldinger/Armsmelding%202011.1.ashx> (дата обращения: 15.01.2015).
- Cassirer P.* Stil, stilistik & stilanalys. Stockholm: Natur och Kultur, 2003. 287 s.
- Engdahl S.* Studier i nusvensk sakprosa. Uppsala: Institutionen för nordiska språk vid Uppsala universitet, 1962. 202 s.
- Ese B. K.* Den norske Bibelen er frisert og sminka. URL: http://www.nrk.no/hordaland/_den-norske-bibelen-er-frisert-og-sminka-1.12253957 (дата обращения: 17.03.2015).
- Fauskanger H. K.* Bibelen på norsk. Bergen: Hovedoppgave ved Nordisk institutt; Universitetet i Bergen, 1998. 134 s.
- Grahn L.* Det moderna tidningspråket // Språkvård 4. 1965. S. 3–11.
- Hultman T. G.* Svenska Akademiens språklära. Stockholm: Norstedts Akademiska Förlag, 2003. 342 s.
- Lindqvist N.* Några huvuddrag i Gustav Vasas Bibels språk. Uppsala: Uppsala universitet, 1941. 16 s.
- Lotherington T.* I påvente av Godot // Språknytt 4. 2015. S. 22–24.
- Lønning P.* Hvem er redd for old king James? // Ordet 4. 1997. S. 24–28.
- Norde M.* The History of the Genetive in Swedish. A Case Study in Degrammaticalization: Ph.D. dissertation. Amsterdam: University of Amsterdam, 1997. 268 p.

- Nordin-Thelander K. Variation i politiskt ordförråd. Uppsala: Uppsala universitet, 1981. 30 s.
- Olsen K.-J. Revidert bibeloversettelse — til det bedre? // *Aftenposten*. 05.09.2003. S. 12.
- Olsson B. Från Birgitta till Bibel 2000. Stockholm: Verbum, 2001. 131 s.
- Pettersen T.B. Bibeloversettelse — det muliges kunst // *Aftenposten*. 14.04.2003. S. 19.
- Rettskrivningsvedtak 1962–2003. Språkrådet. URL: <http://www.sprakradet.no/Spraka-vare/Norsk/Rettskrivningsreformer/Rettskrivningsvedtak-1962-2003> (дата обращения: 15.01.2015).
- Sjögren G. Om språket i de svenska bibelöversättningarna 1526–1541. Lund: Gleerup, 1949. 159 s.
- Teleman U., Wieselgren A. M. ABC i stilistik. Lund: LiberLäromedel, 1980. 137 s.
- Thorell O. Svensk grammatik. Stockholm: Esselte studium, 1973. 302 s.
- Vaaland T. Ø. Bestselgeren // *Morgenbladet*. 21–27.10.2011. S. 2.
- Vinje F.-E. Moderne norsk. Oslo: H. Aschehoug Co. (W. Nygaard), 1968. 190 s.

REFERENCES

- Andersen R. *Vi sammenlikner Norsk Bibel og Bibel 2011* [We Compare Norwegian Bible and Bible-2011]. Manuskript til foredrag på møte i FBB Østfold 11. mars 2014. 17 p.
- Aschim A. Når Bibelen blir ny [When the Bible Becomes New]. *Språknytt*, no. 4, 2011, pp. 32–34.
- Årsrapport 2011 Bibelselskapet [The 2011 Annual Report, The Norwegian Bible Society]. Available at: <https://www.bibel.no/~media/Files/Arsmeldinger/Arsmelding%202011.1.ashx> (accessed: 15.01.2015).
- Berkov V. P. *Raboty po iazykoznaniiu* [Works on Linguistics]. St. Petersburg, St. Petersburg Univ. Press, 2011. 651 p. (In Russian)
- Cassirer P. *Stil, stilistik & stilanalys* [Style, Stylistics & Style Analysis]. Stockholm, Natur och Kultur, 2003. 287 p.
- Engdahl S. *Studier i nusvensk sakprosa* [Studies in Nonfictional Swedish Prose]. Uppsala, Institutionen för nordiska språk vid Uppsala universitet, 1962. 202 p.
- Ese B. K. *Den norske Bibelen er frisert og sminka* [The Norwegian Bible is smoothed out and embellished]. URL: http://www.nrk.no/hordaland/_den-norske-bibelen-er-frisert-og-sminka-1.12253957 (accessed: 17.03.2015).
- Fauskanger H. K. *Bibelen på norsk* [The Bible in Norwegian]. Hovedoppgave ved Nordisk institutt, Universitetet i Bergen. 1998. 134 p.
- Grahn L. Det moderna tidningsspråket [The Modern Newspaper Language]. *Språkvård*, no. 4, 1965, pp. 3–11.
- Grigor'eva Iu. M. Dlina predlozheniia kak pokazatel' sintaksicheskikh izmenenii v iazyke (na materiale perevodov Biblii na shvedskii iazyk 1917 i 2000 g.) [Sentence Length as an Indicator of Syntactic Changes (based on Swedish Bible

- translations from 1917 and 2000)]. *Skandinaviska filologiia XII [Scandinavian Philology XII]*. St. Petersburg, St. Petersburg Univ. Press, 2012, pp. 16–24. (In Russian)
- Hultman T.G. *Svenska Akademiens språklära [The Swedish Academy Language Science]*. Stockholm, Svenska Akademien, 2003. 342 p.
- Iakovenko E.B. Neopalimaia kupina ili goriashchii kust? (O krasote i tochnosti sovremennykh bibleiskikh perevodov) [The Unburnt Bush, or the Burning Bush? (About the beauty and accuracy of modern biblical translations)]. *Logicheskii analiz iazyka. Perevod khudozhestvennykh tekstov v raznye epokhi [Logical Analysis of Language. Translation of Literary Texts in Different Epochs]*. Ed. by N. D. Arutiunova. Moscow, Indrik Publ., 2012, pp. 141–150. (In Russian)
- Lindqvist N. *Några huvuddrag i Gustav Vasas Bibels språk [Some Main Features in the Language of the Gustav Vasa Bible]*. Uppsala, 1941. 16 p.
- Livanova A.N. Iazykovaia situatsiia v Norvegii [The Language Situation in Norway]. *Materialy XXXII mezhdunarodnoi filologicheskoi konferentsii [Proceedings from the XXXII International Philological Conference]*. St. Petersburg, St. Petersburg Univ. Press, pp. 10–13. (In Russian)
- Lotherington T. I påvente av Godot [Waiting for Godot]. *Språknytt*, no. 4, 2015, pp. 22–24.
- Lønning P. Hvem er redd for old king James? [Who is afraid of old king James?]. *Ordet*, no. 4, 1997, pp. 24–28.
- Norde M. *The History of the Genitive in Swedish. A Case Study in Degrammaticalization*. Ph.D. dissertation. Amsterdam, University of Amsterdam, 1997. 268 p.
- Nordin-Thelander K. *Variation i politiskt ordförråd [Variation in Political Vocabulary]*. Uppsala, 1981. 30 s.
- Olsen K.-J. Revidert bibeloversettelse — til det bedre? [Revised Bible translation — For the better?]. *Aftenposten* 05.09.2003, p. 12.
- Olsson B. *Från Birgitta till Bibel 2000 [From Bridget of Sweden to Bible 2000]*. Stockholm, Verbum, 2001. 131 p.
- Pettersen T.B. Bibeloversettelse — det muliges kunst [Bible Translation — Art of the Possible]. *Aftenposten* 14.04.2003. p. 19.
- Rettskrivningsvedtak 1962–2003 [Resolutions on Orthography]*. Available at: <http://www.sprakradet.no/Spraka-vare/Norsk/Rettskrivningsreformer/Rettskrivningsvedtak-1962-2003/> (accessed: 15.01.2015).
- Sjögren G. *Om språket i de svenska bibelöversättningarna 1526–1541 [About the Language in Swedish Bible Translations between 1526–1541]*. Lund, Gleerup, 1949. 159 p.
- Teleman U., Wieselgren A.M. *ABC i stilistik [ABC in Stylistics]*. Lund, LiberLäromedel, 1980. 137 p.
- Thorell O. *Svensk grammatik [Swedish Grammar]*. Stockholm, Esselte studium, 1973. 302 p.
- Vinje F.-E. *Moderne norsk [Modern Norwegian]*. Oslo, H. Aschehoug Co. (W. Nygaard), 1968. 190 p.

Zhil'tsova E. L. *Slozhnopodchinennoe predlozhenie v sovremennom shvedskom ia-zyke*. [Complex sentence in modern Swedish]. Moscow, Moscow Univ. Press, 2006. 104 p. (In Russian)

Vaaland T. Ø. Bestselgeren [The Bestseller]. *Morgenbladet* 21–27.10.2011, p. 2.

Ливанова Александра Николаевна

кандидат филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб., д. 7–9
E-mail: a.livanova@spbu.ru

Григорьева Юлиана Михайловна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб., д. 7–9
E-mail: y.grigorieva@spbu.ru

Aleksandra Livanova

PhD in Philology, Associate Professor,
St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation
E-mail: a.livanova@spbu.ru

Yuliana Grigoryeva

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation
E-mail: y.grigorieva@spbu.ru

Статья поступила в редакцию 15.01.2017, принята к публикации 10.03.2017

УДК 811.113.4

Д. Б. Никуличева

Институт языкознания РАН,

Московский государственный лингвистический университет

О НЕКОТОРЫХ ПАРАДОКСАХ ДАТСКИХ ТЕМПОРАЛЬНЫХ ПРЕДЛОГОВ И ИХ ПЕРЦЕПТИВНОМ ОБЪЯСНЕНИИ

Предлагаемое исследование, с одной стороны, преследует практическую цель — помочь изучающим датский язык усвоить и непротиворечиво объяснить те особенности датского предложного обозначения временных смыслов, которые для носителя русского языка могут казаться нелогичными или даже парадоксальными. С другой стороны, исследование проводится в русле когнитивного антропоцентризма и ставит перед собой теоретическую задачу — выявить и описать перцептивные механизмы формирования грамматической категоризации в конкретных языках мира. Под перцептивными механизмами темпоральной категоризации понимается то, как процесс человеческого восприятия ситуации в настоящем, ее визуального воспоминания в прошлом и визуального конструирования в будущем находит отражение в специфике того языкового оформления, которое темпоральные смыслы получают в изучаемой языковой культуре.

Обсуждаются некоторые специфические особенности пространственной организации временных представлений, характерные для предлогов, используемых при обозначении временных ориентиров в современном датском языке. К числу таковых относятся использование в обозначении прошедшего времени (*fortid*) лексемы *for*, имеющей пространственную семантику фронтальной ориентации; локализация события в прошлом с использованием лексемы латеральной ориентации *siden*; асимметрия в использовании предлогов при локализации временных ориентиров в прошлом (*i*) и в будущем (*på, til*); различная предложная ориентация последовательностей событий (*efter vs. for*) при обозначении, казалось бы, схожих ситуаций. Предлагается системное объяснение этих особенностей, основанное на таких перцептивно обусловленных смыслах, как пространственная ориентация темпорального события относительно наблюдателя, внутренняя или внешняя перспектива наблюдателя, большая или меньшая дистанцированность наблюдателя от наблюдаемого события. Позиция наблюдателя, таким образом, рассматривается как отправная точка субъективной ориентации в языке, служащая первичной основой грамматической категоризации.

Ключевые слова: датский язык, темпоральные предлоги, перцепция, языковая категоризация, позиция наблюдателя, внутренняя/внешняя перспектива.

Dina Nikulicheva

*Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences,
Moscow State Linguistic University*

ON PARADOXES OF THE DANISH TEMPORAL PREPOSITIONS AND THEIR PERCEPTIVE EXPLANATION

This study, on the one hand, pursues a practical objective, namely to assist Danish language learners in understanding and acquiring some peculiarities of prepositional representations for temporal meanings that can seem odd for native speakers of Russian. On the other hand, it pursues a theoretical objective within the framework of cognitive anthropocentric approach, namely to elicit and to describe the perceptual mechanisms for grammatical categorization in a specific language.

By the perceptual mechanisms for temporal categorization we mean the process of human perception of a present situation — its visual recollection in the past and its visual constructs in the future — as being reflected in specific linguistic forms of a certain language culture.

The article discusses some specifics of temporal orientation reflected in Danish prepositions denoting time-related meanings. The latter include: the spatial lexeme of frontal orientation *for* denoting 'past time' (*fortid*); lexeme of lateral orientation *siden* localizing past events; asymmetrical lexemes (*i* vs. *på, til*) localizing past vs. future events, correspondingly; lexemes (*efter* vs. *for*) denoting different spatial orientation of similar temporal sequences. The article offers systemic explanation of above paradoxes on the basis of such perception-related meanings as special orientation of a temporal event in relation to the observer; the observer's internal or external perspective; the observer's distance from the observed event. The observer's position is considered thus to be the starting point of subjective orientation in any language and therefore the basis of grammatical categorization.

Keywords: Danish language, temporal prepositions, perception, language categorization, the position of the observer, internal/external perspective.

Центральным при антропоцентрическом подходе к исследованию перцептивных основ грамматической категоризации является понятие позиции наблюдателя как отправной точки субъективной ориентации. В основе лежит идея Карла Бюлера о существовании в любом человеческом языке того, что он называл «системой координат субъективной ориентации, во власти которой находятся и будут находиться все участники общения» [Бюлер, 1993, с. 95]. В исходной точке этой системы, в ее позиции 0, которую Бюлер именовал *Origo*, всегда присутствуют три указательных слова: «здесь» — «сейчас» — «я».

Мысль о том, что решающее значение в грамматике имеет перспектива наблюдателя как точка отсчета мира, неизменная и неэлиминируемая, и именно из нее можно вывести все грамматические

признаки, значения и категории, впервые была последовательно высказана в книге немецкой исследовательницы Элизабет Лайсс [Leiss, 1992, S. 12, 34 и далее]. Именно позиция наблюдателя (*Standort/Standpunkt des Betrachters*) определяет, воспринимается им событие как *внешняя перспектива* (*Außenperspektive*), когда говорящий расположен *вне* события и как бы видит его отстраненно, или же как *внутренняя перспектива* (*Innenperspektive*), когда говорящий расположен *внутри* события. Эгоцентричность и роль наблюдателя как системообразующий фактор в формировании языковой категоризации стала объектом специальных исследований отечественного философа-когнитивиста А. В. Кравченко [Кравченко, 1993; 1995; 1996; 2004].

В предлагаемой статье будет показано, что релевантными для объяснения специфики предложной номинации темпоральных ориентиров в датском языке оказываются такие перцептивно обусловленные смыслы, как:

- 1) пространственная ориентация временных представлений (фронтальная/латеральная) относительно воспринимающего субъекта в момент речи;
- 2) большая или меньшая перцептивная вовлеченность воспринимающего субъекта в ситуацию (внутренняя/внешняя перспектива наблюдателя);
- 3) большая или меньшая отстраненность (дистанцированность) воспринимающего субъекта от темпорального события.

Указанные параметры будут использоваться для объяснения следующих специфических особенностей датской предложной номинации:

- использование в обозначении прошедшего времени (*fortid*) лексемы *for*, имеющей пространственную семантику фронтальной ориентации;
- локализация события в прошлом с использованием лексемы латеральной ориентации *siden*;
- асимметрия в использовании предлогов при локализации временных ориентиров в прошлом (*i*) и в будущем (*på, til*);
- различная предложная ориентация последовательностей событий (*efter vs. for*) при обозначении, казалось бы, схожих ситуаций.

Прежде всего обращает на себя внимание то, что все названные предлоги развивают темпоральное значение вторично. Первичным же для всех них является пространственное значение. Этот факт имеет когнитивное объяснение. Такая абстрактная и трудноуловимая сущность, как время, легче метафоризируется человеческим сознанием через телесно осязаемую идею пространства. То есть локализация во времени «подменяется» локализацией в пространстве.

Литература, в том числе и в рамках когнитивного направления, посвященная использованию пространственного опыта в концептуализации временных отношений, весьма обширна, это явление даже получило особое название «локализм», под которым понимается тенденция на первоначальном этапе существования человеческой речи выражать любые отношения в терминах пространства [Blok, 1955/56]. Универсальность использования пространственного опыта при концептуализации времени демонстрировалась в исследованиях американского психолингвиста Лоры Бородицки, показавшей, что, думая о времени, люди практически в любой точке нашей планеты опираются на пространство. Это проявляется и в использовании культурных артефактов: часов, различных графиков, календарей, — и в жестикуляции, и в использовании пространственной лексики. Причем происходит все это имплицитно и автоматически [Бородицки, 2015, с. 200–201].

Существенная особенность пространственной локализации временных представлений в датском языке состоит в необычности внутренней формы слова, которым в датском языке обозначается прошлое, — *fortid*, букв. «перед-время» (ср. шв. *förgånget*, *förflutet*). Если и для шведского, и для английского, и для немецкого, и для русского языков *прошлое* — это то, что *прошло* (мимо наблюдателя), ср. англ. *past is past*, нем. *die Vergangenheit ist vergangen*, то в датском языке внутренняя форма слова *fortid* иная. Она связана с предлогом *for*, имеющим сложную пространственную этимологию, указывающую на фронтальное расположение объекта относительно воспринимающего субъекта: *For* прær., adv., konj., др.-сканд. **fura*, гот. *faúr*, и.-е. прær. **per*, греч. *πᾶρά* ‘возле, мимо, вне, около’, санскр. *purá* ‘прежде, раньше, перед’ [Etym., s. 127]. Здесь, как видим, присутствуют разнообразные пространственные смыслы: *перед*, *напротив*, *рядом*, *мимо* — и временные смыслы: *прежде*, *ранее*.

В Большом датском толковом словаре само понятие *fortid* трактуется как “(ubestemt) tidsrum som ligger (længe) *forud for* den nuværende tid” «(неопределенный) промежуток времени, который расположен (далеко) *впереди* (относительно) нынешнего времени». Не *до* настоящего времени, что звучало бы как *før*, а именно *впереди*. Дериватами со сложным префиксом *forud-* в современном датском языке являются, например, такие слова, как *forudanelse* ‘предчувствие’, *forudse* ‘предвидеть’. То есть отмечается регулярная контаминация смыслов, совмещающих расположение *перед* наблюдателем и предшествование во времени.

Пространственное значение предлога *for* близко к значению *foran* и маркирует фронтальное расположение объекта, находящегося в фокусе восприятия относительно субъекта: *Jeg kunne ikke se fem skridt for mig* ‘Я ничего не видел в пяти шагах *перед* собой’. *Han blev stillet for en dommer* ‘Он предстал *перед* судом’ [DDO, s. 247].

Любопытно, что предлог *for*, маркирующий означаемое событие как расположенное непосредственно *перед* говорящим, в датском языке также может использоваться для обозначения *актуализованного момента* независимо от его временной локализации в настоящем, прошедшем или будущем. Это может быть актуальный момент настоящего: *for tiden*, *for øjeblikket*, *for nærværende*. Любопытно, что все подобные сочетания переводятся с датского предлогами *иной* семантики: на русский как «*в настоящее время*», «*в настоящий момент*» (= нем. *im Augenblick*, *im Moment*), а на английский как “*at present*”, “*at the moment*”, т. е. присутствующая в датском языке сема фронтального расположения в переводах оказывается утраченной.

Временной ориентир в актуальном прошлом, как и в ближайшем будущем, также может выражаться в датском языке при помощи предлога *for*: *Jeg har mødt ham for nylig* ‘Я его *недавно* встречал’ [NDO, s. 777], *Vi har dagen for os* ‘У нас *впереди* весь день’ [DRO, s. 247], а о живо вспоминаемом событии прошлого (om noget *fortidigt*) говорят: *Jeg ser det for mig* ‘Это стоит у меня *перед глазами*’ [DRO, s. 798], букв. «Я вижу это *перед собой*».

В результате можно предположить, что для носителя датского языка актуальные события в большей степени, чем для носителей русского и английского языков, концептуализируются как расположенные *фронтально*, т. е. *перед* наблюдателем.

Вторым парадоксальным моментом является предложная локализация событий, происходивших какое-то время тому назад. Для этого в датском языке используется предложное сочетание, не имеющее ничего общего с реверсивной направленностью упомянутого выше русского коррелята «*тому назад*». Это двойной предлог *for... siden: for to uger siden* 'две недели тому назад', *for længe siden* 'давно, много времени тому назад': *Jeg hørte fra hende for nogen tid siden* 'Некоторое время тому назад я получил от нее известие'.

То, что звучит в русском как «назад», в датском языке передается лексемой *siden* со значением «сбоку» «в сторону». Эта семантика *латерального смещения* четко просматривается в датском предложном сочетании *ved siden af*, имеющем сугубо пространственный смысл «рядом с», «сбоку от» и образованном с использованием существительного *side -n, -r* 'сторона'.

Общегерманский корень со значением «сторона» (дат. *side*, англ. *side*, нем. *Seite*, гол. *zijde*) возводится к прагерм. **sithon*, производному от adj. **sithas* 'длинный', которое в свою очередь возводится к и.-е. корню **se-* "long, late". Но к этому же и.-е. корню **se-* восходят и прагерманское наречие **sith-* "later, after", ср. гот. *seipus* 'поздний' (> др.-исл. *síðan*, др.-дат. *sithæn*, др.-англ. *siððan*, дат. *siden*, англ. *since*, нем. *seit*). Это этимологическое схождение позволяет предположить исконно присутствующую в германских языках контаминацию смыслов «последовательность во времени» и «расположение сбоку». Но именно в современном датском из всех германских языков это смысловое развитие оказывается представленным наиболее живо.

Приведенные данные подтверждаются результатами серии перцептивных экспериментов, проведенных автором статьи в 2006 г. В их ходе была выявлена характерная для носителей датского языка асимметричность перцептивной организации прошлых и будущих событий биографического времени. В результате была предложена пространственная схема, объединяющая особенности внутренних визуализаций событий носителями датского языка и структуру грамматических темпоральных категорий датского глагола [Никуличева, 2008, с. 100] (см. схему).

Внутренние визуализации событий, относящиеся к актуальному прошлому (перфект *har gjort*), обычно располагались информантами *проспективно*, т. е. непосредственно по центральной оси

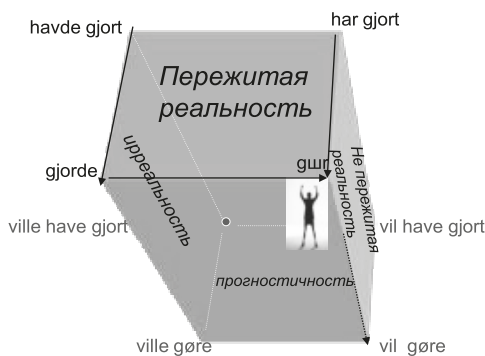

Схема. Когнитивные планы датской видо-временной системы [Dina Nikulicheva]

зрения, события прогнозируемого будущего (футурум *vil gøre*) также размещались фронтально, но с *нижним смещением* относительно центральной оси, события, относящиеся к неактуальному прошлому (имперфект *gjorde*), также располагаясь в поле зрения испытуемого, характеризовались тем более явным *латеральным смещением влево*, чем более отдаленным событие было по времени.

Внутренняя форма темпорального оборота *for [nogen tid] siden* полностью соответствует этим представлениям. Временной интервал, выражаемый конкретным показателем времени, например *четыре года / три месяца / две недели: for [tre år] / [to måneder] / [en uge] siden*, четко задает смещение в *сторону (siden)* по оси времени относительно *фронтального положения (for)* перед перцептором-говорящим и тем самым ту временную точку, в которой располагается событие. Каждая из таких точек локализует предикат, обычно выражаемый формой имперфекта как показателя неактуального прошлого, отделенного от перцептора-говорящего указанным временным интервалом: *Mitsubishi vågnede for et par år siden op efter en lang Tornerosesøvn* 'Компания Мицубиси проснулась пару лет назад после долгого сна, подобного сну спящей красавицы'¹. *Lise Andreasen kom til Australien for 4 1\2 år siden* 'Лисе Андерсен приехала в Австралию четыре с половиной года назад.'

¹ Здесь и далее, если не указывается другой источник, примеры взяты из: [Dansk korpus, 2007].

Если сравнить конструкцию *for [nogen tid] siden* с употреблением временного предлога *siden*, тождественного англ. предлогу *since* и нем. *seit*, то обращает на себя внимание то, что предикат при конструкциях с предлогом *siden* получает иное грамматическое оформление и регулярно выражается формой перфекта: *Der er sket meget siden da/ dengang* ‘Многое произошло с тех пор’. *Lige siden din fødselsdag har jeg ventet på svar* ‘Я ожидаю ответа со времени твоего дня рождения’. *Vi var sammen i går, siden har jeg ikke set ham* ‘Мы были вместе вчера, с тех пор я его не видела’ [DSB, s. 382]. Перцептивное объяснение этому состоит в том, что предложные конструкции типа *siden da* задают латеральную направленность от определенного момента в прошлом к настоящему моменту перцептора-говорящего, включают его и тем самым создают актуализированное временное пространство, что и подтверждается использованием перфектных форм.

В плане пространственного дейксиса предлог *siden* в любом случае имплицитно представляет представление о *смещении в сторону* от воспринимающего субъекта. В случае с *for nogen tid siden* это смещение от субъекта в точку в прошлом, отстоящую на указанный временной интервал (внешняя перспектива), что закономерно выражается формами имперфекта: *Jeg så ham for nogen tid siden* ‘Я виделся с ним довольно давно’.

for nogen siden

А в случае *siden da* это смещение от указанной точки в прошлом (*da*) в сторону субъекта, включая точку его настоящего (внутренняя перспектива), что закономерно выражается формами перфекта: *Jeg har ikke set ham siden da* ‘Я не виделся с ним с тех пор’ = нем. *Es ist lange her, seit ich ihn zum letztenmal gesehen habe* ‘Прошло много времени с тех пор, как я его видел в последний раз’.

siden da

Антропоцентрическая ориентация обозначений времени также наглядно проявляется в датском языке в предложном противопоставлении одних и тех же временных интервалов, по-разному ориентированных относительно настоящего времени говорящего. Для сравнения отметим, что в русском языке, в отличие от датского, отнесенность события к тем или иным временным интервалам выражается одинаково. Это значит, что прошлые и будущие события организуются *симметрично*. Так, по-русски мы говорим в *прошлую* или *в следующую субботу, на прошлой* или *на следующей неделе, прошлым* или *будущим летом, в прошлом* или *в следующем году*. По-датски же все эти обозначения организованы *асимметрично*.

То есть для обозначения локализации временного интервала либо в прошлом, либо в будущем относительно момента речи регулярно используются сочетания с разными предлогами. Так, вопрос *Skal du på landet til sommer?* ‘Ты поедешь летом загород?’ относит намерение к ближайшему будущему лету (*først kommende sommer*), а утверждение *Jeg var i London i sommer* ‘Я был летом в Лондоне’ — к прошедшему или к уже начавшемуся лету этого года (*dette års sommer*) [NDO, s. 1012]. Аналогично распределяются предлоги, противопоставляющие прошлые и будущие дни недели: *Vi ses igen på tirsdag* ‘Увидимся во вторник’ и *Hvor var du henne i tirsdags?* ‘Где ты был во вторник?’ — а также прошлый и будущий годы: *Det var en dårlig sommer i år. Jeg håber det bliver bedre til næste år* ‘В прошлом году лето было плохое. Надеюсь, в следующем году лето будет лучше’ [Øskenholdt, 1999, s. 37–38].

Асимметричность обозначений одних и тех же временных отрезков, кажущаяся, на первый взгляд, нелогичной, становится понятной, если обратиться к упомянутому выше психолингвистическому эксперименту по выявлению невербальных представлений датчан о временной локализации событий, в ходе которого также была выявлена асимметричность ментальной локализации прошлых и будущих событий биографического времени (см. схему 1). За тем и другим проявлением асимметричности стоят различия телесного опыта человека. Для воспринимающего субъекта его прошлое, как актуальное, так и далекое, а также его настоящее являются категориями «пережитой реальности». Они подкреплены телесным опытом. В них можно перенестись воспоминаниями, будто оказавшись *внутри* того прожитого момента. Именно поэтому со-

вершенно логично использование относительно временных интервалов пережитой реальности предлога *i*, концептуализирующего этот интервал как контейнер, в котором находился или находится перцептор: *i tirsdays, i sommer, i år* (внутренняя перспектива).

Что же касается событий будущего, то их еще нет в перцептивном опыте человека. Они лишь конструируются как некая «прогнозируемая реальность» или же как еще не достигнутый временной ориентир, к которому «движутся» события. Поэтому вполне понятным становится использование для обозначения временного интервала в будущем предлога *til*, этимологически восходящего к Acc. Sg. др.-герм. сущ. **tila*- н. ‘цель’, ср. нем. Ziel ‘цель’ [Etym., s. 452]: *Vi får frost til natten* ‘Ночью будет мороз’ [NDO, s. 759]; *Til foråret fylder han 40* ‘Весной ему исполнится 40 лет’; *Hun er færdig med sine studier til næste år* ‘Он заканчивает учебу в следующем году’ [Øckenholdt, 2001, s. 37].

С обозначениями дней недели как ориентиров в будущем используется предлог *på*, в отличие от дней недели как ориентиров в прошлом, где используется предлог *i*. Ср. будущее событие: *han kommer på mandag / tirsdag / onsdag / torsdag / fredag / lørdag / søndag* и прошлое событие: *han kom i mandags / tirsdags / onsdags / torsdags / fredags / lørdags / søndags*.

Использование предлога *på* в отношении будущих событий также может быть объяснено перцептивными основаниями.

Первичное пространственное значение предлога *på* связано с расположением на поверхности: *ligge på bordet / på gulvet* ‘лежать на столе / на полу’ или же направленностью в сторону поверхности: *se på kortet / på billedet* ‘смотреть на карту / на картину’. События будущего не вспоминаются сенсорно, они конструируются визуально. Субъект перцептивно отдален от них и смотрит на прогнозируемые события как на воображаемые картины (внешняя перспектива).

Таким образом, временные смыслы, выражаемые предлогом *på*, перцептивно более отстранены от воспринимающего субъекта. Именно поэтому, когда о времени говорят в целом, словно глядя на него со стороны (внешняя перспектива), то в датском языке используется предлог *på*: *på den tid* ‘в это время’, *på samme tid* ‘в то же самое время’, *på alle tider af døgnet* ‘в любое время суток’. Предлог *på* также регулярно используется в отношении времени, которое пла-

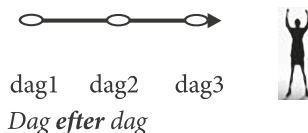
нируют, организуют, измеряют по протяженности его отрезков: *Kan vi ikke ses sidst på måneden?* ‘Мы не могли бы встретиться в конце месяца?’ *Professoren begynder altid sine forelæsninger på minuttet.* ‘Профессор всегда начинает свои лекции минута в минуту.’ *Vi kørte 600 kilometer på knap fem timer* ‘Мы проехали 600 километров почти за пять часов.’ *Ambulancen kom på under ti minutter* ‘Скорая приехала быстрее, чем за десять минут’ [Øckenholdt, 1999, s. 38].

То есть предлог *på*, перцептивно отстраняющий наблюдателя от наблюдаемого объекта, закономерно используется тогда, когда время предстает как внешний по отношению к перцептору протяженный объект, некая объективно заданная линия, на которой отмечаются те или иные временные ориентиры.

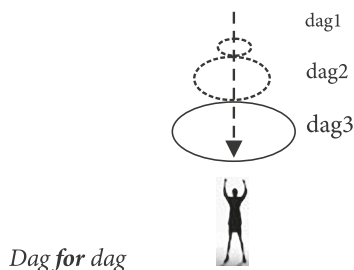
Перцептивная противопоставленность представлений времени посредством предлогов четко прослеживается и при сравнении датских предложных конструкций типа русской *год за годом, неделя за неделей, день за днем: år efter år/ uge efter uge / dag efter dag*, с одной стороны, и *år for år/ uge for uge / dag for dag* — с другой. На первый взгляд они синонимичны. И там и там речь идет о последовательности одинаковых временных интервалов. Однако процессы, представляемые этими конструкциями, концептуализируются по-разному. В первом случае речь идет о ровно протекающих процессах: *Han arbejdede ufortrødent videre dag efter dag* ‘День за днем он неутомимо продолжал работать’, во втором — об изменениях либо в сторону увеличения, либо уменьшения интенсивности: *Antallet af overførte trailere og lastbiler stiger dag for dag og er nu oppe på 1100 i døgnet* ‘Количество трейлерных и грузовых перевозок *растет* изо дня в день, и сейчас их число составляет 1100 в сутки’. Если сравнить семантику предлогов *efter* и *for*, то обнаружится явное различие в пространственной ориентации вводимых этими предлогами временных ориентиров относительно воспринимающего субъекта.

Представляя смену временных интервалов так, что каждый последующий идет за предыдущим (*dag efter dag*), говорящий фокусируется на всем временном отрезке, на протяжении которого процесс остается стабильным (целостное видение процесса — внешняя перспектива).

Когда же временные ориентиры представляются говорящим таким образом, что каждый последующий день возникает *перед*

предыдущим (*dag for dag*), то единственным перцептивным объяснением может быть то, что события визуализируются *прямо перед перцептором*, по центральной оси его зрения.

Как показал наш эксперимент, так обычно располагаются события актуального прошлого (см. схему 1). Изменения, происходящие каждый последующий день, *заслоняют* собой то, что происходило в день, ему предшествующий. Поэтому, когда каждый последующий день отличается от предыдущего, он не встраивается в линию ему подобных, а располагается *перед* глазами говорящего — *for ens øjne* (внутренняя перспектива). Именно поэтому, когда при всем разнообразии события *повторяются* изо дня в день, используется предлог *efter*: *Engang troede jeg, at de grimme, solbrændte cykelryttere stort set aldrig sov. Nu ved jeg bedre. De sover og vågner og spiser og bestiger bjerge og styrter og sejrer dag efter dag, somter efter somter* ‘Когда-то я думал, что страшные, почерневшие от солнца велогонщики никогда толком не спят. Теперь я знаю. Они спят и просыпаются, и едят, и мчатся по горам, и падают, и побеждают, день за днем, лето за летом’. Когда же каждый следующий временной интервал событийно отличается от предыдущего, то используется предлог *for*: *Dag for dag svinger hun mellem jublende optimisme og den sorteste depression, afhængig af den politiske situation i Mellemøsten* ‘День за днем она *впадает* то в состояние *ликующего оптимизма*, то в *чернейшую депрессию*, в зависимости от политической ситуации на Ближнем Востоке’.

Таким образом, наше исследование показало, что использование антропоцентрической перцептивной модели, описывающей ориентацию событий во времени относительно воспринимающего субъекта, позволяет объяснить целый ряд специфических для датского языка особенностей предложного обозначения временных ориентиров, а также убедиться, насколько тесно взаимосвязаны пространственная и временная категоризации в лексической и грамматической системах любого конкретного языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Бородицки Л.* Как языки конструируют время // *Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика*. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 199–212.
- Бюлер К.* Теория языка. Репрезентативная функция языка. М.: Прогресс, 1993. 528 с.
- Кравченко А. В.* Вопросы теории указательности. Эгоцентричность. Дейτικότητα. Индексальность. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1992. 212 с.
- Кравченко А. В.* К проблеме наблюдателя как системообразующего фактора в языке // *Известия РАН. Сер. «Литература и язык»*. 1993. Т. 52. № 3. С. 45–55.
- Кравченко А. В.* Глагольный вид и картина мира // *Известия РАН. Сер. «Литература и язык»*. 1995. Т. 54. № 1. С. 49–64.
- Кравченко А. В.* Когнитивные структуры пространства и времени в естественном языке // *Известия РАН. Сер. «Литература и язык»*. 1996. Т. 55. № 3. С. 3–24.
- Кравченко А. В.* Язык и восприятие: когнитивные аспекты языковой категоризации. 2-е изд., испр. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2004. 206 с.
- Никуличева Д. Б.* О перцептивных основах категоризации видовременных значений в английском и датском языках // *Германистика. Скандинавистика. Историческая поэтика: Сборник статей к юбилею О. А. Смирницкой*. М.: Издательский центр МГУ, 2008. С. 76–103.
- Blok H. P.* Localism and deixis in Bantu linguistics // *Lingua*. 1955/56. Vol. 5, No. 4. P. 382–419.
- Leiss E.* Die Verbalkategorien des Deutschen: ein Beitrag zur Theorie der sprachlichen Kategorisierung. Berlin; New York: de Gruyter, 1992. 334 S. (*Studia linguistica Germanica*. 31).
- Øckenholdt M.* Dansk er lidt svært. Øvelser i dansk 2. København: Nordisk Forlag, 1999. 64 s.
- Øckenholdt M.* Dansk er svært. Øvelser i dansk 3. København: Nordisk Forlag, 2001. 64 s.

Словари и интернет-источники

- Dansk korpus 2007. URL: <http://ordnet.dk/korpusdk> (дата обращения: 12.12.2016).
- DDO — Den Danske Ordbog. Moderne Dansk Sprog. URL: <http://ordnet.dk/ddo> (дата обращения: 12.12.2016).
- DRO — Dansk Russisk Ordbog / red. Jørgen Harrit, Elena Krasnova. København: Gyldendal, 2005. 1232 s.
- DSB — Dansk Sprogbrug. En stil- og konstruktionsordbog / red. Erik Bruun. København: Gyldendal, 1995. 546 s.
- Etym. — Dansk Etymologisk Ordbog. Ordens Historie / red. Niels Åge Nielsen. 4. udg. København: Gyldendal, 1989. 522 s.
- NDO — Politikens Nudansk Ordbog. Bd 1–2. 15 udg. København: Politikens Forlag A/S, 1996. 1252 s.

REFERENCES

- Biuler K. *Teoriia iazyka. Rerezentativnaia funktsiia iazyka* [*Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache*]. Moscow, Progress Publ., 1993. 528 p. (In Russian)
- Blok H. P. Localism and deixis in Bantu linguistics. *Lingua*, 1955/56, vol. 5, no. 4, pp. 382–419.
- Boroditski L. Kak iazyki konstruiruiut vremena [How Languages Construct Time]. *Iazyk i mysl': sovremennaia kognitivnaia lingvistika* [*Language and Thought: Modern Cognitive Linguistics*]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury, 2015, pp. 199–212. (In Russian)
- Kravchenko A. V. Glagol'nyi vid i kartina mira [Verbal aspect and the world view]. *Izvestiia RAN. Ser. «Literatura i iazyk»*. 1995, vol. 54, no. 1, pp. 49–64. (In Russian)
- Kravchenko A. V. *Iazyk i vospriiatie: kognitivnye aspekty iazykovoi kategorizatsii* [*Language and perception: Cognitive aspects of language categorisation*]. 2nd ed. Irkutsk, Irkutsk Univ. Publ., 2004. 206 p. (In Russian)
- Kravchenko A. V. K probleme nabliudatelia kak sistemoobrazuiushchego faktora v iazyke [Observation as a systemic linguistic factor]. *Izvestiia RAN. Ser. «Literatura i iazyk»*, 1993, vol. 52, no. 3, pp. 45–55. (In Russian)
- Kravchenko A. V. Kognitivnye struktury prostranstva i vremeni v estestvennom iazyke [Cognitive structures of time and space in language]. *Izvestiia RAN. Ser. «Literatura i iazyk»*, 1996, vol. 55, no. 3, pp. 3–24. (In Russian)
- Kravchenko A. V. *Voprosy teorii ukazatel'nosti. Egotsentrichnost'. Deiktichnost'. Indeksal'nost'* [*On the theory of indexivity: egocentricity, deixis, indexing*]. Irkutsk, Irkutsk Univ. Publ., 1992. 212 p. (In Russian)
- Leiss E. *Die Verbalkategorien des Deutschen: ein Beitrag zur Theorie der sprachlichen Kategorisierung*. Berlin, New York, de Gruyter, 1992 (*Studia linguistica Germanica*; 31). 334 S.

- Nikulicheva D.B. O pertseptivnykh osnovakh kategorizatsii vidovremennykh znachenii v angliiskom i datskom iazykakh [On Perceptual Foundations of Temporal and Aspectual Categorization in English and Danish]. *Germanistika. Skandinavistika. Istoricheskaia poetika: Sbornik statei k iubileiu O. A. Smirnitsoi* [Germanic studies. Scandinavian studies. Historical poetics. Collected articles for Olga Smirnitsova's anniversary]. Moscow, Mosc. Univ. Publ., 2008, pp. 76–103. (In Russian)
- Øckenholdt M. *Dansk er lidt svært. Øvelser i dansk 2*. København, Nordisk Forlag, 1999. 64 s.
- Øckenholdt M. *Dansk er svært. Øvelser i dansk 3*. København, Nordisk Forlag, 2001. 64 s.

Dictionaries and internet-resources

- Dansk korpus 2007. Available at: <http://ordnet.dk/korpusdk> (accessed: 12.12.2016).
- DDO — Den Danske Ordbog. Moderne Dansk Sprog. Available at: <http://ordnet.dk/ddo> (accessed: 12.12.2016).
- DRO — Dansk Russisk Ordbog / red. Jørgen Harrit, Elena Krasnova. København: Gyldendal, 2005. 1232 s.
- DSB — Dansk Sprogbrug. En stil- og konstruktionsordbog. Red. Erik Bruun. København: Gyldendal, 1995. 546 s.
- Etym. — Dansk Etymologisk Ordbog. Ordens Historie. Red. Niels Åge Nielsen. 4. udg. København: Gyldendal, 1989. 522 s.
- NDO — Politikens Nudansk Ordbog. Bd 1–2. 15 udg. København: Politikens Forlag A/S, 1996. 1252 s.

Никulichева Дина Борисовна

доктор филологических наук, профессор,
Институт языкознания РАН,
Российская Федерация, 125009, Москва,
Большой Кисловский пер., 4, стр. 1;
Московский государственный лингвистический университет,
Российская Федерация, 119034, Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1
E-mail: nikoulitcheva@yandex.ru

Dina Nikulicheva

Doctor in Philology, Professor,
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences,
1 build., 4, Bolshoy Kislovsky, Moscow, 125009, Russia;
Moscow State Linguistic University,
build. 1, 38, Ostozhenka, Moscow, 119034, Russian Federation
E-mail: nikoulitcheva@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 30.01.2017, принята к публикации 02.03.2017

УДК 811.113.6

Е. М. Чекалина

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИНФИНИТИВА В ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ

Рассматриваются функционально-грамматические особенности морфологии и синтаксиса инфинитива, который в наиболее явном виде представляет *verbum infinitum* в парадигме шведского глагола. В соответствии с предлагаемой интерпретацией среди синтаксических функций инфинитива выделяются не глагольные и именные (как традиционно принято в шведской грамматике), а собственно-инфинитивные и субстантивно-инфинитивные. К собственно-инфинитивному относится употребление в глагольных цепочках (прежде всего в составе предиката), обстоятельственных оборотах с предлогами, а также в синтаксических конструкциях с нексусной связью (объект и субъект с инфинитивом). Во всех случаях синтаксические функции инфинитива реализуются при этом на уровне предложения.

К субстантивно-инфинитивному относится употребление в синтаксических позициях грамматического субъекта как темы, так и ремы при формальном подлежащем *det*, предикатива (в том числе в предложениях тождества с инфинитивом в обеих частях субъектно-предикатной структуры), предложного и беспредложного (прямого и косвенного) объекта, постпозитивного определения к существительному (с прямым примыканием или с предложной синтаксической связью). Несмотря на синтаксическую позицию субстантивного слова, при анализе на уровне цельного предложения выявляются функционально-грамматические особенности инфинитива как непредикатной формы глагола. В отличие от выражаемых именными частями речи членов предложения, инфинитив с предлогом или без предлога в зависимости от типа синтаксической связи, обусловленной валентностью управляющего им глагола или определяемого им субстантивного слова, «втягивается» в глагольную цепочку, проявляя при этом специфику морфологии и синтаксиса *verbum infinitum*.

Функционально-грамматическая специфика инфинитива в шведском языке обусловлена типологическими особенностями грамматического строя как в парадигматике глагола (выражение грамматической семантики агглютинативными показателями и аналитическими формами и конструкциями), так и в глагольной синтагматике (выражение синтаксической связи между словами прямым примыканием или предложной связью).

Ключевые слова: шведский язык, непредикатная форма глагола, инфинитив, функционально-грамматический анализ, глагольная цепочка, синтаксическая глагольная группа.

Elena Chekalina

Lomonosov Moscow State University

FUNCTIONAL-GRAMMATICAL FEATURES OF THE SWEDISH INFINITIVE

The article discusses functional-grammatical features of the morphology and syntax of the infinitive which is the most obvious *verbum infinitum* in the Swedish verb paradigm. The suggested interpretation argues that the traditional distinction of Swedish grammars between verbal and nominal functions of the infinitive can be replaced by an opposition of infinitival functions proper and substantive-infinitival functions. The infinitival function proper includes the use of the infinitive in verb chains (mostly as part of the predicate), in adverbial circumlocutions with prepositions, as well as in syntactic constructions with nexus (the object and the subject with the infinitive). In all cases syntactic functions of the infinitive are realised on the sentential level.

The substantive-infinitival functions comprises the use of the infinitive in syntactic positions of the grammatical subject: as the theme (topic) as well as the rheme (comment) in the context of the formal subject *det*, the predicative (including the sentences of equivalence with the infinitive in both parts of the subject-predicate structure), a prepositional or prepositionless (direct and indirect) object, a postpositional noun attribute (with direct adjunction or with prepositional syntactic connection). Whatever the syntactic position of the substantive word, the analysis at the level of a full sentence reveals functional-grammatical features of the infinitive as a non-predicate verb form. Unlike the parts of sentence expressed by nominal parts of speech, the infinitive with a preposition and without a preposition, depending on the type of syntactic connection, which is determined by the valency either of the governing verb or of the substantive word modified by it, is drawn into the verb chain, demonstrating at the same time the features of the morphology and syntax of the *verbum infinitum*.

The special functional-grammatical features of the Swedish infinitive are determined by the typological features of the grammatical system of the language in the verb paradigm (the expression of grammatical semantics with agglutinative markers and analytical forms and constructions) as well as in verb syntagmas (the expression of syntactic connection between words by use of adjunction or prepositional connection).

Keywords: Swedish, non-predicate verb form, infinitive, functional-grammatical analysis, verb chain, syntactic verb phrase.

Вводные замечания. Инфинитив входит в парадигму шведского глагола, представляя в наиболее явном виде *verbum infinitum* в собственном смысле слова. В системе грамматических форм и категорий шведского глагола инфинитив представлен четырьмя формами — основной (словарной), формой пассива с агглютинативным показателем *-s*, перфектной (*ha* + супин) и перфектно-пассивной (*ha* + супин с показателем пассива на *-s*). Они входят в бинарные оппозиции по линии двух грамматических категорий шведского глагола — залога и темпорально-аспектуальной временной отнесенности [Чекалина, 1993], конкретизируя общую

идею процессуальности, заложенную в категориальной семантике глагола как части речи [Кубрякова, 2008, с. 110–111]. К вопросу о парадигматическом статусе шведского инфинитива в типологическом аспекте с точки зрения общей теории грамматики применима поэтому мысль о том, что «сохранение грамматических категорий, свойственных одной части речи, сохраняет слово в этой части речи, хотя бы оно выступало не в том членении предложения, в каком оно обычно выступает» [Мещанинов, 1978, с. 247].

Обращаясь к функционально-грамматическому анализу инфинитива в современном шведском языке, следует помнить о его именном происхождении¹, сохраняющемся в «скрытой памяти» языка [Николаева, 2002, с. 25–41], которое и делает его «загадочной по своему современному состоянию формой глагола» [Пешковский, 1959, с. 108]. В исследованиях, проведенных на материале различных европейских языков, отмечалось, что инфинитив проявляет функционально-синтаксическую двойственность, поскольку в рамках словосочетания он функционирует как глагольное слово, а в структуре предложения может занимать синтаксические позиции субстантивного имени. Важно, однако, что при любом употреблении реализуется не только лексическая избирательность и синтаксическая валентность глагольной лексемы, но и грамматическая семантика глагольной словоформы, более заметная в определенных типах синтаксического контекста.

Двойственная природа инфинитива обусловила принятый в скандинавской грамматической традиции подход к описанию его синтаксических функций, которые делятся на глагольные и именные [Bolander, 2004, s. 118; Holm, Larsson, 2008, s. 44; Hultman, 2008, s. 152]. В интерпретации автора статьи они называются а) собственно-инфинитивными и б) субстантивно-инфинитивными. Предлагаемая трактовка обусловлена общими функционально-грамматическими особенностями инфинитива, которые выявляются при анализе конкретного материала современного шведского языка.

¹ «Происхождение инфинитива... при относительном сохранении его прежних именных функций создало в живом языке ту пестроту инфинитивных сочетаний, которая невольно заводила исследователей в тупик» [Малаховский, 1924, с. 49].

1. СОБСТВЕННО-ИНФИНИТИВНЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ

(1) К собственно-инфинитивному относится употребление в глагольных цепочках (швед. *verbkedja*) одной или нескольких форм, как с частицей *att*, так и без нее, прежде всего в составе предикатов различной структуры и семантики:

Han *måste börja låna* upp pengar [SAG 3, s. 564] ‘Он должен начинать искать деньги с помощью займов’; Hur A. *lyckades undgå att vinna* det första partiet är en gåta [Hultman, 2008, s. 273] ‘Как удалось А. не выиграть (букв. «избежать выиграть») первую партию — это загадка’.

Употребление инфинитива основного смыслового глагола не только после переходных лексем без признаков десемантизации (в том числе фазовых *börja* ‘начинать’, *sluta* ‘заканчивать’, имеющих модальную семантику *behöva* ‘иметь необходимость’, *bruka* ‘иметь обыкновение’, *få* ‘иметь возможность и/или необходимость’ и др.), но и после модальных глаголов, которые относятся к вспомогательным, трактуется в шведских грамматиках как реализация субстантивной функции прямого объекта [SAG 3, s. 572–573]. В такой синтаксической интерпретации проявляется характерная для *verbum infinitum* функционально-грамматическая двойственность, которая способствует позиционно обусловленной трансформации именной функции инфинитива и «втягиванию» его в синтаксическую глагольную цепочку.

Так, цепочка с несколькими формами инфинитива может занимать синтаксическую позицию постпозитивного определения к отглагольному существительному, сохраняющему валентность исходного глагола и, следовательно, глагольный тип предложного управления:

Bolaget *har stora förhoppningar på att* därigenom *kunna börja bearbeta* den stora läskedrycksmarknaden [Hultman, 2008, s. 229] ‘Фирма очень надеется (букв. «имеет большие ожидания») на то, чтобы тем самым иметь возможность начать развивать широкую продажу прохладительных напитков’.

В составе предложной конструкции глагольная цепочка с инфинитивом синтаксически и семантически плотнее, чем предложно-субстантивное словосочетание, «привязана» к предикату, «по-

средником» в этой связке выступает отглагольное существительное *förhoppning* в синтаксической функции прямого объекта. На уровне цельного высказывания предложно-инфинитивное словосочетание входит здесь в «развернутую» глагольную синтаксическую группу с предикатом, ядро которой образует финитная форма глагола. Таким образом, граница между собственно-инфинитивной и субстантивно-инфинитивной функцией, как показывает анализ, в действительности является относительно подвижной. Аналогичные процессы наблюдаются и при употреблении инфинитива в синтаксической позиции субстантивного слова, которые рассматриваются ниже.

(2) К собственно-инфинитивному относится употребление предложных оборотов с обстоятельственной семантикой:

efter att (темпоральное предшествование):

M. tappade mästerskapsledningen *efter att ha råkat ut ett problem under tävlingen* (2017)² ‘М. лишился чемпионского лидерства, после того как столкнулся с одной проблемой во время соревнования’;

för att (обстоятельство цели):

Jag är för yr i huvudet *för att kunna berätta* (2011) ‘У меня голова до того идет кругом, что тут уж не до рассказов’ (букв. «У меня слишком голова идет кругом, чтобы рассказывать»);

genom att (обстоятельство образа действия):

Bröderna Nobel lyckades rädda en liten del av sin förmögenhet *genom att sälja i tid* (2012) ‘Братьям из семьи Нобелей удалось сохранить небольшую часть своего состояния, вовремя продав ее’;

utan att (обстоятельство сопутствующего условия):

Man kan avstå från mycket *utan att sakna det* (2007) ‘Можно отказаться от многого, не испытывая недостатка в этом’.

(3) К собственно-инфинитивным, без сомнения, относятся две конструкции с нексусной синтаксической связью [Есперсен, 1958, с. 130–137], семантика которых не только реализуется на уровне

² Примеры без указания на источник взяты из Корпуса шведского языка, составленного Отделением компьютерной лингвистики Гётеборгского университета (<http://www.spraakbanken.gu.se/1b>).

цельных высказываний, но и создает их особую синтаксическую идиоматичность:

объект с инфинитивом (швед. *objekt med infinitiv*) при активной диатезе с тремя семантическими типами предикатов:

а) с переходными глаголами восприятия:

Ett vittne ser dem köra iväg i en liten gul bil [Hultman, 2008, s. 234] ‘Один свидетель видит, как они уезжают на маленькой желтой машине’;

б) с глаголами речи и ментальных процессов и возвратным местоимением, когда референт грамматического субъекта и смысловой субъект процесса, выраженного инфинитивом, совпадают:

Hon trodde sig kunna³ gnaga igenom en massivaste stock [Hultman, 2008, s. 234] ‘Она думала, что сможет перегрызть самое массивное бревно’;

в) с каузативным глаголом *låta* ‘позволять’ при неагентивном смысловом субъекте инфинитива:

Vi låter träden stå kvar lite längre än vanligt [Hultman, 2008, s. 234] ‘Мы оставляем деревья расти немного дольше, чем обычно’;

субъект с инфинитивом (швед. *subjekt med infinitiv*) при пассивной диатезе в предложениях с двумя семантическими типами переходных предикатов:

а) с глаголами восприятия:

Han ses spela saxofon i en ungdomsorkester [Hultman, 2008, s. 234] ‘Его видят играющим (букв. «как он играет») на саксофоне в молодежном оркестре’;

б) с глаголами, обозначающими ментальные процессы и выражение мнения:

³ Этот пример удачно иллюстрирует употребительность инфинитива основных модальных глаголов, включая претерито-презентные, которые в шведском языке имеют полную парадигму. Исключение составляет заимствованный из нижненемецкого глагол *måste*, у которого форма инфинитива *måsta* восстановлена по аналогии в финляндском варианте шведского языка [SAG 2, s. 574].

Han anses vara rättvis, hygglig — och som sagt ständigt lika duktig [SAG 2, s. 562] ‘Его считают справедливым, приятным и, как говорится, всегда одинаково разумным’.

Во всех рассмотренных случаях функционально-синтаксические и структурно-синтаксические особенности инфинитива реализуются на уровне цельного предложения.

2. СУБСТАНТИВНО-ИНФИНИТИВНЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ

При таком употреблении инфинитив занимает синтаксические позиции субстантивных слов, вместе с тем при анализе на уровне цельных высказываний выявляются функционально-грамматические особенности, обусловленные спецификой непредикатной формы глагола.

(1) Инфинитив нередко употребляется как грамматический субъект в синтаксической позиции темы высказывания:

Att skriva en egen personlig svensk historia har varit mitt sätt att leva under dessa år (V. Moberg) ‘Писать собственную личную шведскую историю стало в эти годы моим образом жизни (букв. «способом жить»)’;

Att inte ha några skulder är en god sak [SAG 3, s. 564] ‘Не иметь долгов — хорошее дело’.

(2) Структурно-синтаксическим вариантом таких предложений при изменении коммуникативной перспективы высказывания является не маркированная стилистически и поэтому более употребительная модель с формальным подлежащим *det* и инфинитивом в рематической позиции:

Det var lättare att lyda än att fråga [SAG 3, s. 251] ‘Послушаться было легче, чем спрашивать’.

Примыкание к именной части предиката с оценочной семантикой приводит к «втягиванию» инфинитива в развернутую синтаксическую глагольную группу, а тем самым и в состав осложненного предиката. Этому, однако, способствует не только структура, но и семантика обобщенно-личных предложений с формальным грамматическим субъектом.

(3) Для шведского инфинитива характерно также употребление в синтаксической позиции предикатива после глагола-связки *vara* 'быть', в том числе нередко в предложениях тождества в функции как темы, так и ремы:

Att ta avsked var att sammanfatta, att sammanfatta var ett slags avsked (G. Tunnström) 'Проститься означало подвести итог, подвести итог означало своего рода прощание'.

(4) Отмечается также употребление инфинитива в синтаксической функции объектного предикатива, однако оно ограничено структурно-синтаксическими параметрами предложения и возможно только при формальном прямом объекте *det*:

Det kallar jag att leva och ta dagen som den kommer [SAG 3, s. 564] 'Это я называю жить сегодняшним днем' (букв. «принимать день таким, каким он наступает»).

Во всех рассмотренных случаях функционально-грамматические и структурно-синтаксические особенности инфинитива, как и при собственно-инфинитивном употреблении, также реализуются на уровне цельного предложения. Это особенно заметно в предложениях с формальным грамматическим субъектом, а также в предложениях тождества, где субстантивная позиция инфинитива не препятствует, а, напротив, способствует его втягиванию в состав синтаксической глагольной группы предиката.

(5) Употребление инфинитива без частицы *att* в синтаксической позиции прямого объекта при прямом примыкании к полнозначному переходному глаголу в ряде случаев может быть интерпретировано как участие в глагольной цепочке, особенно при опущении инфинитивной частицы *att*:

Han glömmer kolla resultatet [SAG 3, s. 570] 'Он забывает проверить результат'.

Вместе с тем, как было отмечено выше, в Шведской академической грамматике основанием для выделения функции прямого объекта, особенно при употреблении с частицей *att*, является именно широкая синтаксическая дистрибуция инфинитива после полнозначных переходных глаголов различной семантики [SAG 3, s. 570]:

[...] han *accepterade att ta på sig ordförandeskapet efter lång tveksamhet* ‘...он согласился (букв. «принял, признал») взять на себя функцию председателя после долгих сомнений’;

Det är därför myndigheten *undviker att tala* sådan klartext ‘Именно поэтому администрация старается не (букв. «избегает») говорить таким открытым текстом’.

Инфинитивная частица обязательна и в предложениях с примыкающим к предикату беспредложным или предложным косвенным объектом, который оказывается в препозиции к прямому объекту, отделяя его от управляющей глагольной лексемы⁴ [SAG 3, s. 570]:

Dess lag *förbjuder de små att inbillas* något om sig själva ‘Такой закон запрещает маленькому человеку воображать что-либо о самом себе’;

Vi *lämnade åt dem själva att sälja* huset ‘Мы предоставили им самим (возможность) продать дом’.

(6) Употребление в функции беспредложного косвенного объекта после глаголов с двойным управлением, как отмечают авторы Шведской академической грамматики, является довольно редким и встречается главным образом при инициальной позиции инфинитива для эмфатического выделения маркированным словоупотреблением:

Att dansa ger hon försteget framför att äta och prata [SAG 3, s. 571] ‘Танцам (букв. «танцевать») она отдает предпочтение, по сравнению с едой и разговорами’ (букв. «есть и разговаривать»).

Инверсия используется здесь для того, чтобы «развести» в начало и конец высказывания беспредложный и предложный объекты на основе принципа структурно-семантической иерархии второстепенных членов предложения.

(7) Одной из характерных синтаксических особенностей инфинитива, сближающей его с субстантивными словами, является

⁴ Ср. также употребление инфинитивной цепочки с модальным глаголом в позиции беспредложного прямого объекта после беспредложного косвенного: Jag *unnar honom inte att kunna säga* Se där (G. B. Sundström) ‘Я не желаю ему, чтобы он мог сказать: Вот видишь’.

употребление в позиции предложного объекта, когда выбор предлога определяется валентностью управляющей глагольной лексики [Hultman, 2008, s. 181]:

Han ängslades för att återvända till hemlandet ‘Он опасался вернуться на родину’;

Vi syftar till att minska utsläppen ‘Мы имеем целью сократить вредные выбросы’.

В этой особенности, как представляется, находит отражение общая для континентальных скандинавских языков тенденция к употреблению инфинитивных конструкций с предлогами, в том числе с обстоятельственной семантикой, как в рассмотренных выше случаях. Одним из интересных проявлений этой особенности является такая двойственность синтаксического поведения, когда предложно-инфинитивная конструкция выступает в обстоятельственной функции, хотя выбор предлога определяется синтаксической валентностью управляющего слова:

Men lärare skulle kanske må bra av att sätta sig på kafé och förbereda en lektion i stället för att sitta i ett rum där det sitter fyra andra lärare och telefonen ringer (2011) ‘Но учителя, возможно, чувствовали бы себя лучше, сев готовиться к уроку в каком-нибудь кафе, вместо того чтобы сидеть в одной комнате, где сидят еще четверо других и звонит телефон’.

Здесь два инфинитивных словосочетания с сочинительной связью «втягиваются» посредством предлога *av* в синтаксическую группу предиката, хотя между ними и предшествующим компонентом глагольной цепочки помещается «легкое» обстоятельство образа действия *bra*, которое образует устойчивое словосочетание с финитной формой глагола, определяющее синтаксическую валентность ядра предиката и выбор предлога.

Аналогичная двойственность синтаксического поведения инфинитива наблюдается и при употреблении с предлогом *med*:

Stanislavskij kunde inte förstå varför Tjechov envisades med att kalla ”Måsen” en komedi [SAG 3, s. 583] ‘Станиславский не мог понять,

почему Чехов настаивал на том, чтобы назвать (букв. «упрямился, называя») «Чайку» комедией?.

(8) Интересным для функционально-синтаксического анализа инфинитива представляется его употребление в качестве постпозитивного определения к существительному. В синтагматическом аспекте здесь выделяются два типа, различающиеся структурно-синтаксическими параметрами.

Употребление инфинитива в субстантивных словосочетаниях с предлогом встречается значительно чаще и представляет в функционально-грамматическом плане больший интерес:

tankar på att lämna den politiska scenen ‘мысли о том, чтобы покинуть политическую сцену’ [SAG 3, s. 247].

При употреблении инфинитива, например, с предлогом *av* после существительных различной семантики также выявляется двойственность его синтаксического поведения:

Det är vi som är i behov av att gråta och inte de döda som är i behov av våra tårar (W. Aspenström) ‘Это нам нужно (букв. «мы имеем потребность») поплакать, а не мертвым нужны наши слезы’;

Jag kunde ju också ha intresse av att veta det (S. Arnér) ‘Мне ведь тоже могло быть интересно (у)знать это’.

С точки зрения позиционного синтаксиса предложно-инфинитивная конструкция на уровне словосочетания здесь действительно выступает в функции постпозитивного определения к существительному с процессуальной семантикой, поскольку именно им обусловлен выбор предлога. Вместе с тем такие существительные, образуя устойчивые фразеологические словосочетания с предшествующим глаголом, не только сами втягиваются в состав предиката, но и втягивают в его состав предложно-инфинитивное словосочетание. На уровне цельного высказывания в обоих случаях инфинитивные словосочетания с предлогом включаются в состав развернутой синтаксической глагольной группы. Поэтому в плане синтаксической структуры и синтаксического поведения они мало отличаются от предложно-инфинитивных словосочетаний в синтаксической позиции косвенного объекта, например:

Han *njöt av att efter många år åter känna fast mark under fötterna* [SAG 3, s. 563] ‘Он испытал наслаждение, вновь после многих лет почувствовав (букв. «почувствовать») под ногами твердую почву.’

Возможно также беспредложное употребление инфинитива в функции постпозитивного определения к существительным с процессуальной семантикой:

konsten att läsa bruksanvisningar ‘умение читать инструкции’, *fruktan att bli sjuk* ‘страх заболеть’, *ovanan att äta på natten* ‘дурная привычка есть по ночам’ [SAG 3, s. 209]; *idén att sälja skolbyggnaderna* ‘идея продавать школьные здания’, *hans försök att skriva en artikel* ‘его попытка/попытки написать статью’, *nöjet att läsa böcker* ‘удовольствие читать книги’, *förmågan att skriva detta i ord* ‘способность написать это словами’, *egenheten att inte ta ränta* [SAG 3, s. 121–122] ‘свойство не назначать ренту’, *avgörandet att tillkännage sitt avgångsbeslut just nu* [SAG 3, s. 562] ‘решение объявить о своем уходе в отставку именно сейчас.’

Следует отметить, что, в отличие от субстантивного имени, только инфинитив может присоединяться к определяемым существительным прямым примыканием без предлога. Таким образом, и в структурно-синтаксическом плане он также выступает не вполне в субстантивной функции и ведет себя не вполне типично для именной части речи⁵.

Анализ материала современного шведского языка показывает, что за относительно прозрачной морфологией скрывается сложная функционально-синтаксическая природа инфинитива, не свойственная другим формам глагола — ни *verbum finitum*, ни

⁵ Так, В.Брендаль подчеркивал нейтральный в функционально-грамматическом аспекте характер инфинитива, не позволяющий отождествлять его употребление с субстантивным: “Et finit Verbum er i särilig Grad Forbinder, et Participium Beskriver — medens Infinitiv i denne Henseende er neutral <...> Man taler her om ‘substantivisk’ Brug eller om ‘substantiveret’ Infinitiv med Urette thi Infinitiven bevarer her som ellers sin verbale Karakter” [Brøndal, 1932, s. 24–25] ‘Финитная форма глагола в определенной степени является связующей, причастие описывающей, в то время как инфинитив в этом отношении нейтрален <...> В таких случаях говорят о “субстантивном” употреблении или о “субстантивированном” инфинитиве без основания, поскольку инфинитив сохраняет здесь, как и в других случаях, свой глагольный характер.’

причастиям, на что обращали внимание и скандинавские, и отечественные языковеды.

Заключение. В шведском языке функционально-грамматическая двойственность инфинитива имеет свою специфику, обусловленную типологическими особенностями грамматического строя континентальных скандинавских языков как в парадigmatике — выражение грамматической семантики агглютинативными показателями и аналитическими формами и конструкциями, так и в синтагматике — выражение синтаксической связи между словами посредством примыкания и предлогов⁶. Этим и обусловлена, на наш взгляд, тенденция к «втягиванию» инфинитивных словосочетаний, занимающих позицию субстантивных членов предложения, в развернутые глагольные группы, синтаксически «тяготеющие» к предикату. Таким образом, двойственная природа инфинитива, позволяющая усматривать в нем некоторые признаки субстантивности, для шведского и других скандинавских языков того же типа во многом является фикцией.

В исследование по логике жанра и связанных с этим ограниченный объема не вошли другие важные области функционирования инфинитива — в формах, маркированных показателями глагольных категорий, а также в предложениях, структура которых даже в плане позиционного синтаксиса не поддается делению на непосредственные составляющие. Эти особенности автор надеется рассмотреть в других публикациях в продолжение начатой здесь темы о нетривиальной грамматике шведского инфинитива.

ЛИТЕРАТУРА

- Гухман М. М. Историческая типология и проблема диахронических констант. М.: Наука, 1981. 249 с.
- Есперсен О. Философия грамматики. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. 404 с.
- Кубрякова Е. С. Части речи в ономаσιологическом освещении. 2-е изд. М.: URSS; Изд-во ЛКИ, 2008. 113 с.

⁶ «В структуре слова заключены в свернутом виде координаты всей формально-структурной организации языка» [Гухман, 1981, с. 132]; о типологических параметрах грамматического строя скандинавских языков см. подробнее: [Плоткин, 1984; 1989].

- Малаховский В. А.* Синтаксическое значение инфинитива в русском языке // Сборник трудов Государственного Иркутского университета. Вып. 8. Иркутск, 1924. С. 33–58.
- Мещанинов И. И.* Члены предложения и части речи. Л.: Наука, 1978. 388 с.
- Николаева Т. М.* «Скрытая память» языка: попытка постановки проблемы // Вопросы языкознания. 2002. № 4. С. 25–41.
- Пешковский А. М.* Глагольность как выразительное средство // Пешковский А. М. Избранные труды. М.: Учпедгиз, 1959. С. 101–111.
- Плоткин В. Я.* Степени синтетизации в скандинавском словоизменении // Скандинавские языки. Актуальные проблемы грамматической теории / отв. ред. В. Н. Ярцева. М.: Изд-во Института языкознания АН СССР, 1984. С. 24–32.
- Плоткин В. Я.* Типологическая эволюция германских языков // Лингвистические единицы, конструкции и текст: Сб. науч. ст. / отв. ред. М. Н. Валл. Новосибирск: Наука, 1989. С. 3–13.
- Чекалина Е. М.* Система форм и грамматические категории шведского глагола: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1993. 475 с.
- Чекалина Е. М.* Аналитическая видовая конструкция в современном шведском языке // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2014. № 6. С. 48–65.
- Чекалина Е. М.* Типология глаголов с возвратными показателями в скандинавских и русском языках // Чекалина Е. М. Семантические аспекты шведской грамматики. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2015. С. 149–186.
- Bergner E., Nylund E.* Något om valet mellan s-passiv och kopula-passiv // Svenskans beskrivning 17. Åbo: Åbo akad. förlag, 1990. S. 67–72.
- Bolander M.* Funktionell svensk grammatik. Falköping: Liber, 2004. 191 s.
- Brøndal V.* Morfologi og Syntax: Nye bidrag til sprogets teori. København: Gad, 1932. 108 s.
- Holm G.* Om s-passivum i svenskt talspråk // Svenskt talspråk: fem studier under red. av G. Holm. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1967. S. 204–225.
- Holm L., Larsson K.* Svenska meningar. Elementär språklära. Upplaga 2. Studentlitteratur. Malmö, 2008 (1976, 1980). 154 s.
- Hultman T. G.* Svenska Akademiens språklära. Stockhom: Norstedts Akademiska Förlag, 2008. 342 s.
- Kirri A.* Diatesstudier i svenskt talspråk // Svenskans beskrivning 8. Utg. Christer Platzack. Lund: Lunds universitet, 1975. S. 144–159.
- SAG — *Teleman U., Hellberg S., Andersson E.* Svenska Akademiens grammatik. Stockholm: Norstedts Akademiska Förlag, 1999. Band 2. Ord. 768 s.; Band 3. Fraser. 704 s.; Band 4. Satser och meningar. 977 s.

REFERENCES

- Bergner E., Nylund E. Något om valet mellan s-passiv och kopula-passiv [On the choice between the s-passive and the copula-passive]. *Svenskans beskrivning* 17 [Description of Swedish] 17. Åbo, Åbo akad. förlag, 1990, pp.67–72.
- Bolander M. *Funktionell svensk Grammatik* [Functional Swedish Grammar]. Falköping, Liber Publ., 2004. 191 p.
- Brøndal V. *Morfologi og Syntax: Nye bidrag til sprogets theory* [Morphology and Syntax: New contribution to the theory of language]. København, Gad Publ., 1932. 108 p.
- Chekalina E. M. Analiticheskaia vidovaia konstruktisiia v sovremennom shvedskom iazyke [Analytic aspectual construction in modern Swedish]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Moscow University Bulletin]. Ser. 9. Filologiya, 2014, no. 6, pp.48–65. (In Russian)
- Chekalina E. M. *Sistema form i grammaticheskie kategorii shvedskogo glagola*. Diss. ... doct. filol. nauk [The system of forms and grammatical categories of the Swedish verb. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 1993. 475 p. (In Russian)
- Chekalina E. M. Tipologiya glagolov s vozvratnymi pokazateliami v skandinavskikh i russkom iazykakh [Typology of verbs with reflexive markers in Scandinavian languages and in Russian]. *Chekalina E. M. Semanticheskie aspekty shvedskoi grammatiki* [Semantic aspects of Swedish grammar]. Saarbrücken, LAP LAMBERT Academic Publishing, 2015, pp.149–186. (In Russian)
- Espersen O. *Filosofia grammatiki* [The philosophy of grammar]. Moscow, Foreign literature Publ., 1958. 404 p. (In Russian)
- Gukhman M. M. *Istoricheskaia tipologiya i problema diakhronicheskikh constant* [Historical typology and the problem of diachronic constants]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 249 p. (In Russian)
- Holm G. Om s-passivum i svenskt talspråk [About the s-passive in colloquial Swedish]. *Svenskt talspråk: fem studier under red. av G. Holm* [Colloquial Swedish: five studies edited by G. Holm]. Stockholm, Almqvist & Wiksell Publ., 1967, pp.204–225.
- Holm L., Larsson K. *Svenska meningar* [Swedish sentences]. Elementär språklära [Elementary Grammar]. Upplaga 2 [2nd edition]. Studentlitteratur Publ., Malmö, 2008 (1976, 1980). 154 p.
- Hultman T. G. *Svenska Akademiens språklära* [The Swedish Academy Grammar]. Stockholm, Norstedts Akademiska Förlag Publ., 2008. 342 p.
- Kirri A. Diatesstudier i svenskt talspråk [Studies of diathesis in colloquial Swedish]. *Svenskans beskrivning* 8. [Description of Swedish. 8 ed.] Utg. [Ed.] Christer Platzack. Lund, Lunds universitet Publ., 1975. S. 144–159.
- Kubriakova E. S. *Chasti rechi v onomasiologicheskom osveshchenii* [Parts of speech through an onomaseological interpretation]. 2-nd ed. Moscow, URSS: LKI Publ., 2008, 113 p. (In Russian)
- Malakhovskii V. A. Sintaksicheskoe znachenie infinitiva v russkom iazyke [The syntactic meaning of the infinitive in Russian]. *Sbornik trudov Gosudarstvennogo*

- Irkutskogo universiteta* [Working papers of State Irkutsk University], issue 8. Irkutsk, 1924, pp. 33–58. (In Russian)
- Meshchaninov I. I. *Chleny predlozheniia i chasti rechi* [Parts of sentence and parts of speech]. Leningrad, Nauka Publ., 1978. 388 p. (In Russian)
- Nikolaeva T. M. «Skrytaia pamiat'» iazyka: popytka postanovki problemy [The «concealed memory» of language: an attempt at stating a problem]. *Voprosy iazykoznaniiia*, 2002, no. 4, pp. 25–41. (In Russian)
- Peshkovskii A. M. Glagol'nost' kak vyrazitel'noe sredstvo [Verbalness as an expressive means]. *Peshkovskii A. M. Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow, Uchpedgiz, 1959, pp. 101–111. (In Russian)
- Plotkin V. Ia. Stepeni sintetizatsii v skandinavskom slovoizmenenii [Degrees of synthesizing in Scandinavian inflexion]. *Skandinavskie iazyki. Aktual'nye problemy grammaticheskoi teorii* [Scandinavian languages. Current problems in grammatical theory]. Ed. by V. N. Iartseva. Moscow, Publ. Institute of Linguistics USSR Academy of Sciences, 1984, pp. 24–32. (In Russian)
- Plotkin V. Ia. Tipologicheskaiia evoliutsiia germanskikh iazykov [Typological evolution of Germanic languages]. *Lingvisticheskie edimitsy, konstruksii i tekst: Sb. nauch. st.* [Linguistic units, constructions and text. Collected articles]. Ed. by M. N. Vall. Novosibirsk, Nauka Publ., 1989, pp. 3–13. (In Russian)
- Teleman U., Hellberg S., Andersson E. *Svenska Akademiens grammatik* [The Swedish Academy Grammar] (SAG). Stockholm, Norstedts Akademiska Förlag, 1999. Band 2 [Vol. 2]. Ord [Words]. 768 p. Band 3 [Vol. 3]. Fraser [Phrases]. 704 p. Band 4 [Vol. 4]. Satser och meningar [Clauses and sentences]. 977 p.

Чекалина Елена Михайловна

доктор филологических наук, профессор,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1
E-mail: etch1@yandex.ru

Elena Chekalina

Doctor in Philology, Professor,
Moscow State University,
GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation
E-mail: etch1@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 30.01.2017, принята к публикации 10.03.2017

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 812.112.5

И. М. Михайлова

Санкт-Петербургский государственный университет

ГОД 1917. ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В СТИХАХ ГОЛЛАНДСКИХ СОРАТНИКОВ ЛЕНИНА

Из многочисленных фактов, свидетельствующих об интересе нидерландских писателей к общественно-политическим идеям российской интеллигенции на рубеже XIX–XX вв., в центре внимания статьи находится поэтическое творчество двух поэтов-коммунистов: Хермана Гортера (1864–1927) и Хенриетты Роланд Холст ван дер Схалк (1869–1952). Оба поэта занимают важное место в истории нидерландской литературы, оба пришли к марксизму в результате преодоления личного кризиса, в поисках выхода из тупика индивидуализма. Оба поэта были соратниками Ленина по международному социал-демократическому движению до 1917 г., затем по Коминтерну. Ленин и общался с ними лично, и переписывался: ленинские письма 1915–1916 гг., адресованные Гортеру и Роланд Холст, свидетельствуют об их идейной близости и деловом сотрудничестве. Оба голландских поэта-коммуниста продолжали писать искренние лирические стихи также в период увлечения политической деятельностью. Знакомство с этой лирикой позволяет заглянуть в их внутренний мир и попытаться понять, как именно эти двое представителей европейских социалистов и коммунистов видели революцию, к каким идеалам они стремились. Выясняется, что их идеалы были полностью абстрактными: поэты восхищаются гармонией между освобожденным рабочим классом и музыкой природы, у обоих поэтов пролетариат, победивший в революции, нередко изображается водящим хоровод. Судьбы конкретных людей ни в коей мере не были для них точкой отсчета. Они так и не сделали борцами за реальные интересы трудящихся, а остались в первую очередь эстетами.

Ключевые слова: нидерландская поэзия, Гортер, Хенриетта Роланд Холст, Октябрьская революция, Коммунистический интернационал, Ленин.

Irina Michajlova

St. Petersburg State University

**1917. OCTOBER REVOLUTION AND LENIN
IN THE VERSES OF HIS DUTCH COMRADES**

There are numerous facts that demonstrate the interest of Dutch writers in the social and political ideas of the Russian intelligentsia at the turn of the nineteenth and twentieth centuries. The focus of this article is the poetic work of the two communist poets: Herman Gorter (1864–1927) and Henriette Roland Holst (1869–1952). Both poets occupy an important place in the history of Dutch literature, both came to Marxism as a result of overcoming the personal crisis, in search of a way out of the impasse of individualism. Both poets were Lenin's comrades in the international social-democratic movement before 1917, then in the Communist International. Lenin corresponded with both poets and communicated with them personally: Lenin's letters of 1915 and 1916, addressed to Gorter and Roland Holst, show their ideological unity and close cooperation. Both Dutch communist poets continued to write lyrical verses also during the period of political activity. Reading these lyrics allows us to look into their inner world and to understand exactly how these two representatives of the European socialists and communists saw the revolution, to what ideals they aspired. It turns out that their ideals were completely abstract: the poets admire the harmony between the liberated working class and the music of nature, both often depict the proletariat, who won the revolution, as dancing a round dance. The lives of real people were in no way their starting point.

Keywords: Dutch poetry, Gorter, Henriette Roland Holst, October Revolution, Communist International, Lenin.

ВВЕДЕНИЕ

На рубеже XIX–XX вв. в творчестве целого ряда нидерландских писателей отразился их интерес к России, в первую очередь к общественно-политическим идеям российской интеллигенции. Вспомним, что Гагская мирная конференция 1899 г. была созвана по инициативе российского императора Николая II в надежде добиться объединенными усилиями разрядки той грозовой атмосферы, которая царил в Европе на рубеже веков. С именем русского царя связано также решение создать Постоянную палату третейского суда, для которой в 1913 г. и был построен Дворец мира в Гааге, известный в наше время как резиденция Международного суда ООН.

Нидерландских авторов рассматриваемого периода задевали за живое такие разные проявления российской общественно-политической мысли, как идея всеобщего мира, носителем которой виделся Николай II (Л. Куперус «Их величества» и «Всеобщий мир», см.: [Gemeren, 2016, p. 223]), идеи анархизма в духе Бакунина и Кро-

поткина (Л. Куперус «Метаморфоза»), разумеется, толстовство (Стейн Стрёвелс), а также социал-демократические идеи борьбы против социального неравенства (Х. Хейманс «Агасфер») и, наконец, ленинские идеи социалистической революции и победы коммунизма. Мы остановимся на последнем моменте — отражении революционной проблематики в поэзии двух поэтов-коммунистов — Хермана Гортера и Хенриетты Роланд Холст, или Генриетты Роланд-Гольст, как это имя передается в Полном собрании сочинений Ленина. Хотя эта тема ранее уже затрагивалась в отечественном литературоведении [Ошис, 1994], ее нельзя считать исчерпанной. Задача настоящей статьи — по письмам Ленина проследить его отношение к Гортеру и Роланд Холст как соратникам и затем выявить на основе их поэтического творчества, каким они, поэты-лирики, видели то светлое будущее, за которое боролись как политики.

РОЛЬ ХЕРМАНА ГОРТЕРА И ХЕНРИЕТТЫ РОЛАНД ХОЛСТ В НИДЕРЛАНДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

И Херман Гортер, и Хенриетта Роланд Холст — важнейшие имена в истории нидерландской словесности [От «Лиса Рейнарда» до «Сна богов», 2013, с. 360–362, 388–401]. Гортер заслуженно считается крупнейшим поэтом из поколения «восьмидесятников» — литераторов, начавших литературную деятельность в 1880-е годы и провозгласивших принципы искусства ради искусства, служения красоте, первостепенности индивидуального начала в творчестве. По значимости и по месту в литературном процессе Нидерландов этот блистательный период можно сравнить с Серебряным веком в русской литературе.

Генриетта Роланд Холст, дебютировавшая позднее, поразила современников монументальным звучанием и философской глубиной уже своего первого сборника «Сонеты и стихи, написанные терцинами» (1896), в котором прочитывалось ее увлечение Данте и Платоном. На протяжении всей своей долгой творческой биографии она оставалась общепризнанным мастером слова, о чем свидетельствует тот факт, что в 1952 г. нидерландский ПЕН-центр номинировал ее на Нобелевскую премию по литературе¹.

¹ Об этом можно прочитать на сайте Нобелевской премии: http://www.nobelprize.org/nomination/archive/show_people.php?id=12039.

Оба поэта пришли к социализму после мучительных поисков выхода из духовного кризиса, в котором оказались в результате доведенного до логического завершения принципа творческого индивидуализма. Сначала этика Спинозы, затем учение Маркса стали базисом их нового идеала — стремления добиться освобождения рабочего класса и, как они считали, восстановления первоначальной гармонии между человечеством и силами природы.

ХЕРМАН ГОРТЕР И ХЕНРИЕТТА РОЛАНД ХОЛСТ КАК ПОЛИТИКИ

Увлечшись политикой, оба поэта вскоре стали заметными фигурами в международном социал-демократическом, а позднее коммунистическом движении. Перечислим предельно кратко важнейшие факты их политической биографии.

Гортер, вступив в Социал-демократическую партию Нидерландов, с 1897 по 1907 г. руководил революционным марксистским журналом «De Nieuwe Tijd» («Новое время»). В 1904 г. перевел на нидерландский язык «Манифест коммунистической партии». В 1908 г. написал брошюру для рабочих «Исторический материализм» (1908), которую высоко оценил В.И. Ленин; в 1919 г. она была издана в Москве по-русски [Гортер, 1919] и уже в наше время, в 2011 г., переиздана издательством «Либроком» [Гортер, 2011]. В годы Первой мировой войны занимал интернационалистскую позицию, о чем в 1914 г. и написал свою вторую знаменитую книгу «Империализм, мировая война и социал-демократия» (рус. пер.: [Гортер, 1920]). В 1917 г. приветствовал Октябрьскую революцию, в 1918 г. принял участие в создании Коммунистической партии Нидерландов, а в 1919–1921 — Коммунистической рабочей партии Германии. В 1920 г. написал имевшее большой резонанс «Открытое письмо товарищу Ленину» (1920), явившееся ответом на ленинскую работу «Детская болезнь левизны в коммунизме». В 1921 г. участвовал в III Конгрессе Коминтерна в Москве в составе делегации Коммунистической партии Германии, в 1922-м отошел от активной политической деятельности, но в поэзии продолжал воспевать коммунистические идеалы.

Х. Роланд Холст с 1889 г. совместно с Гортером редактировала журнал «De Nieuwe Tijd», в 1900-м была делегирована от Нидерландов во Второй интернационал, где тесно общалась с Р. Люксем-

бург, К. Либкнехтом, Л. Троцким. В этом же году перевела на нидерландский язык текст песни «Интернационал». В 1902 г. написала исследование «Капитал и труд в Нидерландах» — марксистскую историю становления и развития капитализма в стране. Во время Первой мировой войны вела антивоенную пропаганду и участвовала в Циммервальдской конференции. Как и Гортер, приняла Октябрьскую революцию с восторгом, вместе с ним стояла у истоков Коммунистической партии Голландии и тоже посетила Москву в 1921 г. для участия в конгрессе Коминтерна. Узнав о голоде в Советской России, по возвращении в Голландию организовала сбор денег для помощи голодающим. Оставалась членом КПГ до 1927 г., но вышла из нее, когда узнала о судьбе Троцкого.

ПИСЬМА ЛЕНИНА

Начало активной переписки Ленина с Гортером и Роланд Холст относится к 1914–1916 гг., когда вождь мирового пролетариата жил в Швейцарии и уделял большое внимание борьбе с оппортунизмом в духе Каутского в защиту левых элементов. Если Гортера он однозначно считает «честным марксистом», то Роланд Холст вызывает у него больше сомнений. Он то ссылается на нее как на свою сторонницу, как в письме о нидерландском социал-демократе Трулстре (письмо А. Г. Шляпникову от 27.10.1914), то называет ее оппортунисткой и «каутскианкой», как в письме к А. М. Коллонтай от 4.08.1915:

О, этот Трульстра оппортунист половчее «добренького» старичка Каутского! Как маневрировал этот Трульстра, чтобы выгнать из голландской партии честных людей и марксистов (Гортера, Паннекука, Вайнкопа)!! Никогда не забуду, как Роланд-Гольст, бывшая у меня однажды в Париже, сказала про Трульстру: «ein hundsgemeiner Kerl» [Ленин, 1970, с. 21].

Роланд-Гольст, как и Раковский (видали его французскую брошюру?), как и Троцкий, по-моему, все вреднейшие «каутскианцы» в том смысле, что все в разных формах за единство с оппортунистами, все в разных формах приукрашивают оппортунизм, все проводят (по-разному) эклектицизм вместо революционного марксизма [Ленин, 1970, с. 117–118].

Возможно, поэтому в письмах Ленина, адресованных Гортеру, ощущается значительно бóльшая непринужденность, чем в письмах к Роланд Холст, неизменно настороженных. К Гортеру он обращается «товарищ Гортер» и заканчивает письма словами «сердечный привет», к Роланд Холст — просто «товарищ», и ни о каких «сердечных приветях» нет и речи. Письма Гортеру более разнообразны по тематике. В качестве примера приведем фрагмент письма к Гортеру от 05.05.1915 (речь в нем идет о брошюре «Империализм, мировая война и социал-демократия») и фрагмент письма к Роланд Холст от 8.03.1916, которое Ленин послал ей после разрешения разногласий о составе редакции журнала “Vorbote”.

Уважаемый товарищ Гортер!

Товарищ Радек показал мне Ваше письмо. <...>

Радек говорит, что Ваша брошюра вышла на английском языке. Это меня очень радует: теперь я смогу все прочесть и понять. Голландский язык я понимаю приблизительно на 30–40 %. Поздравляю Вас с Вашими прекрасными атаками на оппортунизм и Каутского. Главная ошибка Троцкого состоит в том, что он не нападает на эту банду.

Сердечный привет.

Ваш Н. Ленин

Мой адрес: Wl. Uljanow. Waldheimstrasse 66. Bern.

Напишите мне открытку, когда Вы приедете [Ленин, 1970, с. 74–75].

Дорогой товарищ! Прошу извинить меня, что я так поздно отвечаю на Ваше письмо. Я выступал с докладами в различных городах Швейцарии. Я очень благодарен Вам за Ваш любезный ответ. Буду очень рад, если наше сотрудничество пройдет без трений. <...>

В чем состоят наши разногласия с Троцким? Это Вас, наверное, интересует. В немногих словах: он каутскианец, т. е. хочет единения с каутскианцами в Интернационале, с фракцией Чхеидзе в России. Мы решительно против такого единения. <...>

С лучшими приветамися Вам, товарищу Паннекуку и другим голландским товарищам.

Ваш Н. Ленин [Ленин, 1970, с. 189–192].

СТИХИ О ЛЕНИНЕ

Как Гортер, так и Роланд Холст писали стихи о Ленине, в которых каждый по-своему высказывал свое восхищение этим человеком. Стихи Гортера не издавались по-русски, поэтому приведем по-нидерландски, с русским подстрочником фрагмент стихотворения, в котором он описывает отдых вождя после одержанной победы.

Hij denkt aan den strijd. Hij wist er
De zege van. — Die was gister. —
Diep ademend herstelt hij zich.
Zwak voelt hij zich, ernstig.

Zoo was hij. Hij heeft het vaandel geplant,
Hoog op de bergen, naar het nieuwe land [Gorter, 1930, p. 60].

*Он думает о борьбе. Он познал / победу в ней. — Она была вчера.
/ Глубоко дыша, он отдыхает. / Чувствует себя слабым, серьезным. / Та-
ким он был. Он водрузил знамя / высоко в горах, в новой стране.*

Вероятно, стихотворение не переводилось на русский из-за недостаточно героического образа вождя. Да и образ победившего социализма как новой страны высоко в горах представляется сомнительным.

Стихотворение Х. Роланд Холст «Ленин» в переводе А. Янова, напротив, было напечатано дважды. Приведем его начало:

Где мне найти слова, чтоб описать вас, Ленин?
Ведь нужных слов еще никто не создал.
Создать их в состояньи лишь эпоха,
Которая рождается сегодня.
Они появятся, когда все люди
Единым крепким коллективом станут
[Роланд Холст, 1964, с. 93; 1980, с. 266].

СТИХИ ГОРТЕРА О СОЦИАЛИЗМЕ

Первый сборник социалистических стихов Гортера вышел в 1903 г., после этого он продолжал писать их до самой смерти, почти не заботясь об их издании (многие были опубликованы посмертно в 1930 г.). Приведем несколько примеров на нидерландском языке, с подстрочным переводом:

O lichtende gloed
Van het socialisme,
Verterend het kapitalisme
In zich, als de hemel de wolken doet [Gorter, 1930, p. 61].

*О, светлое сияние / социализма, / растворяющее капитализм / в себе,
как это делает небо с облаками.*

Diep in den nacht
Hoor ik een dans,
Het is der arbeiders dans.
Ver in den nacht
Hoor ik muziek,
Het is der schoonheid muziek [Gorter, 1930, p. 39].

*Глубоко в ночи / я слышу танец, / это танец рабочих. / Далеко в ночи /
я слышу музыку, / это музыка красоты.*

Читая эти стихи, нельзя не согласиться с В. В. Ошисом, написавшим: «Искренность и лиризм поэзии Гортера нередко входит в противоречие с отвлеченностью ее образов, перенасыщенностью символикой, и тут дело не только в неоромантической традиции “восьмидесятников”, вскормившей Гортера-поэта, но и в его общей склонности к поэтическим абстракциям» (Ошис, 1994, с. 318).

ЛИРИЧЕСКАЯ ДРАМА Х. РОЛАНД ХОЛСТ «ЖЕРТВА»

Понимание проблематики Октябрьской революции Хенриеттой Роланд Холст наиболее полно отразилось ее «лирической драме» (как она сама назвала этот жанр), написанной в 1918–1921 гг., с многозначительным названием «Жертва». В 1922 г. эта драма уже была переведена на русский и издана в Петрограде вместе с двумя другими пьесами Х. Роланд Холст [Роланд Гольст, 1922].

Место и время действия — Советская Россия, зима после революции. Главные действующие лица носят говорящие русские имена или фамилии: это народный комиссар Устойчив, Вера — мать Виктора, солдата, вернувшегося с фронта Первой мировой войны, сам Виктор и его невеста Люба. Как в античной трагедии, в «Жертве» выступают два хора: хор рабочих и хор работниц.

В первом действии Устойчив произносит пламенные речи о свободе, которую завоевал русский пролетариат, и о том, что эта свобода еще не есть настоящее счастье: пока русские рабочие одиноки в своей победе, пока их не поддержали рабочие других стран, ее могут уничтожить враги-капиталисты. Слушающие понимают, что их задача — раздуть искру свободолюбия в душах зарубежных товарищей. Виктор с Любой отправляются «дарить добытую свободу» братьям за границей.

В начале второго действия они возвращаются в Россию удрученные: европейские братья не откликнулись на их призыв. Более того, в конце второго действия приходит известие, что на Советскую Россию наступают соседние государства: «господа» заставили вчерашних рабочих, переодетых в солдатские шинели, взяться за оружие. Виктор воспринимает это как личную трагедию: что делать? В целях самозащиты тоже поднять оружие на тех, кого он считает своими братьями? Или не делать этого и дать себя убить? Вера разрешает его сомнения, советуя всем женщинам из хора уговорить своих сыновей, мужей или женихов пойти навстречу врагу без оружия, с открытыми лицами и протянутой для рукопожатия рукой. Женщины покидают сцену и вскоре возвращаются: «Каждая держит за руку сына, мужа или жениха: так они и проходят хороводом по сцене» [Roland Holst, 1921, p.79]. Мужчины отправляются брататься с врагом.

В начале третьего действия мы узнаем о той великой жертве, которую приходится принести матери и невесте ради победы социализма. Вестник сообщает, что иностранные солдаты, напавшие на Советскую Россию, даже не подумали вступить в диалог с Виктором и его сподвижниками и убили всех безоружных товарищей. Тут на сцену выходит комиссар Устойчив и объясняет, что если на тебя идет с оружием, то надо защищаться, но при этом не ожесточаться сердцем и помнить, что тот, с кем ты сегодня воюешь, — твой брат, пока еще не успевший прозреть. Он обращается к Вере

как матери, потерявшей все, что у нее было, с просьбой подтвердить его правоту. Вера соглашается с ним, и драма заканчивается сравнением революции с силами природы, по законам которой за приливом следует отлив, а потом новый прилив: несмотря на все сегодняшние тяготы, еще придет время, когда зарубежные братья захотят и смогут стать свободными.

После 1921 г. «Жертва» ни разу не переиздавалась и в наши дни полностью забыта. Текст пьесы, описывающей голод, вызванный революцией, и гибель мужа и всех детей Веры, сгоревших в огне борьбы, а также всех мужей и женихов хора работниц, не дает ответа на вопрос, почему эта не слишком оптимистическая трагедия была воспринята как прославление Великого Октября.

Из особенностей русского перевода драмы «Жертва», которые уже рассматривались ранее [Михайлова, 2008, с. 142–146], отметим одну существенную неточность: важная для Х. Роланд Холст мысль о том, что русские рабочие, сбросившие иго и тем самым вырвавшиеся далеко вперед, не смогут продержаться долго без поддержки рабочих соседних стран, полностью затусшевана.

Oestoichyw

Wij moeten dit volbrengen, make' in hen
vrijheidswil van een vonk een vlam, of wij
gaan onder, eenzaam gaan wij onder.
<...>

Een stem uit het koor

Den wil der makkers te wekke' en te richten
is voor mijn zwakte deenge medicijn [Roland Holst, 1921, p. 14].

Дословный перевод:

Устойчив: Мы должны это совершить, раздуть в них / искру воли к свободе в пламя, или мы / погибнем, в одиночестве погибнем. <...>

Голос из хора: Волю товарищей пробудить и направить — / это единственное лекарство от моей слабости.

Опубликованный перевод:

Устойчив

Наш долг велит нам это совершить,
Разжечь в пожар стремление к свободе,
Хотя б ценою гибели своей!
<...>

Голос из хора

Но я мои исправлю заблужденья,

Я пробужу, зажгу сердца людей! [Роланд Гольст, 1922, с. 35–36].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, и Херман Гортер, и Хенриетта Роланд Холст в своих лирических произведениях изобразили совершенно абстрактную картину победы пролетариата, за которой не видно реальных человеческих проблем. Роланд Холст показала трагичность революционных событий, которую переосмыслила как оправданную жертву во имя великой сверхчеловеческой задачи. Оба поэта воспринимали пролетарскую революцию как природную силу и после 1917 г. еще долго не могли поверить, что революция ограничится масштабами одной страны и не станет всеобщей.

ЛИТЕРАТУРА

- Гортер Г.* Исторический материализм. М.; Пг.: Коммунист, 1919. 140 с.; 2-е изд.: М.: Красная новь, 1924; 3-е изд.: М.: Либроком, 2011. 176 с.
- Гортер Г.* Империализм, мировая война и социал-демократия. М.: Госиздат, 1920. 152 с.
- Ленин В. И.* ПСС. 5-е изд. Т. 49. М.: Изд-во политической литературы, 1970. 724 с.
- Михайлова И. М.* О стратегии переводов нидерландской поэзии в раннее советское время // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 59. С. 142–146.
- От «Лиса Рейнарда» до «Сна богов»: история нидерландской литературы. СПб.: Александрия, 2013. Т. 1. XII — начало XX века. 544 с.
- Ошис В. В.* Под знаком социалистических идей: [Нидерландская литература на рубеже XIX и XX веков] // История всемирной литературы: В 8 т. М.: Наука, 1994. Т. 8. С. 316–318.
- Роланд Гольст ван дер Схальк Г.* Жертва / пер. В. Рейтц // Роланд Гольст ван дер Схальк Г. Лирические драмы. Пг.: Государственное издательство, 1922. С. 29–128.
- Роланд Холст ван дер Схалк Г.* Ленин / пер. А. Орлова // Ладонь поэта. Стихи. М.: Прогресс, 1964. С. 93–94.
- Роланд Холст ван дер Схалк Г.* Ленин / пер. А. Орлова // В. И. Ленин в поэзии народов мира. М.: Худлит, 1980. С. 266–268.
- Gemeren R. van.* Couperus. Een leven. Amsterdam: Prometheus, 2016. 958 p.
- Gorter H.* Liedjes. 1930. URL: http://www.dbnl.org/tekst/gort004lied01_01/gort004lied01_01_0006.php (дата обращения: 20.01.2017).

Roland Holst van der Schalk H. *Het offer*. Rotterdam: W.L. Brusse uitgeversmaatschappij, 1921. 120 p.

REFERENCES

- Gemerer R. van. *Couperus. Een leven*. Amsterdam, Prometheus Publ., 2016. 958 p.
- Gorter G. *Imperializm, mirovaia voina i sotsial-demokratiia* [*Imperialism, World War and Social-democracy*]. Moscow, Gosizdat, 1920. 152 p. (In Russian)
- Gorter G. *Istoricheskii materializm* [*Historical Materialism*]. Moscow, Petrograd, Kommunist, 1919. 140 p. 2nd edition. Moscow, Krasnaya nov' Publ., 1924. 3rd ed. Moscow, Librokom Publ., 2011, 176 p. (In Russian)
- Gorter H. *Liedjes. 1930*. Available at: http://www.dbnl.org/tekst/gort004li-ed01_01/gort004lied01_01_0006.php (accessed: 20.01.2017).
- Lenin V.I. PSS. *Izd-e 5-e. T. 49 PSS* [*Collected Works. 5th ed.*]. Vol. 49. Moscow, Izd-vo politicheskoi literatury, 1970. 724 p. (In Russian)
- Mikhailova I.M. O strategii perevodov niderlandskoi poezii v rannee sovetskoe vremia [On Strategy of Translation of Dutch poetry in Early Soviet Time]. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*, 2008, no. 59, pp. 142–146. (In Russian)
- Oshis V.V. Pod znakom sotsialisticheskikh idei: Niderlandskaja literatura na rubezhe XIX i XX vekov [Under the sign of socialist ideas: Dutch literature at the turn of the XIX and XX centuries]. *Istoriia vsemirnoi literatury: V 8 t.* Moscow, Nauka Publ., 1983–1994, vol. 8, 1994, pp. 316–318. (In Russian)
- Ot «Lisa Reinarda» do «Sna bogov»: istoriia niderlandskoi literatury [From 'Reynaert de vos' to 'Godenslaap. A history of Dutch literature']. St. Peterburg, Alexandria Publ., 2013, vol. I. XII — beginning XX century. 544 p.
- Roland Gol'st van der Skhal'k G. Zhertva [*Victim*]. Transl. V. Reitts. Roland Gol'st van der Skhal'k G. Liricheskie dramy. Petrograd, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1922, pp. 29–128. (In Russian)
- Roland Holst van der Schalk H. *Het offer*. Rotterdam, W.L. Brusse uitgeversmaatschappij, 1921. 120 p.
- Roland Kholst van der Skhalk G. Lenin. Transl. by A. Orlov. *Ladon' poeta. Stikhi* [The Hand of the Poet. Poems]. Moscow, Progress nPubl., 1964, pp. 93–94. (In Russian)
- Roland Kholst van der Skhalk G. Lenin. Transl. by A. Orlov. *V.I. Lenin v poezii narodov mira* [V.I. Lenin in the Poetry of the Peoples of the World]. Moscow, Khudlit Publ., 1980, pp. 266–268. (In Russian)

Михайлова Ирина Михайловна

доктор филологических наук, доцент, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет.
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб., д. 7-9
E-mail: i.mikhailova@spbu.ru

Irina Michajlova

Doctor in Philology, Associate Professor,
St. Petersburg State University,
7-9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation
E-mail: i.mikhailova@spbu.ru

Статья поступила в редакцию 22.01.2017, принята к публикации 10.03.2017

УДК 821.113.4

Г. К. Орлова

Военный университет Министерства обороны РФ

О ФЕНОМЕНЕ ПОПУЛЯРНОСТИ СКАЗОК Х. К. АНДЕРСЕНА В РОССИИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

Рассматривается феномен популярности Ханса Кристиана Андерсена в России в конце XIX — начале XX в. Русскому читателю были знакомы романы, стихи, путевые очерки, биографическая и эпистолярная проза Андерсена, однако настоящее признание завоевали его сказки и истории, многократно переведившиеся, выходявшие значительными тиражами и активно обсуждавшиеся в печати. Именно сказки благодаря непревзойденному изяществу формы в сочетании с поэтичностью и глубиной нравственной идеи стали той частью творчества датского поэта, которой было суждено войти в русскую культуру. Эпоха конца XIX — начала XX в. является ключевой для дальнейшей судьбы произведений Андерсена в России, именно в этот период можно наблюдать процесс ассимиляции, усвоения Андерсена русской культурой, андерсеновские сказки проникают в культурное и образовательное пространство, возникает интерес к особенностям языка, стиля, формы, качеству переводов, психологической подоплеке произведений датского писателя. Это время, когда в России закладывается фундамент традиции прочтения и восприятия сказок Андерсена, популярность творчества которого росла на фоне увлечения фантастическим элементом в литературе, с одной стороны (в первую очередь мифом и сказкой как таковыми), и усилением интереса к скандинавским культурам — с другой. Еще одним фактором, способствовавшим популяризации сказок, была роль детской литературы в эпоху Серебряного века. Андерсен был новатором, реформатором жанра, оказавшим значительное влияние на дальнейшее его развитие. Нельзя недооценивать и значение переводов того времени, в особенности переводов Анны и Петра Ганзен, для формирования образа «русского» Андерсена.

Ключевые слова: русская литература конца XIX — начала XX в., сказка, Х. К. Андерсен, культурная ассимиляция, скандинавские культуры, детская литература, феномен популярности, переводческая традиция.

Gayane Orlova

Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation

H. C. ANDERSEN'S POPULARITY AS A CULTURAL PHENOMENON IN RUSSIA IN THE LATE 19th — EARLY 20th CENTURIES

H. C. Andersen's fairy tales and stories won universal recognition in the literary circles as well as among the public at large in Russia in the late nineteenth and early twentieth centuries. Though novels, poems and letters of the Danish writer were published in Russia, it was the tales that attracted the attention of the readers and translators. They were appreciated for expressing the ideas of humanism in perfect literary form. H. C. Andersen's tales were translated many times, ran into a huge number of editions. They were often discussed in the press. This occurred against the backdrop of an unprecedented interest in myths and fairy tales on the one hand and in Nordic literature on the other. The end of the 19th and beginning of the 20th century were key periods for the future perception of H. C. Andersen in Russia. It was during this period that the Danish writer underwent the process of cultural adaptation and became a part of Russian cultural space. It was then that the interest in the artistic and psychological dimensions of his art emerged. Multiple examples of this can be found in many of the literary and epistolary writings of the time, in the art critique and pedagogical literature. The creative achievements of translations of the period should also not be underestimated.

Keywords: Russian literature in the late 19th — early 20th centuries, fairy tale, H. C. Andersen, cultural assimilation, Scandinavian cultures, literature for children, popularity as a cultural phenomenon, translate tradition.

Из всего многообразия жанров, царившего в творчестве датского поэта, настоящее признание в России, впрочем, как и во всем мире, завоевали его сказки и истории. Как известно, первые переводы произведений Ханса Кристиана Андерсена на русский язык появились в сороковые годы XIX столетия. В 1844 г. в русском переводе был издан роман «Импровизатор», а в 1845 г. в журнале «Современник» опубликованы несколько сказок писателя в переводе Р.К. Грот [Переслегина, 1979, с. 11–12; Шарыпкин, 1980, с. 245]. Первый же сборник сказок Андерсена вышел в 1857 г. в крайне неудачном, по замечанию Э.В. Переслегиной, переводе с немецкого языка, и лишь «в 1863 году русские переводчицы М.В. Трубникова и Н.В. Стасова начали издание “Полного собрания сказок Андерсена”, куда вошло большинство лучших и наиболее популярных из существовавших в то время сказок» [Переслегина, 1979, с. 12].

На протяжении 1870–1880-х годов в Москве и Санкт-Петербурге печатались как собрания сочинений, так и небольшие сборники и отдельные сказки датского писателя, такие, например,

как десять выпусков сказок «Народной библиотеки», выходявшие с 1883 по 1890 г. в московском издательстве Маракуева. Новые книги появлялись с завидной регулярностью, свидетельствуя об интересе к творчеству датского писателя. К началу следующего десятилетия Андерсен уже хорошо знаком русскому читателю, а во второй половине 1890-х годов количество изданий его произведений резко возрастает¹.

В 1894 г. происходит значительное событие: в двух санкт-петербургских издательствах практически одновременно появляются собрания сочинений Андерсена в новых качественных переводах. Это «Иллюстрированные сказки: Полное собрание в шести томах» в переводе Б. Д. Порозовской (издательство Ф. Павленкова) и четырехтомное «Собрание сочинений» в переводе А. и П. Ганзен (типолитография С. М. Николаева). Четырехтомник супругов Ганзен выходил на протяжении 1894–1895 гг., помимо сказок в нем представлены и другие произведения Андерсена, в частности его романы, путевые очерки, стихи и автобиография «Сказка моей жизни». Этот перевод сыграл значительную роль в судьбе датского писателя в России, он был положительно принят критикой и считался одним из самых удачных. Так, рецензент «Мира Божия» подчеркивал, что новый перевод имеет «то большое преимущество, что он сделан прямо с датского, а не через посредство немецких переводов, как это делалось у нас до сих пор» [W., 1894, с. 200–201], достоинства перевода Ганзенов по сравнению с другими современными ему переводами отмечали в «Разделе “Новости литературы”» журнала «Русский вестник» [Без под., 1894, с. 293], автор же статьи «Датский сказочник», напечатанной в сентябрьском номере «Книжек “Недели”» за 1895 г., писатель, переводчик, критик и публицист Платон Краснов, указывал на несомненную важность «взрослого» издания Андерсена [Краснов, 1895, с. 181]. В том же, 1894-м, году в переводе Б. Порозовской вышло еще одно масштабное издание — «Сказки в выпусках “Иллюстрированной сказочной библиотеки” Ф. Павленкова» в 30 выпусках, каждый из которых содержал от одной до четырех сказок. Интерес к Андерсену-сказочнику

¹ Полный перечень переводов Х. К. Андерсена на русский язык до 1977 г. включительно представлен в издании: [Переслегина, 1979].

продолжает оставаться неизменно высоким и на протяжении 1900-х — первой половины 1910-х годов.

Лучшим свидетельством читательского признания служит количество изданий и переизданий произведений писателя: в конце 1890-х — начале 1910-х в России каждый год публикуется от одного до десяти выпусков избранных сказок (от одной до нескольких десятков в выпуске), собрания сказок предпринимаются не так часто и могут выходить в течение нескольких лет, как, например, «Избранные сказки в трех томах» (Санкт-Петербург, Губинский), первый том которых (в переводе М. А. Лялиной) был напечатан в Петербурге в 1896 г., второй (в переводе А. Н. Нееловой) — в 1909, а третий (перевод ее же) — в 1912 г. Только в период с 1890 по 1916 г. можно насчитать более десяти переводчиков сказок Андерсена: А. и П. Ганзен, Б. Порозовская, В. Андреевская, М. Лялина, А. Неелова, Н. Перелыгин, М. Благовещенская, О. Пономарева, С. Займовский, А. Борисова, И. Введенский, А. Гушка и др. Особенно популярны сказки с занимательным сюжетом (например, «Дюймовочка» и «Гадкий утенок»), поучительные и лирико-философские («Ель», «Девочка, наступившая на хлеб», «Соловей», «Девочка со спичками» и др.) и сатирические («Свинопас», «Новое платье короля»). Выбор произведений, а также преимущественное издание избранных сказок с большой долей вероятности свидетельствуют о том, что они пользовались спросом именно как детское чтение. Впоследствии уровень интереса к некоторым сказкам менялся, в частности в связи с использованием и развитием андерсеновских сюжетов и мотивов как в художественной литературе, так и в произведениях смежных жанров. Во второй половине XX в. особенное влияние на рост популярности отдельных сюжетов оказал кинематограф. Это в большей степени относится к сказкам, одноименные мультипликационные экранизации которых были созданы на студии «Союзмультфильм» в 1950–1970-е годы: «Гадкий утенок» (1956), «Снежная королева» (1957), «Пастушка и трубочист» (1965), «Русалочка» (1968), «Стойкий оловянный солдатик» (1976).

О том, что в последнюю четверть XIX в. сказки Андерсена по-настоящему входят в русскую культуру, свидетельствуют и многочисленные рецензии на публикации его произведений. Статьи, посвященные творчеству Андерсена, печатались, в частности, в таких значительных изданиях, как «Русская мысль», «Мир Божий»,

«Русское обозрение», «Русский вестник»². М. Л. Сурпин отмечает, что в отличие от 1860–1870-х годов восприятие сказок в 1890-е годы стало менее острым в социальном плане [Сурпин, 1958, с. 181]. Действительно, в это время возникает интерес к особенностям языка, стиля, формы, качеству переводов, психологической подоплеке творчества писателя. В то время как еще в 1883 г. писатель и критик Мария Константиновна Цебрикова обвиняет Андерсена в «прекраснодушии», «отсутствии животрепещущего вопроса», сетуя на недостаток мысли и идейного содержания в его сказках [Цебрикова, 1883, с. 117–118], уже в конце 1880-х отсутствие избыточной социализации становится скорее преимуществом в глазах читателей, выражением гуманистической философии. В 1894 г. рецензент «Мира Божия» замечает, что «у Андерсена привлекательность художественной формы затмила мыслителя, и сказки его славятся более всего своей поэтичностью, богатством фантазии и юмором. А между тем многие из них задуманы настолько глубоко, что сделали бы очень интересной оценку автора с точки зрения проповедуемой им жизненной этики» [W., 1894, с. 199].

Свидетельства постепенного оформления образа «русского» Андерсена, сказки которого в 1890-е годы становятся едва ли не частью «культурного канона» в России, можно найти как в критической и педагогической литературе, так и в художественном и эпистолярном творчестве целого ряда крупных русских писателей — Дмитрия Мережковского, Максимилиана Волошина, Ивана Бунина, Константина Бальмонта, Саши Черного, Анны Ахматовой, Марины Цветаевой, Михаила Кузмина, Гайто Газданова, Максима Горького, Александра Блока, Андрея Белого и др.³ Так, для А. Блока, Г. Газданова, М. Цветаевой сказки Андерсена были частью их детского мира. «Я читал все без разбора, но не любил книг, которые мне давали, и ненавидел всю “золотую библиотеку”, за исключением сказок Андерсена и Гауфа», — пишет Газданов [Газданов, 1992, с. 20]. Упоминает Андерсена в связи с каждодневным детским чтением и Блок [Орлова, 2010, с. 260]. А в отношении М. Цветаевой можно даже говорить о семейной традиции чтения сказок [Орлова, 2010, с. 260–261]. С точки зрения истории развития жанра

² См.: [Орлова, 2003, гл. 1].

³ См.: [Орлова, 2010, с. 257–279].

литературной сказки примечательно также, что в 1890–1910-е годы, наряду с большим количеством переделок и подражаний, начинают появляться произведения, обнаруживающие внутреннюю, глубинную связь с творчеством датского писателя. Такая связь, например, совершенно очевидно присутствует в целом ряде сказок Саши Черного, ассимилировавшего созданный Андерсеном жанр «сказок о вещах» («Нолли и Пшик» (1912), «Красный камешек» (1912), «Разговор на полке в кукольной клинике» (1926) и др.).

Столь высокая популярность творчества датского писателя на рубеже веков, неоднократно отмечавшаяся исследователями (см., напр.: [Брауде, Шиллегодский, 1959; Сурпин, 1958]), возникла на фоне интереса к фантастическому в литературе, с одной стороны, и увлечения скандинавскими культурами — с другой.

Интерес к скандинавским и, в частности, датской литературе на рубеже веков был, как известно, огромен⁴. Литературные контакты Дании и России к этому времени насчитывали уже около 150 лет, если вести отсчет от первых переводов Л. Хольберга, сделанных в 1750-е годы [Люстров, 2013; Kantor, 1973]. Рост интереса к датской литературе произошел во второй половине XIX в., когда у русского читателя появилась возможность познакомиться с произведениями Хенрика Херца, Карстена Хаука, Бернхарда Северина Ингеманна, Мейера Аарона Гольдшмидта⁵. Но по-настоящему мощная волна увлечения скандинавской и, в частности, датской литературой возникла на рубеже веков, в 1890–1910-е годы, на фоне растущего интереса к северным культурам, литературе и истории в целом. Пьесы, романы, рассказы и стихи датских, шведских и норвежских авторов в это время печатаются в многочисленных периодических изданиях, сборниках, выходят в виде отдельных книг, а также собраний сочинений, как, например, произведения Августа Стриндберга или Кнута Гамсуна. Собрания сочинений последнего только с 1905 по 1911 г. в разных переводах вышли в четырех издательствах (московское издательство «В. М. Саблин», петербургские издательства «Шиповник», «Т-во А. Ф. Маркс» и «Ясная Поляна») и неоднократно переиздавались.

⁴ О восприятии скандинавских литератур в России вплоть до рубежа XIX–XX вв. см.: [Шарыпкин, 1980].

⁵ Обзор переводов датской литературы на русский язык представлен в дании: [Грязневич, 2011].

В целом в конце XIX — начале XX в. были изданы и переизданы на русском языке произведения более трех десятков датских писателей и поэтов разного уровня мастерства и разной степени популярности.

Совершенно особое место в этом ряду занимают представители так называемой детской литературы, переживавшей расцвет в России рубежа XIX–XX вв. В своей монографии «Сказка и быль» Бен Хеллман отмечает, что «в начале XX века русская детская литература быстро росла в количественном отношении. Рос и ее престиж» [Хеллман, 2016, с. 162]. И это неудивительно во времена тотального увлечения сказкой как жанром. «Младшая сестра мифа» оказалась едва ли не в центре литературной жизни рубежа XIX–XX вв. В ней привлекало, с одной стороны, переплетение реального и ирреального, «двойственность волшебных образов» [Брауде, 1979, с. 70], столь характерная для Андерсена и импониравшая символистам, с другой — наличие выраженного ценностно-нормативного компонента, что как нельзя лучше отвечало характерному для эпохи интересу к аксиологическим и онтологическим аспектам человеческого существования, и наконец, сказка позволяла активизировать воспитательные функции литературы. Происходили серьезные изменения и в понимании специфики жанра сказки, Андерсен же воспринимался как создатель новой сказочной формы, который в своем творчестве «раздвинул рамки жанра» [Брауде, 1979, с. 73]. На фоне всплеска интереса к народной сказке, фантастическим сюжетам литературная сказка вовсе не выглядит сироткой, и в детских журналах регулярно печатают переводы европейских авторов. Так, сказки датского писателя Карла Эвальда переводились с датского и немецкого языков и выходили в основном в период с 1905 по 1915 г. как в виде непериодических изданий, так и в периодической литературе — в журналах «Современник», «Всходы» и др.

Развернувшаяся в прессе рубежа веков дискуссия об адресате сказок, о том, являются ли они фактом детской литературы, также повлияла на отношение к сказкам Андерсена. К началу XX в. ни у кого уже не оставалось сомнений в том, что они интересны людям любого возраста, однако большинство издателей по-прежнему ориентировались на детей. В первую очередь это происходило потому, что этот жанр воспринимался и продолжает восприниматься как преимущественно «детский». Восприятие

андерсеновских текстов как «детских» могли усилить и переводы, характерные особенности которых с большой степенью вероятности повлияли на формирование образа датского писателя в русском культурном сознании. Существовавшая в то время традиция не требовала от переводчика особенной точности, а также допускала (и даже предполагала и оправдывала) русификацию, целью которой было сделать иноязычного автора ближе и понятнее. Переводы имели тенденцию к опрощению языка и стиля, отчасти в связи с общей ориентацией на читателя-ребенка. Таким образом, нельзя исключить взаимное влияние: переводов на оценку творчества Андерсена, сложившейся же оценки — на стратегии последующих переводов.

Следует, однако, заметить, что единого подхода к тексту не существовало. Примером могут послужить непоследовательные попытки адаптировать произведения к культурному фону читателя, которые приводили к большой вариативности при переводе имен собственных, в том числе в названиях сказок. Так, название сказки «Ole Lukøje» («Оле-Лукойе») транслитерировали («Оле-Лук-Ойе» — Порозовская, Перелыгин/Васильев и др.), переводили буквально («Оле — закрой глазки» — Ганзены) и приближенно («Сон Дремович» — Гатцук); при переводе названия сказки «Klods-Hans» («Ганс-чурбан») большинство переводчиков прибегли к приближенному переводу («Иванушка-дурачок» — Ганзены, Лялина, «Иван-дурачок» — Гатцук, Пономарева, Порозовская, «Иван-дурак» — Перелыгин/Васильев), а главные действующие лица сказки «Lille Claus og Store Claus» («Маленький Клаус и Большой Клаус») превращались то в Николая и Николку (Ганзены), то в Ивана и Иванушку (Порозовская), то в Гришу и Гришутку (Андреевская), при том что были переводчики, сохранившие оригинальное звучание имен (Лялина, Перелыгин/Васильев и др.). Невозможно также говорить о наличии единой концепции у одного и того же переводчика. Но в целом тенденция учитывать адресата и адаптировать текст к культурному фону потенциального читателя была выраженной, что в определенной степени повлияло и на ряд переводных текстов, созданных уже в советское время.

После Октябрьской революции сказки по-прежнему издают, и довольно активно. Так, с 1922 по 1929 г. новые издания появляются практически ежегодно. Андерсена продолжают печатать

и в сложные, в том числе для литературы, 1930-е годы, несколько изданий появляется даже в 1940-е годы — годы войны, не говоря уже о последующих десятилетиях. Определенная часть сказок Андерсена со временем обрела независимость от своего создателя и в сознании многих современных читателей не ассоциируется со страной происхождения. Однако эпоха рубежа XIX–XX вв. представляется по-своему исключительной, поскольку именно в этот период происходит процесс интеграции сказочного творчества Андерсена в национальное культурное пространство и формируется уникальный образ «русского Андерсена».

ЛИТЕРАТУРА

- Андерсен Г.Х.* Избранные сказки: В 3 т. / пер. М. А. Лялиной. СПб.: Губинский, 1896. Т. 1. 334 с.
- Андерсен Г.Х.* Избранные сказки. Сб. 1–5 / пер. Н. И. Перелыгина; под ред. М. Васильева. М.: Ключин, 1900.
- Андерсен Г.Х.* Иллюстрированные сказки: Полное собрание в 6 т. / вступ. ст. и пер. Б. Д. Порозовской. СПб.: Павленков, 1894.
- Андерсен Г.Х.* Повести и сказки: В 10 вып. / под ред. А. Гатцука. М.: Гатцук, 1893. 170 с.
- Андерсен Г.Х.* Сказки / пер. В. П. Андреевской. СПб.: Битепаж, 1893. 241 с.
- Андерсен Г.Х.* Сказки / пер. О. Пономаревой. СПб.: тип. Ныркина, 1909. 164 с.
- Андерсен Г.Х.* Собрание сочинений: В 4 т. / пер. А. и П. Ганзен. СПб.: Тип. лит. С. М. Николаева, 1894. Т. 1. 513 с.
- Без подп.* Собрание сочинений Андерсена: В 4 т. / пер. с дат. подлинника А. и П. Ганзен // Русский вестник. 1894. Т. 230. С. 292–294.
- Брауде Л. Ю.* Скандинавская литературная сказка. М.: Наука, 1979. 208 с.
- Брауде Л. Ю., Шиллегодский С. П.* Сказки Ганса Христиана Андерсена в России // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. 1959. Т. 198. С. 271–296.
- Газданов Г.* Вечер у Клэр // С того берега: писатели русского зарубежья о России. М.: Водолей, 1992. Кн. 2. С. 3–160.
- Грязневич Н.* Библиография переводов датской художественной литературы на русский язык. СПб.: SYMPOSIUM, 2011. 118 с.
- Краснов Пл. Н.* Датский сказочник // Книжки «Недели»: Ежемесячный литературный журнал. 1895, сентябрь. С. 181–190.
- Люстров М. Ю.* Фонвизин. М.: Молодая гвардия, 2013. URL: <http://litfile.net/web/412559/459000-460000> (дата обращения: 21.07.2015).
- Орлова Г. К.* Х. К. Андерсен в русской литературе конца XIX — начала XX века: восприятие, переводы, влияние: дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 193 с.

- Орлова Г.К. Андерсеновские реминисценции в русской литературе Серебряного века // *Riječ. Časopis za slavensku filologiju*. God. 16. Sv. 1. Rijeka: HFDR, 2010. С. 25–270.
- Переслегина Э.В. Ханс Кристиан Андерсен: Библиографический указатель. М.: Книга, 1979. 113 с.
- Сурпин М.Л. Сказки Г.Х.Андерсена в России // Ученые записки Ярославского государственного педагогического института им. К.Д. Ушинского. Русский язык и литература. 1958. Вып. 28. С. 167–206.
- Хеллман Б. Сказка и быль: история русской детской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 555 с.
- Цебрикова М. Датская литература // Дело. 1883. № 10. С. 104–126.
- Шарыпкин Д.М. Скандинавская литература в России. Л.: Наука, 1980. 322 с.
- Kantor M. Fonviain and Holberg: A Comparison of The Brigadier and Jean de France // *Canadian-American Slavic Studies*. 1973. Vol.7. Issue 4. P.475–484. URL: <http://booksandjournals.brillonline.com/content/journals/10.1163/221023973x00506> (дата обращения: 21.07.2015).
- W. Андерсен. Собрание сочинений, пер. А. и П. Ганзен // Мир Божий. СПб., 1894. № 6. С. 198–201.

REFERENCES

- Andersen G. Kh. *Illustrirovannye skazki: Polnoe sobranie v 6 t.* [*Illustrated Fairy Tales. The Complete Works in Six Volumes*]. Transl. by B. D. Porozovskaya. St. Petersburg, Pavlenkov Publ., 1894. (In Russian)
- Andersen G. Kh. *Izbrannye skazki. Sb. 1–5* [*Selected Stories. 1–5 books*]. Transl. by N. I. Perelygina; ed. by M. Vasil'eva. Moscow, Kliukin Publ., 1900. (In Russian)
- Andersen G. Kh. *Izbrannye skazki: V 3 t.* [*Selected Stories. 3 Volumes*]. Transl. by M. A. Lialina.
- Andersen G. Kh. *Povesti i skazki: V 10 vyp.* [*Stories and Fairy Tales. 10 Books*]. Ed. by A. Gattsuk. Moscow, Gatsuk Publ., 1893. 170 p. (In Russian)
- Andersen G. Kh. *Skazki* [*Fairy Tales*]. Transl. by O. Ponomareva. St. Petersburg, tip. Nyrkina, 1909. 164 p. (In Russian)
- Andersen G. Kh. *Skazki* [*Fairy Tales*]. Transl. by V. P. Andreevskaya. St. Petersburg, Bitepazh Publ., 1893. 241 p. (In Russian)
- Andersen G. Kh. *Sobranie sochinenii: V 4 t.* [*The Complete Works in Four Volumes*]. Transl. by A. and P. Hansen. St. Petersburg, Tip. lit. S. M. Nikolaev, 1894, vol. 1. 513 p. (In Russian)
- Bez podp. *Sobranie sochinenii Andersena: V 4 t.* [[*The Complete Works: in 4 vols*]. Transl. from Danish by A. and P. Hansen. *Russkii vestnik*, 1894, vol. 230, pp. 292–294. (In Russian)
- Braude L. Iu. *Skandinavskaiia literaturnaia skazka* [*The Scandinavian Literary Fairy Tale*]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 208 p. (In Russian)

- Braude L. Iu., Shillegodskii S. P. Skazki Gansa Khristiana Andersena v Rossii [The Fairy Tales of Hans Christian Andersen in Russia]. *Uchenye zapiski LGPI im. A. I. Gertsena* [Scientific Papers of Leningrad State Pedagogical Institute], 1959, vol. 198, pp. 271–296. (In Russian)
- Gazdanov G. Večer u Kler [An Evening with Claire]. *S togo berega: pisateli ruskogo zarubezh'ia o Rossii* [From the Other Side: Russian Writers Abroad about Russia]. Vol. 2. Moscow, Vodolei Publ., 1992, pp. 3–160. (In Russian)
- Griaznevich N. *Bibliografiia perevodov datskoi khudozhestvennoi literatury na russkii iazyk* [A Bibliography of Danish Literature in Russian Translations]. St. Petersburg, SYMPOSIUM Publ., 2011. 118 p.
- Kantor M. Fonviain and Holberg: A Comparison of The Brigadier and Jean de France. *Canadian-American Slavic Studies*, 1973, vol. 7, issue 4, pp. 475–484. Available at: <http://booksandjournals.brillonline.com/content/journals/10.1163/221023973x00506> (accessed: 21.07.2015).
- Khellman B. *Skazka i byl': istoriia russkoi detskoj literatury* [Fairy Tales and True Stories: The History of Russian Literature for Children and Young People]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. 555 p. (In Russian)
- Krasnov Pl. N. Datskii skazochnik [The Danish Storyteller]. *Knizhki «Nedeli»: Ezhemesiachnyi literaturnyi zhurnal* [A Monthly Literary Magazine]. St. Petersburg, September 1895. pp. 181–190. (In Russian)
- Liustrov M. Iu. *Fonvizin*. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2013. Available at: <http://litfile.net/web/412559/459000-460000> (accessed: 21.07.2015). (In Russian)
- Orlova G. K. Andersenovskie reministsentsii v russkoi literature Serebriannogo veka [H. C. Andersen and the Silver Age of Russian Literature]. *Riječ. Časopis za slavensku filologiju. God. 16. Sv. 1* [Word. The Journal for Slavic Philology, vol. 16, no. 1]. Rijeka, HFDR Publ., 2010, pp. 25–270.
- Orlova G. K. *Kh. K. Andersen v russkoi literature kontsa XIX — nachala XX veka: vospriiatie, perevody, vliianie*. Diss. kand. filol. nauk [H. C. Andersen in Russian Literature in the Late 19th — Early 20th Centuries: Perceptions, Translations, Influences. Thesis of PhD]. Moscow, 2003, 193 p. (In Russian)
- Pereslegina E. V. *Khans Kristian Andersen: Bibliograficheskii ukazatel'* [Hans Christian Andersen. A Bibliography]. Moscow, Kniga Publ., 1979. 113 p. (In Russian)
- Sharypkin D. M. *Skandinavskaiia literatura v Rossii* [Scandinavian Literature in Russia]. Leningrad, Nauka Publ., 1980. 322 p. (In Russian)
- St. Petersburg, Gubinskii Publ., 1896. 334 p. (In Russian)
- Surpin M. L. Skazki G. Kh. Andersena v Rossii [H. C. Andersens Fairy Tales in Russia]. *Uchenye zapiski iaroslavskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. K. D. Ushinskogo. Russkii iazyk i literatura* [Scientific Papers of Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical Institute. Russian Language and Literature], 1958, issue 28, pp. 167–206. (In Russian)
- Tsebrikova M. Datskaia literatura [Danish Literature]. *Delo*, 1883, no. 10. pp. 104–126. (In Russian)

W.Andersen. Sobranie sochinenii [The Complete Works]. Transl. by. A. and P.Hansen. *Mir Bozhii*. St. Petersburg, 1894, no. 6, pp. 198–201. (In Russian)

Орлова Гаянэ Корюновна

кандидат филологических наук, доцент,
Военный университет МО РФ,
Российская Федерация, 123001, Москва, ул. Б. Садовая, 14
E-mail: gajane-orlova@yandex.ru

Gayane Orlova

PhD, Associate Professor,
Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation,
14, B.Sadovaya ul., Moscow, 123001, Russian Federation
E-mail: gajane-orlova@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 12.01.2017, принята к публикации 10.03.2017

UDC 821.113.4

Rennesa Jessup
Minnesota State University

**TRAVELING COMPANIONS:
BICENTENARY LITERARY ADAPTATIONS OF H. C. ANDERSEN TALES**

Adaptation is broadly defined, encompassing the re-working of virtually any kind of text into virtually any other kind of text. Moreover, it frequently involves the re-mediation of texts into entirely new forms. Even so, seemingly simple text-to-text adaptation of texts already frequently subject to adaptation can challenge both traditional and theoretical concepts of adaptation. Such was the case with a major Danish literary project undertaken in 2005.

Danish State Railways, *Dansk statsbaner* (DSB) commissioned a series of adaptations of Hans Christian Andersen tales to be published in the DSB onboard magazine *Ud & Se* [Out & See] to commemorate the two-hundredth anniversary of H. C. Andersen's birth. Resulting from the project were twelve original stories by twelve Danish authors: Pia Juul, Jan Sonnergaard, Ib Michael, Iselin Hermann, Preben Major Sørensen, Suzanne Brøgger, Bent Vinn Nielsen, Peter Laugesen, Kristian Ditlev Jensen, Lars Frost, Erling Jepsen, and Naja Marie Aidt. Each author adapted a different Andersen work, ranging from classics including "Den grimme ælling" [The Ugly Duckling], "Den lille havfrue" [The Little Mermaid], and "Kejserens nye klæder" [The Emperor's New Clothes], to more obscure works such as "Dandse, dandse dukke min!" [Dance, Dance, My Doll!]. Issued in book form as *Reisekammeraten og andre H. C. Andersen-historier i nye klæder* [The Traveling Companion and Other H. C. Andersen Tales in New Clothes] (Copenhagen, 2005), the collection demonstrates a wide range of approaches to adaptation that seem to stretch the definition of adaptation to its limits.

Keywords: adaptation, Hans Christian Andersen, Denmark, Danish literature.

Реннеса Джесуп
Государственный университет Миннесоты

**ДОРОЖНЫЕ ТОВАРИЩИ:
ЛИТЕРАТУРНЫЕ АДАПТАЦИИ СКАЗОК АНДЕРСЕНА
К ДВУХСОТЛЕТИЮ ПИСАТЕЛЯ**

Адаптация в широком смысле слова означает переработку практически любого типа текста. Более того, адаптация порой допускает преобразование текстов в совершенно иные художественные формы. Тем не менее на первый взгляд простая адаптация одного текста может бросить вызов как традиционному,

так и теоретическому пониманию данного термина. Именно это наблюдается в случае широкомасштабного датского литературного проекта, предпринятого в 2005 г. В год двухсотлетия Андерсена Датские государственные железные дороги (ДГЖ) предприняли издание переработок его сказок в своем журнале *Ud & Se*, предназначенном для чтения пассажирами поезда. В результате мы можем прочитать двенадцать совершенно новых рассказов двенадцати датских писателей: Пии Юль, Яна Сонергора, Иба Микаэля, Иселин Херман, Пребена Майора Сёренсена, Сусанне Брёггер, Бента Вина Нильсена, Питера Лаугсена, Кристиана Дитлева Йенсена, Ларса Фроста, Эрлинга Йепсена и Найи Марии Айдт. Каждый из них взял за основу ту или иную сказку Андерсена, от таких знаменитых, как «Гадкий утенок», «Русалочка» и «Новое платье короля», до малоизвестных, как, например, «Танцуй, танцуй, моя кукла!». Эти рассказы, изданные в сборнике «Дорожный товарищ и другие сказки Андерсена в новом платье» (Копенгаген, 2005), демонстрируют широчайший диапазон подходов к понятию адаптации, которые расширяют его до всех мыслимых пределов.

Ключевые слова: адаптация, Андерсен, Дания, датская литература.

In 2005, Denmark celebrated the two-hundredth anniversary of Hans Christian Andersen's birth. Amid the flood of works published that year to mark the occasion, one literary project reached an unusually large audience as a result of its somewhat unique mode of dissemination. The project received little critical attention, despite the questions that it raises regarding the nature and limits (or lack thereof) of adaptation, a phenomenon closely associated with Andersen's legacy. To celebrate the enduring influence of Andersen on Danish authors and artists, Danish State Railways, *Dansk Statsbaner* (DSB), sponsored a series of "gendigtninger" [retellings or adaptations] of Andersen tales. Twelve contemporary Danish authors were invited to select an Andersen tale to adapt into a new story, and over the course of the Andersen anniversary year, these adaptations appeared, one by one, in the monthly issues of *Ud & Se* [Out & See] magazine. Each adapted story was two to five pages long, and bore the title of the Andersen original it sought to adapt. A different Danish artist provided illustrations for each adaptation; both the stories and the illustrations varied widely in style. The audience for the project was large because *Ud & Se* is the free high-quality DSB publication available on all trains in Denmark, including regional commuter trains around Copenhagen. At the time of the project, *Ud & Se* had an estimated circulation of 800,000 (Jan 2005, 6).

The near-total neglect of the project by scholars, not to mention the press, would seem remarkable given the number of Danes exposed

to it. Perhaps it was lost in the flurry of Andersen commemorations. Perhaps it was a victim of its drawn-out length, or perhaps it simply seemed insignificant to Danes so familiar with Andersen and his work. His tales have been inexhaustibly adapted. The cultural products inspired by Andersen range from Antonin Dvorak's 1901 opera *Rusalka*, based on the "*Den lille havfrue*" ["The Little Mermaid"], to Salvadore Dali's 1966 painting of "*De røde skoe*" ["The Red Shoes"]. As a part of this long tradition, the DSB adaptations may not seem particularly radical, but they nonetheless stretch the possibilities of adaption by taking what are often highly oblique approaches to the tales. This leads to the question: What is an adaptation? Does fidelity to a source text matter? With respect to the relationship between literature and film, the critical focus is typically on how well a film represents (or, more often, fails to represent) an adapted text. The film scholar Robert Stam has taken an inventory of the negative terminology typically used in these comparisons: "infidelity, betrayal, deformation, violation, bastardization, vulgarization, and desecration" (3). Stam complains that critics are often so busy lamenting what has been lost in the translation from text to screen that they do not look for what may have been gained. Indeed, a certain degree of freedom from the constraints of a source text is fundamental to adaptation. In comparing adaptations to translations, for example, the translator Robert Wechsler argues that translations are burdened by the "Platonic ideal" of a perfect translation, "and wherever there are ideals, there is the impossibility of attaining them." Adaptations, on the other hand, exist on their own terms. In the case of an adaptation, "the original is not destroyed," writes Wechsler, "it is not even harmed." (53–54).

Linda Hutcheon, meanwhile, has defined an adaptation as "an extended, deliberate, announced revisitation of a particular work of art" (2006, 170). By "extended," she means for example that an adaptation is not embedded within another text. It is "deliberate" in the sense that its relationship to the source text is intentional rather than accidental or unconscious, and its intention is "announced." The stories in the *Ud & Se* collection meet these criteria. Nonetheless, they demonstrate that even within the context of a coherent project with the explicit purpose of producing adaptations, the concept of adaptation remains elusive and ambiguous. And it remains so even when the texts in question are the tales of Hans Christian Andersen.

The Copenhagen publishing house, People's Press, published the stories and illustrations featured in *Ud & Se* as a book in June 2005. Sold at DSB train station kiosks and in bookstores throughout Denmark, it was called *Reisekammeraten: H. C. Andersen i nye klæder* [The Traveling Companion: H. C. Andersen in New Clothes], a title that cleverly alludes to two of the Andersen tales included in the collection, "*Reisekammeraten*" [The Traveling Companion] (a fitting name for a publication intended for the train) and "*Kejserens nye klæder*" [The Emperor's New Clothes]. The book's marketing blurb explained the nature of the project:

*Opgaven lød: Find en H. C. Andersen-titel og skriv en ny historie. Vi gav en række af Danmarks bedste forfattere budet, og de takkede ja på pletten. Resultatet er blevet en fantastisk samling af vitale noveller, eventyr og fortællinger, der afslører nye sider af de velkendte Andersenske motiver, men i endnu højere grad af de nutidige forfattere, der tæller store etablerede navne som Suzanne Brøgger og Ib Michael, nye talenter som Lars Frost og Kristian Ditlev og "fremmede fugle" som lyrikeren Peter Laugesen. Andersens inspirationskraft er stadig lige stærk hér 200 år efter hans fødsel. Hvem havde f.eks. troet, at Naja Marie Aidt kunne skrive socialrealistisk knyttæve-prosa, som hun gør det i *Grantræet*? *Reisekammeraten* laves i samarbejde med *Ud & Se*, hvor én historie bliver bragt hver måned i 2005. Alle historierne er illustreret af nogle af tidens hotteste tegnere og grafikere.¹*

[The assignment was: find an H. C. Andersen title and write a new story. We gave a bunch of Denmark's best authors this task, and they agreed on the spot. The result is a fantastic collection of vibrant short stories, fairy tales and narratives that reveal new sides of the well-known Andersen-esque motifs, but even more about the contemporary authors, who include great established names such as Suzanne Brøgger and Ib Michael, new talents like Lars Frost and Kristian Ditlev, and "strange birds" such as the poet Peter Laugesen. Ander-

¹ Suzanne Brøgger, Ib Michael, Naja Marie Aidt, Jan Sonnergaard, Pia Juul, Peter Laugesen, Kristian Ditlev Jensen, Bent Vinn Nielsen, Iselin C. Hermann, Preben Major Sørensen, Lars Frost, and Erling Jepsen. *Reisekammeraten og andre H. C. Andersen-historier i nye klæder* [The Traveling Companion and Other H. C. Andersen Tales in New Clothes]. Copenhagen, 2005, 130 s.

sen's power of inspiration is just as strong now, 200 years after his birth. Who, for example, would believe that Naja Marie Aidt could write a social-realistic, fist-clenching prose, as she has done in "The Pine Tree?" *The Traveling Companion* was made in collaboration with *Out and See*, where one story is being published each month in 2005. All the stories are illustrated by some of today's hottest illustrators and graphic designers.]

When published, each of the twelve stories was accompanied by a brief statement by the author. In the case of several of these adaptations, the authorial statement provides the key to understanding the relationship between the adaptation and the Andersen tale. None of the stories can claim much fidelity to the original texts. It is apparent that the authors construed "adaptation" in a very expansive sense, but that is what makes the project interesting. The stories can be divided into three loose categories: 1) stories easily recognizable as adaptations of Andersen tales because of their storytelling style and content, 2) stories not immediately recognizable as adaptations, but containing a significant phrase or image that has been transposed, and 3) stories that self-consciously subvert the original, sometimes in the form of social realism. The authors have freely mined the Andersen tales and transformed them into completely new works.

"*Hvad fatter gjør, det er altid det rigtige*" ["What Father Does, That is Always the Right Thing"] was the first story in the series, released in the January issue. The author, Pia Juul, writes "*Jeg valgte netop det eventyr, fordi jeg elsker H. C. Andersens fortrolige tone, der hvor han sier 'Du har jo været ude på landet.' Det tyvstjal jeg.*" [I chose this fairy tale because I love H. C. Andersen's confiding tone when he says 'You must have been out in the country.' I stole that] (40). This seems to be the only thing she stole, because nothing in the narrative resembles the original story. Andersen's story was itself an adapted folktale about a farmer who traded his horse for a cow, the cow for a sheep, then the sheep for a goose, the goose for a hen, and the hen for a sack of rotten apples. A traveler sees the idiocy of the farmer's decisions, and bets him a sack of gold that his wife will be angry when he returns home with a sack of rotten apples instead of a horse. The farmer bets the stranger that his wife will kiss him and say "What father does is always right." She does just this, and the "stupid" farmer proves to have cleverly outwitted the stranger and won

a sack of gold. All that Juul's adapted story has in common with Andersen's story is the fact that it takes place out in the country and contains the stolen phrase "*Du har jo været ude på landet?*" [You must have been out in the country?] (40).

Similarly, the connection between the February story, Jan Sonnergaard's version of "*Den lille havfrue*" ["The Little Mermaid"], and Andersen's tale is not immediately apparent. It is a story about Søde-Jan [Sweet Jan] and his girlfriend Pernille. The narrator goes on at length about how everyone envied them as a perfect, beautiful couple. One day Pernille thought she was gaining weight, so she joined a fitness club. "*Men det var i fitnessklubben, stop der, at tragedien startede. For det var her hun mødte Gun-Britt van den Broock, den sæk. Det var begyndelsen på enden, ide Gun-Britt van den Broock, den sæk, fra første færd gjorde alt hvad hun kunne for at give Pernille komplekser.*" [But it was in the fitness club, right there, that the tragedy began. For it was there that she met Gun-Britt van den Broock, that slut. It was the beginning of the end because Gun-Britt van den Broock, that slut, from that first moment did all she could to give Pernille complexes] (39). Gun-Britt's comments made Pernille doubt her own beauty and doubt that Jan loved her, and so she began a series of physical alterations and medical procedures in an attempt to make herself more beautiful. First she gets dental braces, then a nose job, then blue-tinted contact lenses, silicon-injected lips, several body piercings, a rounder behind, and breast implants. Søde-Jan does not seem to notice these changes, until one day his brother says "*Kan du da for himlens skyld ikke se, at HUN GØR ALT DET HER FORDI HUN ELSKER DIG...?*" [Can't you see, for heaven's sake, that SHE IS DOING ALL OF THIS BECAUSE SHE LOVES YOU?] (40). In the end, Pernille becomes depressed and drowns herself.

At first glance, this story seems to have little to do with "The Little Mermaid." There are no mermaids, princes, or witches in the story. However, Jan Sonnergaard's statement is a key to understanding the story: "*Det er Andersens mest misforståelige eventyr... Havfruen ses som en idyllisk figur, men egentlig er hun tragisk. Det er måske verdens første historie om plastickirurgi.*" [It is Andersen's most misunderstood fairy tale. The mermaid is seen as an idyllic figure, but in reality, she is tragic. It is perhaps the world's first story about plastic surgery.] In Andersen's tale, the little mermaid has her tongue cut out so that the witch will turn her tail into a pair of legs. She has this "plastic surgery" done so that the

prince will fall in love with her. When she fails to win the affection of the prince, she drowns in the sea, unable to swim with her legs. Seen in this light, Sonnergaard's tale is a brilliant contemporary retelling of this heartbreaking story.

"*Skyggen*," ["The Shadow"], by far one of the darkest and most complex of Andersen's tales, was adapted by Ib Michael and published in the March issue. The original tale is about a young scholar whose shadow separates from him. When it returns months later, it has been masquerading as a human, and has gained wealth and power by stealthily spying on people. In Michael's story, the protagonist sees a man with a colorful shadow and follows him into another world: "*For jeg opdagede, at hvor skyggen havde strejft en mur, blev stenen porøs og skabte åbninger ind til en anden verden*" [For I discovered that where the shadow had reached a wall, the stone had become porous and created an opening into another world] (36). He wanders around in this alternate world, the only embodied person there, and sees things from a different perspective. He goes back and forth between the worlds, experiencing the lightness of the colorful-shadow world versus the embodied experience of the "real" world. Ib Michael is known for writing magical realism, and this intriguing adaptation certainly falls into that category. The collage-like illustrations suit the story well, and display a photo-like image of a man creeping into the hidden alternate world.

Andersen's "*Den flyvende kuffert*" ["The Flying Trunk"] is the tale of a young man who climbs into a magical trunk that flies away to Turkey. There, he tricks the royal family into believing that he is a god, by demonstrating how he can fly through the air and tell fairy tales. However, the story that he tells is a cleverly masked tale about a trickster (himself) who plans to start a revolution. Iselin Hermann, whose adaptation was published in the April issue, admitted that she turned Andersen's tale into a story about war: "*Det er ikke et af H. C. Andersens mest mindeværdige eventyr, og sant at sige kunne jeg ikke huske en dyt af det. Men billedet af en kuffert til vejrs sender jo med det samme fantasien samme vej, og sådan opstod min lille forteælling om krig og fred.*" (42) [It is not one of H. C. Andersen's most memorable tales, and to tell the truth I cannot remember a bit of it. But the image of a trunk flying in the air certainly sends one's fantasies flying as well, and so came my little story about war and peace.] She sets her story in the Cold War. Someone in Siberia detects the flying trunk as a red dot on

a radar screen and prepares to launch weapons that will begin World War III, but the dot disappears and the emergency is averted. Here, the only element of the story that was carried over to the adaptation is the image of the flying trunk. The purpose of the trunk, and the tone of the story, has been cleverly altered.

The May adaptation, “*Dandse, dandse dukke min!*” [“Dance, Dance, My Doll!”] by Preben Major Sørensen is completely different from the tale that inspired it. The Andersen tale is only about two pages long, most of it consisting of a song. In the tale, a tutor makes up a song for the little girl of the household—a song about her three dolls. Preben Major Sørensen, in his authorial statement, calls Andersen a genius. But, he adds, “*Mig er han bare ind imellem for rørstrømsk,*” [To me, he is just a bit too sentimental] (82). Sørensen subverts Andersen’s sentimentalism by turning the tale into a macabre, dark tale about a mother with a knife and the wooden dolls that the spectator-narrator mistakes for her children upon first glance. Christian Graugaard, who wrote a rare review of the series for the Danish newspaper *Politiken*, offered a metaphorical description of this particular adaptation: “*Sørensen forvandler vuggevise til morderisk death metal for infantile traumer med kannibalistisk dræberdukke*” [Sørensen changes the lullaby into murderous death metal for infantile traumas with cannibalistic killer dolls]. The result is a rather bizarre distortion that would not be recognized as an adaptation of an Andersen tale if it were published outside of the context of the magazine project.

Suzanne Brøgger, an author known for blending genres of biography, journalism, and fiction, took the largest genre jump in the series when she turned “*Den grimme ælling*” [“The Ugly Duckling”] into an essay about the little-known life of Archibald Leach (Cary Grant), an “ugly duckling” who grew up to be a swan. Illustrations by Majbritt Linnebjerg of cartoon-like swans with neckties compliment the June essay.

The July adaptation was based on Andersen’s “*Fyrtoiet*” [“The Tinder Box”], a well-known tale in Denmark. An adapted folk tale similar to the Aladdin tale depicted in the *Arabian Nights*, it tells of a boy who finds a magic tinderbox and is granted three wishes. Each time he strikes a match, a dog (with eyes that change size) appears and grants him his wish. Bent Vinn Nielsen set his story on the train. The structure of his adaptation does not resemble Andersen’s tale, but contains recognizable elements. Train passengers watch an old eccentric man who bought four

seats for himself, and they speculate about the reasons he is there. He has a dog with eyes that seem to change size each time the passengers look at it. The man disembarks at Odense (Andersen's hometown), and leaves behind a "fyrtpøiet," a cigarette lighter. A little boy discovers the (magic?) lighter, and puts it into his backpack. Here, again, all that links the original and the adaptation are the images of the "fyrtpøiet" and the dog with round eyes.

Peter Laugesen chose one of the lesser-known texts by Andersen for his adaptation published in August. "Improvisatoren" ["The Improviser"] was Andersen's semi-autobiographical novel about an artist traveling around Italy. It is difficult to determine how Laugesen's story is supposed to parallel Andersen's. Even the artist's statement is of little help: "Peter Laugesen, har ladet sit eget lille prosadigt handle mere generelt om hvad det er at være improvisator" [Peter Laugesen has made his own little prose poem be more generally about what it is to be an improviser] (40). This extremely short prose poem is about an ape that is supposedly "the artist." Graugaard's *Politiken* review sums up the story rather succinctly: "en inciterende uforståelig korrttekst" [an incitingly incomprehensible short text]. The only recognizable element it shares with the novel is the title.

The September adaptation, "Kejserens nye klæder" ["The Emperor's New Clothes"] by Kristian Ditlev Jensen, is one of the most immediately recognizable as an Andersen-inspired tale, because of the way it opens: "For mange aar siden levede en lille Dreng, som holdt saa uhyre lidt af smukke nye Klæder..." [Many years ago, there lived a little boy who cared so monstrously little about his beautiful new clothes....] (38). Jensen has cleverly inverted the story by making the boy the protagonist (rather than the truth-teller appearing at the end of the Andersen tale), and by making him care so *little* about his clothes.

"Den lille pige med svovlstikkerne" by Lars Frost, published in October, is based on "The Little Matchstick Girl," but bears little resemblance to the Andersen original. Andersen's tale is about an impoverished child trying to sell matches on a winter night. She is so cold that she begins lighting her matches to stay warm, and in the flames sees things that she cannot have: a warm stove, a Christmas tree with lights, a nice dinner. Finally, she sees her dead grandmother, who carries her away to heaven with her. The next day, passersby see the dead girl on the street. Frost's version is poetically written, containing long, associative sentences that

digress from one idea to another. He begins with noticing the scent of a stew cooling on a neighbor's balcony, which reminds him of seeing his grandmother put a pig's head into a pot to stew. The accompanying illustration is a collage-like image of an arm lifting a woman's head from a stock pot (or perhaps placing her head into the pot). The protagonist remembers buying a copper colored candlestick. While he sips a cup of coffee, a friend comes into the café and they have a conversation about differences between the sexes. He remarks that "*lighedstænkning*" [equality thinking] is the whole problem: men and women are different from each other, so expecting equality becomes a way to look for differences. Aside from the candle imagery, what joins the tale to Frost's adaptation is a sense of reminiscence.

"Reisekammeraten" ["The Traveling Companion"] appeared in November. Author Erling Jepsen writes of the Andersen tale: "*For mig handler 'Reisekammeraten' mest om tanken om det gode menneske... Det er også den tanke, som blev central i min egen novelle*" [To me, "The Traveling Companion" is mostly the idea of a good person... that is also the idea that became central in my own story] (50). The original tale is about a boy who meets a stranger, and this "traveling companion" acts a sort of guardian angel, keeping him safe on his journey. Jepsen's adaptation is about an old man who drives to his son's house for Christmas. He gets into his car, drives to the house, but when he arrives, his son asks where his wife is. They both realize that he left his wife at the door, and didn't look to see if she was beside him in the car. When the old man drives back home, he finds her patiently waiting outside the door. As they drive back to their son's house, he tells her, "*Prøv at se på det på den måde. Jeg kan ikke sætte mig ind i en bil uden at føle, at du sidder ved siden af mig.*" [Try to see it this way. I cannot set myself in a car without feeling that you are there next to me.] She replies, "*Så behøvede jeg måske slet ikke være her?*" [So then maybe I don't even need to be here?] and he says, after a pause, "*Jeg er glad for du er her*" [I am glad that you are here] (54). The core of the story, "the good person" and faithful companion, is certainly present.

The final adaptation in the series, "*Grantræet*" ["The Pine Tree"] by Naja Marie Aidt, is another story with a scarcely recognizable relationship to the original tale, the only link being that of the image of a Christmas tree. Aidt writes: "*Det er det første eventyr, jeg husker, fra jeg var barn... Det allerførste, jeg selv skrev, da jeg var sek-syv år gammel,*

var en lille historie inspireret af 'Grantræet.' Jeg syntes jo, det var en meget sørgelig historie. Det god ved Andersens eventyr er, at de har mange lag. Man bliver aldrig træt av dem." [This is the first fairy tale that I remember from when I was a child... The very first story I myself wrote, when I was six-seven years old, was a little story inspired by "The Pine Tree." I certainly thought that it was a rather sad story. The good thing about Andersen's tales is that they have many layers. One never tires of them] (50). The tale concerned a pine tree that dreamed of being a Christmas tree someday. His dream came true for one day, and then he was forgotten in the attic for years, and was eventually tossed into the fire and ceased to exist. A seemingly logical choice for the December issue, Aidt's new adaptation was one of the most scathingly social-realist tales of the project. It is a tragic story about a single mother, Maria, and how she physically abuses her son Torben. Maria's brother gives Torben a gift from his father, a snowglobe with a pine tree in it. When his mother sees that Torben is enchanted by it, she throws it out the window, and it smashes to pieces. The next day, when they go for a walk, Torben finds the smashed pieces of the snowglobe on the sidewalk, and his mother kicks the remnants under a car.

As varied as these stories are from each other, and from the Andersen originals, most still retain an essence of their source texts, although some bend the definition of adaptation almost beyond the breaking point. It should be noted that the project (or rather *Ud & Se* magazine) took adaptation a step further by making itself available as a digital publication online. In 2005, when e-readers, tablet computers, and smart phones were not yet widely available, the magazine was viewable on personal computers via a digital platform called iPaper, developed by a Danish company. Writer Johanna Drucker observed in 2008 that "few of us read with such sustained linearity in a digital environment. We may read in that way for informational purposes, but not for prolonged entertainment or scholarship" (3). Less than a decade later, her observation is quickly approaching obsolescence. The advance of technology promises new possibilities for re-mediating textual sources into new forms, which will no doubt challenge the definition of adaptation in new ways. The simple act of telling new stories based on old stories, as demonstrated by the DSB railway magazine project, offers no simple answer to the question: What is adaptation?

REFERENCES

- Aidt N. M. "Grantræet" ["The Pine Tree"] *Ud & Se* [*Out & See*], Dec. 2005, pp. 50–54. Available at: <http://ipaper.ipapercms.dk/DSB/udogse/2005/December/>
- Bolter J.D. and R. Grusin. *Remediation: Understanding New Media*. Cambridge, Massachusetts, 1999, 312 p.
- Bortololotti G.R. and L. Hutcheon, "On the Origin of Adaptations: Rethinking Fidelity Discourse and 'Success' — Biologically". *New Literary History*, 2007, vol. 38, no. 3, pp. 443–458.
- Brøgger S. "Den grimme ælling" ["The Ugly Duckling"]. *Ud & Se* [*Out & See*], Jun. 2005, pp. 50–55. Available at: <http://ipaper.ipapercms.dk/DSB/udogse/2005/Juni/>
- Brøgger S., I. Michael, N. M. Aidt, J. Sonnergaard, P. Juul, P. Laugesen, K. D. Jensen, B. V. Nielsen, I. C. Hermann, P.M. Sørensen, L. Frost, and E. Jepsen. *Reisekammeraten og andre H. C. Andersen-historier i nye klæder* [*The Traveling Companion and Other H. C. Andersen Tales in New Clothes*]. Copenhagen, 2005, 130 p.
- Drucker J. "The Virtual Codex from Page Space to E-space." *A Companion to Digital Literary Study*. Ed. by S. Schreibman and R. Siemens. Oxford, 2008, pp. 216–232.
- Frost L. "Den lille pige med svovlstikkerne" ["The Little Match Girl"]. *Ud & Se* [*Out & See*], Oct. 2005, pp. 44–47. Available at: <http://ipaper.ipapercms.dk/DSB/udogse/2005/Oktober/>
- Graugaard C. "Med Andersen om bord: Rutinen truer i tolv nye H. C. Andersen-versioner" ["With Andersen on board: The routine threatens in twelve new Andersen tales"]. *Politiken* [*The Politic*], 23. juni, 2005. Available at: http://politiken.dk/boger/skonlitteratur_boger/article116418.ece
- Hayles K. "Intermediation: The Pursuit of a Vision." *New Literary History*, 2007, vol. 38, pp. 99–125.
- Hermann I.C. "Den flyvende kuffert" ["The Flying Trunk"]. *Ud & Se* [*Out & See*], Apr. 2005, pp. 42–46. Available at: <http://ipaper.ipapercms.dk/DSB/udogse/2005/April/>
- Hutcheon L. *A Theory of Adaptation*. New York, 2006, 256 p.
- Hutcheon L. "Why Adapt?" *Post Script*, 2004, vol. 23, no. 3, pp. 5–19.
- Jensen K. D. "Kejserens nye klæder" [The Emperor's New Clothes]. *Ud & Se* [*Out & See*], Sep. 2005, pp. 38–42. Available at: <http://ipaper.ipapercms.dk/DSB/udogse/2005/September/>
- Jenkins H. "The Cultural Logic of Media Convergence." *International Journal of Cultural Studies*, 2004, vol. 7, no. 1, pp. 33–43.
- Jepsen E. "Reisekammeraten" ["The Traveling Companion"]. *Ud & Se* [*Out & See*], Nov. 2005, pp. 50–54. Available at: <http://ipaper.ipapercms.dk/DSB/udogse/2005/November/>
- Juul P. "Hvad fatter gjør, det er altid det rigtige" ["What Father Does, That is Always Right"]. *Ud & Se* [*Out & See*] Jan. 2005, pp. 40–43. Available at: [>](http://ipaper.ipapercms.dk/DSB/udogse/2005/Januar/)

- Larsson D.F. "Novel into Film: Some Preliminary Reconsiderations," *Transformations in Literature and Film*. Ed. by L. Golden. Talahassee, Florida, 1982, pp. 69–83.
- Laugesen P. "Improvisatoren" [The Improviser]. *Ud & Se [Out & See]*, Aug. 2005, pp. 40–42. Available at: <http://ipaper.ipapercms.dk/DSB/udogse/2005/August/>
- Michael I. "Skyggen" ["The Shadow"]. *Ud & Se [Out & See]*, Mar. 2005, pp. 36–40. Available at: <http://ipaper.ipapercms.dk/DSB/udogse/2005/Marts/>
- Nielsen B.V. "Fyrtøiet" [The Tinder Box]. *Ud & Se [Out & See]*, Jul. 2005, pp. 36–41. Available at: <http://ipaper.ipapercms.dk/DSB/udogse/2005/Juli/>
- Sanders J. *Adaptation and Appropriation*. New York, 2006, 200 p.
- Schmølker S.G. "Reisekammeraten og andre H. C. Andersen-historier i nye klæder." Review. Available at: <http://bookworm.dk/visanmeldelse.php?439>
- Sonnergaard J. "Den lille havfrue" ["The Little Mermaid"]. *Ud & Se [Out & See]*, Feb. 2005, pp. 36–41. Available at: <http://ipaper.ipapercms.dk/DSB/udogse/2005/Februar/>>
- Sørensen P.M. "Dandse, dandse dukke min!" ["Dance, Dance, My Doll!"] *Ud & Se [Out & See]*, May 2005, pp. 82–85. Available at: <http://ipaper.ipapercms.dk/DSB/udogse/2005/Maj/>.
- Stam R. "Introduction: Theory and Practice of Adaptation." *Literature and Film: A Guide to the Theory and Practice of Film Adaptation*. Eds R. Stam and A. Raengo. Malden, Massachusetts, 2005, 376 p.
- Wechsler R. *Performing Without a Stage: The Art of Literary Translation*. New Haven, 1998, 320 p.
- Zipes J. *Hans Christian Andersen: The Misunderstood Storyteller*. New York, 2005, 171 p.

Rennesa Jessup

Associate Professor,
Minnesota State University, Mankato,
Armstrong Hall 227,
Mankato, MN 56001–6062
E-mail: rennesa.jessup@mnsu.edu

Received: 24.06.2016

Accepted: 14.01.2017

UDC 821.113.4

Tatjana Pilipoveca

University of Tartu

THE SNOW QUEEN IN THE ANTHOLOGY OF RUSSIAN ALIEN FAIRY TALES: AN OLD STORY IN A NEW WORLD

Classical fairy tales exist in contemporary popular culture in different variants. They are quoted and reworked in TV shows, theatrical performances, video games, memes and different literary texts. The interest into old, well-known fairy tales is commonly explained by the omnipresent love of wonder and the *eternal relevance* of these stories. However, a careful study can reveal that contemporary adaptations question precisely the *relevance* of concrete canonical fables and the *relevance* of fairy tale as a phenomenon.

In this article we are going to analyze Russian interpretations of Hans Christian Andersen's story *The Snow Queen* in the anthology of *Russian Alien Fairy Tales*. *The Snow Queen*, first published by Hans Christian Andersen in 1844, which was initially translated into the Russian language in 1863. It has ever since remained one of the most cherished fairytale plots of the Russian audience. There are canonical interpretations of this Danish text in Russian poetry, cinematography and theater. Our interest lies on the contemporary short prose that belongs to popular culture and could be considered as a manifestation of the current literary process.

Keywords: Hans Christian Andersen, *The Snow Queen*, literary fairy tale, contemporary interpretations, popular culture, adaptation, retelling.

Татьяна Пилиповец

Тартуский университет

«СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА» В АНТОЛОГИИ «РУССКИЕ ИНОРОДНЫЕ СКАЗКИ»: СТАРАЯ ИСТОРИЯ В НОВОМ МИРЕ

Современная популярная культура постоянно пересказывает и интерпретирует канонические сказки. Они существуют в виде фильмов, художественных проектов, видеоигр и литературных текстов различных жанров. Трансмедийное пересказывание порождает бесконечное количество вариантов классической истории. Благодаря этому процессу сказка может реагировать на изменяющийся культурный контекст.

Непропадающий интерес к старым, хорошо известным литературным сказкам часто объясняется любовью аудитории к чуду и вечной актуальностью этих историй. Однако более тщательное исследование показывает, что современные интерпретации сказок оспаривают идеи, заложенные в оригинальных текстах.

В статье мы анализируем десять интерпретаций сказки Г.Х.Андерсена «Снежная королева» из «Антологии русских инородных сказок», составленной литературным проектом Макс Фрай. «Снежная королева» — один из наиболее любимых русской аудиторией сказочных сюжетов. По мотивам этой сказки было создано несколько канонических русских интерпретаций. В сказке поднимаются проблемы, которые вызвали живую дискуссию и среди современных авторов. В статье мы постараемся ответить на следующие вопросы: как, почему и для кого современные авторы перерабатывают датскую сказку? Считают ли они актуальными идеи ее автора?

Ключевые слова: Ганс Кристиан Андерсен, *Снежная королева*, литературная сказка, современные интерпретации, популярная культура, пересказывания.

Russian Alien Fairy Tales («Русские инородные сказки») is an anthology of modern fairy tales created by the literary project *Max Frei*¹ in cooperation with the publishing house *Amfora*. The anthology consists of eight volumes. The first was published in 2003, the final one — in 2010. The main goal of creating this anthology was not to choose best texts or affirm any version of literary pantheon; it was rather to show what is going on in the contemporary literary field, in other words, to create a representative sample. *Russian Alien Fairy Tales* consist of collated texts by Russian-writing authors of different backgrounds, levels of popularity, professionalism, success and talent [Лебедушкина, 2007]. However, according to *Max Frei*, he has found two-thirds of all anthology texts in such internet platforms as, for instance, *Life Journal* [Макс Фрай, 2003]. Therefore, to a significant extent the anthology represents fairy tales on Internet sources covering a period of seven years during which the volumes were published. In one of the interviews, *Max Frei* said he wanted the audience to have access to modern texts that he considered worth reading, — thus not attempting to conceal the fact that the choice of texts for anthologies was based on his personal taste [Макс Фрай, 2003].

¹ Svetlana Martynchik started the literary project *Max Frei* in co-authorship with the artist Igor Stepin in the second part of 1990's. *Max Frei* appeared in the field of Russian literature as simultaneously the author, the main character, and the narrator of the the series of books called *Labyrinths of Echo* (цикл «Лабиринты Эхо»). Nowadays *Max Frei* is the whole complex of different projects unified by common brand. In one of interviews Martynchik said that she plays in literary games under the same name on different platforms [Макс Фрай, 2003]. There is *Max Frei*, who is the popular writer of many books; *Max Frei*, who is the literary character; *Max Frei*, who is the professional critic and the columnist; as well as *Max Frei* — the reader, who shares his subjective tastes with other readers by creating anthologies.

In all eight volumes of *Russian Alien Fairy Tales* one can find short annotations that explain the main idea behind the anthology and Max Frei's personal attitude towards the work. The basic ideas rendered in these annotations may be summarized in a few sentences as follows: 1. The genre of the literary fairy tale is alive. 2. Both young unknown authors and more recognizable ones continue to turn to the genre and develop it. 3. The genre has undergone a transformation: all fairy tales in the anthology are written for adults.

The anthology includes fairy tales with original author's plots and texts that appeal to classical tales in various ways. In the book *The Irresistible Fairy Tale*, 2012 Jack Zipes distinguished two tendencies describing the ways in which motives of classical tales can be used in contemporary visual art. These tendencies — *remaking* and *creation of conflicted mosaics* — are clearly present in the literary field as well. *Remaking* presupposes deconstruction of the well-known story with the intention to criticize and question its main ideas and images. Numerous remakes of well-known fairy tales can be found in various internet-platforms for the *fanfiction*. *Fanfics* are secondary texts that are overtly connected to other texts significant for popular culture. Fanfiction writers usually offer their own versions of stories: they offer alternative endings, re-use and develop images of characters, create sequels and prequels. In *conflicted mosaics* authors do not rethink concrete narratives, but rather use some recognizable signs of canonic fairy tales in order “to evoke a sense of wonder, if not bafflement” [Zipes, 2012, p. 137] Texts of both types are present in the anthology of *Russian Alien Fairy Tales*.

In the context of classical tales that are rethought, reworked and quoted by the authors of the anthology, Hans Christian Andersen's stories have a significant role. In eight volumes we have found 23 texts where motives of different tales by H. C. Andersen were used. Among them are *The Princess on the Pea*, 1835; *Thumbelina*, 1835; *The Little Mermaid*, 1837; *The Wild Swans*, 1938; *Ole Lukoie*, 1841; *The Swineherd*, 1841; *The Ugly Duckling*, 1843; *The Little Match Girl*, 1845; *Clumsy Hans*, 1855. However, the most widely used fairy tale by H. C. Andersen in *Russian Alien Fairy Tales* is *The Snow Queen*, 1844. Motives from *The Snow Queen* are distinctly present in 10 texts of the anthology. Five of these texts may be considered as *conflicted mosaics*; the other five — as *remakes*.

All together in the anthology are collected texts by 127 authors: 65 of them are female authors; 53 are male; nine use pseudonyms that don't allow to determine the sex of the author. Out of all the authors who used *The Snow Queen* for creating *conflicted mosaics* three are male and two are female. Out of all the authors who created *remakes* based on this famous tale by the Great Dane four are female, and only one is male.

In *conflicted mosaics* the authors of the anthology used easily recognizable features from *The Snow Queen* with the intention to add some additional fairytale dimension into their own texts. For instance, in the fairy tale called *Evening Sermon* the main character freezes and thinks that only The Snow Queen could enjoy such a cold weather [Мак Фрай, 2003] In the text *To Run in the Sudden Fog* the main character meets a lady in the street who reminds him of The Old Robber Woman [Хаецкая, 2008]. In the third volume of the anthology, we may find *The Tale About the Princess Who Didn't Know How to Choose for Herself a Suitable Fairy Tale*. In this text by Gala Rubinstein The Princess has to choose the fairy tale in which she will act as the main character. She can become The New Princess on the Pea, The New Sleeping Beauty, or even The New Snow Queen. All the tales terrify the Princess as ordeals; however, *The Snow Queen* is one of the worst [Рубинштейн, 2005]. The Snow Queen's kingdom as the paradise for the broken fridge is mentioned in the fairy tale *Funerals of The Refrigerator* [Аксенов, 2003].

The most interesting case of the *conflicted mosaic* can be seen in the fairy tale *The Princess and The Dragon* by Sergei Krasikov. This fairy tale is about a Jewish girl Rachel, who is taken to the concentration camp with her grandfather and her toy-dragon Kai. Rachel named her dragon Kai after the character from the fairytale *The Snow Queen* that her mother used to tell her, when she was alive. Rachel's mother also used to call Rachel for "princess". The girl hopes that her dragon Kai would save her, as Gerda saved her brother in H. C. Andersen's story. She believes that Kai will take her to a happy world, where her mother comes to visit. Krasikov's fairy tale ends when the dragon finally takes Rachel to the wonderland; however, the attentive reader understands that the girl entered into the gas chamber [Красиков, 2003].

The fairytale dimension in Krasikov's text has the potential of a shelter for the main character. The author of *The Princess and The Dragon* uses utopian features of classical literary fairytales: the dragon Kai

obviously belongs to the world where every story has a happy ending. In Krassikov's interpretation the wonderland becomes even more utopian, as all dragons are good there, and Kai comes to the rescue. In the real world, where Rachel has no chances for survival, the dragon Kai represents the wonder itself.

All the authors of the *remakes* interpret H. C. Andersen's story mainly through the perspective of love conflict. In the sequel *Christmas Fairy Tale* the Snow Queen waits for Kai to come back and stay for 100 years. Her dream comes true; Kai appears in the ice castle with the marriage proposal as The Father Frost [Лукас, 2008]. In Gala Rubinstein's fairy tale *How to Make a Man Happy. Guidelines for Girls* Gerda is obsessed with the idea of Kai's happiness, but refuses to have any sexual relationship with him. Kai meets an unknown girl in the forest and leaves Gerda for her. Desperate, Gerda enters a relationship with The Little Robber Girl. In the end of the fairy tale, Kai and Gerda reconcile and begin having sexual relations. However, in the moments of intimacy Gerda usually imagines the The Little Robber Girl [Пыбинштейн, 2006]. In *The Snow Fairy Tale* by Olga Lukas Gerda falls in love with The Snow Queen, who helps Kai to create a perpetual motion machine that will work only on the ice. (Лукас 2008) In the text *Fairy Tales for Me* Gerda never reaches the castle of The Snow Queen, but stays instead with the Little Robber Girl who gets a surgery and becomes The Big Robber. Together they travel around the world. At that time Kai rescues himself and becomes rich. He changes his name, finds Gerda, takes her away from The Big Robber, and they get married. Gerda does not recognize Kai and for the rest of her life thinks that she is living with the some other man [Санжарова, 2008]. The only male exception amongst the prevalingly female interpreters of *The Snow Queen* is Ivan Matveev, who wrote a text called *Eternal*. However, Matveev's interpretation also involves the subject gender issues. He transforms the motive of Kai's task to make the word "eternity" from icicles into the *Tetris* game [Матвеев 2009]. The "eternal" conflict in Matveev's fairy tale is a quarrel between Kai, who represents all men and likes to play computer games, and Gerda, who represents all women and dislikes men playing computer games.

In all the texts that were examined the fairy tale is juxtaposed to the reality. In the case of the *conflicted mosaics*, the tale, on the one hand,

is contrasted with the mundane life and, on the other, complements it. The reference to *The Snow Queen* implies the reference to the fairy tale as the phenomenon. In the case of *remakes*, *The Snow Queen* is opposed to the real life more as the concrete text. An important aspect of the contemporary *remaking* of the Danish tale is the subversion of traditional morals and values that H. C. Andersen's text transmits. According to Jack Zipes, the literary fairy tale had the "civilizing mission" as its function from the very moment, when the genre was born² [Zipes, 2006, p. 3]. In his fairy stories Hans Christian Andersen overtly proclaimed Christian and bourgeois ideas about the "good" human and his/her behavior in the society. Andersen had a tendency to "use girls as examples in Christian allegorical fairy tales" [Zipes, 2007, p. 123]. He put his female characters on the path of ordeals and redemption: little Gerda traveled through half of the world to the North alone, barefoot and without worm clothes. Whether because of patriarchal ideas of his time or because of a personal inclination, "Andersen insisted that they <female characters> become self-sacrificial and pious. It was not much different for the male characters in Andersen's tales, but interestingly, he did not treat male characters as harshly as he did girls" [Zipes, 2007, p. 124]. The reality has changed since Andersen's times; his fairy tale in its canonical version stayed the same. Although *The Snow Queen* was constantly recreated in Russian culture in different artistic forms; the cartoon *The Snow Queen* from 1957 directed by Lev Atamanov may be considered as the most powerful Russian adaptation. The latter is the adaptation that demonstrates highest fidelity to the original text. However, in this cartoon are absent the significant religious motives— that is, the image of The Devil/ The Evil Troll, psalms and other references to the Bible. Even if religious subtext was crucial for Andersen, without it the story functions almost in the same way: it transmits the same values and morals³. It is possible to say that Atamanov's cartoon plays a similar role for *The Snow Queen* reception in Russian culture, as *Walt Disney*

² "Almost all critics who have studied the emergence of the literary fairy tale in Europe agree that educated writers purposely appropriated the oral folktale and converted it into a type of literary discourse about mores, values, and manners so that children and adults would become civilized according to the social code of that time» [Zipes, 2006, p. 3].

³ It is important to notice that religious motives are also absent in all the analyzed remakes: none of the authors paid attention to the Christian component of Andersen's text.

Company cartoons do for the reception of such classic tales as *The Snow White*, *The Sleeping Beauty* or *The Little Mermaid* in Western European culture. These cartoons are highly conservative and become canonical not only as fairy tale films, but as fairy tales in general.

As we already mentioned, the biggest part of *remakes* in the anthology are written by female authors. They don't agree with the roles prescribed to them in Andersen's fairy tale. Contemporary culture that is strongly influenced by postmodern and feminist tendencies reacts to traditional ideas of Andersen's text: Why should Kai stay with Gerda? Why should Gerda be obsessed with Kai's happiness? Why should The Snow Queen be the evil power? Finally, why can't Gerda fall in love with the Snow Queen or the Little Robber Girl?

In one way or the other, *remakes* of The Snow Queen challenge original Andersen's ideas and restructure the narrative of the famous Danish story. It seems that the authors have an intention of bringing fairy tales closer to real life. They psychologize characters by making them less symbolic, more ambiguous and similar to real people. Characters' choices become less obvious and sometimes contradict the whole idea of the fairy tale as a genre. Authors mostly avoid the distinction between "good" and "bad" and try to imply in their texts that human relations are complicated, an idea uncommon for the classic literary fairy tale. They speak ironically about the image of self-sacrificing Gerda. There are no *remakes* in the anthology where The Snow Queen appears as an evil character. Contemporary culture cannot accept the simplified idea of "goodness" offered in traditional tales.

It seems that the authors of *Russian Alien Fairy Tales* anthology challenge not only the idea of what is "right behavior", but also the idea of a happy ending and of happiness as such. It is important to notice that there are no bad endings in *remakes*, only *different* happy endings, *alien* to the classical tradition. Despite all attempts to subvert the image of the classical fairy tale, new fairy tales preserve therapeutic and miraculous functions at least to certain extent.

However, we should point out that the intention to challenge the conservative ideas transmitted by *The Snow Queen* story is not the only possible explanation of the ways how it is interpreted in *remakes* collected by *Max Frei*. Andersen's tale is a multilayered, complicated artistic work that comprises different conscious and unconscious implications. In the article "*The Snow Queen*": *Queer Coding in Male Directors*'

Films Pauline Greenhill writes about the process of reading Andersen's oeuvre through the prism of his personality, in particular, through the homosexual aspect [Greenhill, 2015, p. 110–134]. In three *remakes* of the anthology it is possible to recognize motives of homosexual love between characters. This interpretation could be also understood as the recognition and *decoding* of elements already present under disguise in Andersen's text. However, even if the authors of the anthology have the intention to uncover unconscious implications in *The Snow Queen*, they still subvert the traditional reading and the "sanitized" image of the text in culture.

The biggest part of literary fairy tales, including stories by H. C. Andersen, is texts with the double addressee. They are intended both for children and adults at the same time. However, as *Max Frei* mentioned in one of the annotations, in *Russian Aliens Fairy Tales* new tales and retellings of the old stories are meant only for adults. In this aspect, the fairy tales from the anthology point back at the predecessor of the literary fairy tale — that is, at the folktale.

Another important aspect revived is variability. Variability is one of the most interesting features of the fairy tale phenomenon. It was also crucial for the folktale, but became restrained and less obvious when the fairy tale transformed into the literary genre. After this, the process of canonization of particular versions of the stories began.

The anthology of *Max Frei* belongs to the general transmedial retelling of fairy tales in the contemporary culture. Retelling generates numerous variations of classic literary fairy tales and places the fairy tale phenomenon in a position where it regains the possibility to react to the changing reality. Every new interpretation — commercial or amateur — reflects simultaneously the author's personal ideas as well as the ideas of his/her time.

The fact that contemporary authors still apply *The Snow Queen* fairy tale indicates that this text addresses issues that are still relevant and widespread in the contemporary world. However, the solutions offered in the story raise a lively discussion among contemporary authors.

In order to be retold, any text should have something that is necessary to preserve and something that is necessary to challenge. Creation of *remakes* and *conflicted mosaics* provides the authors with the possibility to do both. On the one hand, every new text changes the fairy tale; on the other hand, it strengthens the position of the canonical version in

the culture. To truly appreciate *remakes* or *conflicted mosaics* the reader should know the original.

REFERENCES

- Aksenov R. Pokhorony kholodil'nika [Funerals of The Refrigerator]. *Russkie inorodnye skazki* [Russian Alien Fairy Tales]. Moscow, AMFORA Publ., 2003. Available at: http://www.e-reading.club/chapter.php/60594/7/Fraii_-_Russkie_inorodnye_skazki_1.html (accessed: 23.02.2017). (In Russian)
- Frai M. Vecherniaia propoved' [Evening Sermon]. *Russkie inorodnye skazki* [Russian Alien Fairy Tales]. Moscow, AMFORA Publ., 2003. Available at: http://www.e-reading.club/chapter.php/60594/66/Fraii_-_Russkie_inorodnye_skazki_1.html (accessed: 23.02.2017). (In Russian)
- Frai M. Zhivoi Zhurnal slovami pisatelei [Live Journal through Words of Writers]. *Russkii zhurnal* [Russian Journal], 2003. Available at: http://old.russ.ru/krug/20030627_mf.html (accessed: 23.02.2017). (In Russian)
- Greenhill P. «The Snow Queen»: Queer Coding in Male Directors' Films. *Marvels & Tales*, 29.1, 2015.
- Khaetskaia E. Bezhat' sredi vnezapnogo tumana [To Run in the Sudden Fog]. *Russkie inorodnye skazki* 6 [Russian Alien Fairy Tales 6]. Moscow, AMFORA Publ., 2008. Available at: http://www.e-reading.club/chapter.php/126758/119/Fraii_-_Russkie_inorodnye_skazki_6.html (accessed: 23.02.2017). (In Russian)
- Krainer N. Rozhdestvenskaia skazka [Christmas Fairy Tale]. *Russkie inorodnye skazki* 3 [Russian Alien Fairy Tales 3]. Moscow, AMFORA Publ., 2005. Available at: http://www.e-reading.club/chapter.php/126194/188/Fraii_-_Russkie_inorodnye_skazki_3.html (accessed: 23.02.2017). (In Russian)
- Krasikov S. Printsessa i drakon [The Princess and The Dragon]. *Russkie inorodnye skazki* [Russian Alien Fairy Tales]. Moscow, AMFORA Publ., 2003. Available at: http://www.e-reading.club/chapter.php/60594/155/Fraii_-_Russkie_inorodnye_skazki_1.html (accessed: 23.02.2017). (In Russian)
- Lebedushkina O. Shekherezada zhiva, poka... [Scheherazade is Alive, For Now...]. *Druzhba narodov* [Friendship of Nations 3], 2007, no. 3. Available at: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2007/3/le12.html> (accessed: 23.02.2017). (In Russian)
- Lukas O. Snezhnaia skazka [The Snow Fairy Tale]. *Russkie inorodnye skazki* 6 [Russian Alien Fairy Tales 6]. Moscow, AMFORA Publ., 2008. Available at: http://www.e-reading.club/chapter.php/126758/165/Fraii_-_Russkie_inorodnye_skazki_6.html (accessed: 23.02.2017). (In Russian)
- Markova D. Proekt avtomatom [Project Automatically]. *Znamia*, 2008, no. 10. Available at: <http://magazines.russ.ru/znamia/2008/10/ma13.html> (accessed: 23.02.2017). (In Russian)
- Matveev I. Vechnoe [Eternal]. *Russkie inorodnye skazki* 7 [Russian Alien Fairy Tales 7]. Moscow, AMFORA Publ., 2009. Available at: <http://www.e-reading>

- club/chapter.php/104646/174/Fraii_-_Russkie_inorodnye_skazki_7._Zhilyli.html (accessed: 23.02.2017). (In Russian)
- Rubinshtein G. Kak sdelat' muzhchinu schastlivym [How to Make a Man Happy]. *Rukovodstvo dlia devochek. Russkie inorodnye skazki 4* [Guidelines for Girls. Russian Alien Fairy Tales 4]. Moscow, AMFORA Publ., 2006. Available at: http://www.e-reading.club/chapter.php/126147/166/Fraii_-_Russkie_inorodnye_skazki_4.html (accessed: 23.02.2017). (In Russian)
- Rubinshtein G. Skazka o printsesse, kotoraiia nikak ne mogla vybrat' dlia sebja podkhodiashchuiu skazku [The Tale About the Princess, Who Didn't Know, How to Choose the Suitable Fairy Tale for Herself]. *Russkie inorodnye skazki 3* [Russian Alien Fairy Tales 3]. Moscow, AMFORA Publ., 2005. Available at: http://www.e-reading.club/chapter.php/126194/228/Fraii_-_Russkie_inorodnye_skazki_3.html (accessed: 23.02.2017). (In Russian)
- Sanzharova O. Skazki dlia menia [Fairy Tales for Me]. *Russkie inorodnye skazki 6* [Russian Alien Fairy Tales 6]. Moscow, AMFORA Publ., 2008. Available at: http://www.e-reading.club/chapter.php/126758/187/Fraii_-_Russkie_inorodnye_skazki_6.html (accessed: 23.02.2017).
- «Snezhnaia koroleva» [The Snow Queen]. Soiuzmul'tfil'm, Lev Atamanov, 1957. 1 pt. 34 min. 36 sek. (In Russian)
- Zipes J. *Fairy Tales and the Art of Subversion: The Classical Genre for Children and the Process of Civilization*. New York, Routledge Publ., 2006
- Zipes J. *The Irresistible Fairy Tale: The Cultural and Social History of a Genre*. Published by Princeton University Press. 2012
- Zipes J. *When Dreams Came True: Classical Fairy Tales and Their Tradition*. New York, Routledge Publ., 2007.

Tatjana Pilipoveca

University of Tartu,
Ülikooli 18, 50090, Tartu, Estonia
E-mail: tatjana.pilipovec@gmail.com

Received: 02.02.2017
Accepted: 10.03.2017

UDC 327

Hana Štěříková

Filosofiska fakulteten vid Karlsuniversitetet, Prag

NORMANNISTSKA IDEER I PETRUS PETREJUS SKRIFTER

Artikeln fokuserar på två av de viktigaste skrifterna av Petrus Petrejus som var en svensk diplomat i Storfurstendömet Moskva under Stora oredans tid i början av 1600-talet: *Een wiss och sanfärdigh Berättelse...* (1608) och *Regni Muschowitici sciographia* (1614-1615). Vissa forskare betraktar Petrejus som den förste normannisten och påstår att han satt den normannistiska teorin om varjagernas skandinaviska ursprung i förbindelse med Sveriges officiella utrikespolitik. Analys av texterna visar att hans skrifter riktades särskilt emot katoliker i Polen och den polske kungen Sigismund III Vasa, som var den svenske kungens främsta rival på den tiden. Den första analyserade texten *Een wiss och sanfärdigh Berättelse...* behandlar problemet genom att beskriva Ryssland och dess befolkning som en hotad granne i behov av hjälp. Dock omnämner texten inte några varjager eller någonting från Rysslands tidiga historia överhuvudtaget. Å andra sidan presenterar Petrejus vissa normannistiska tankar på två ställen i den voluminösa *Regni Muschowitici sciographia*, men de flesta bevisades inte vara hans ursprungliga idéer utan ha varit kopierat från andra källor, som författaren använde för sitt stora kompilationsverk (mest från *Rerum Moscoviticarum Commentarii* av Siegmund von Herberstein). Petrejus kan möjligtvis betraktas som en (tämligen obestämd) normannist men absolut inte den förste. Hans viktigaste bidrag förefaller idag vara upplysningsdimensionen i hans historiografiska verk, med vilket Petrejus bidrog till att sprida intresse för Rysslands kultur och språk i 1600-talets Sverige.

Nyckelord: Petrus Petrejus, normannistiska teorin, varjager, Stora oredan.

Hana Štěříková

Charles University

NORMANIST IDEAS IN PETRUS PETREIUS' WORKS

The paper focuses on two most important historiographic works of Petrus Petreius, a Swedish delegate in the Grand Duchy of Moscow during the Time of Troubles at the beginning of the 17th century: *Fair and True Relation...* (1608) and *Regni Muschowitici sciographia* (1614–1615). Some researchers consider Petreius as being the first Normanist and claim he connected the theory of the Scandinavian origin of Varangians with official Swedish foreign policy. Analysis of Petreius' texts shows that his works were directed especially against Polish Catholics and the Polish king Sigismund III Vasa, who was the prime rival of the Swedish king at that time. The first of the analysed

texts *Fair and True Relation...* deals with this matter by describing Russia and its inhabitants as an unfortunate neighbour in danger and in need of help. Nevertheless, it doesn't mention Varangians or anything from early Russian history at all. On the other hand, in two places within the voluminous *Regni Muschowitici sciographia*, he describes several theories about the origin of Varangians, yet most of them have proved not to be original but copied from other sources, of which Petreius' largest work have been compiled (mostly from *Rerum Moscoviticarum Commentarii* by Siegmund von Herberstein). Petreius can possibly be considered a Normanist, but not very decided one and definitely not the first one. His main contribution today seems being mainly educational, as he was the first to promote the propagation of Russian language and culture in Sweden.

Keywords: Petrus Petreius, normanist theory, Varangians, Time of Troubles.

Under de senaste åren har det dykt upp flera arbeten vilka behandlar Petrus Petrejus som banbrytaren för den normannistiska ideologin¹ och sätter den normannistiska teorins uppkomst i förbindelse med Sveriges stormaktstid och territoriella expansion österut under 1600-talet. Vissa forskare påstår även att man till och med kan hitta ett ideologiskt samband med den svenska göticismen² och de båda ideologiska riktningarna skulle då ha använts av Sveriges politiska propaganda och ha hjälpt rättfärdiga den svenska kungens anspråk på den ryska tronen. Petreijus betraktas av somliga som en initiativtagare eller åtminstone ett redskap för denna propaganda.³ Den föreliggande artikelns mål är att granska

¹ *Normannistiska skolan* är en av två stridande skolor eller uppfattningar inom den långvariga diskussionen om vikingarnas/varjagernas roll i Ryska rikets grundande. Diskussionen brukar dyka upp i särskilda kulturpolitiska sammanhang i synnerhet i den ryska historieforskningen, men även forskare från andra länder och i olika andra ämnen som arkeologi, lingvistik m.fl. har deltagit. Debatten kan påträffas under termerna *Warägerfrage*, *the Varangian problem*, *the Normanist controversy*, *normanskij / varjzhskij / varjago-russkij vopros* o.dyl. För mer se till exempel Mošin, 1931 eller Sørensen, 1968.

² Göticismen var en ideologisk riktning som försökte framställa Sverige som civilisationens vagga. Denna patriotiska tanke började dyka upp i svenska krönikor redan efter 1450 och utpräglade Sveriges officiella historieskrivning under de kommande århundraden. Grunderna för göticismen lades av Ericus Olai och hans latinska krönika *Chronica regni Gothorum* på 1470-talet och utvecklades vidare av den humanistiske historikern Johannes Magnus (*Historia de omnibus Gothorum Sveonumque regibus*, 1554), som satte samman en stamtavla för de svenska kungarna från de bibliska härskarna ända fram till Gustav Vasa. Göticismen kulminerade med Olof Rudbecks *Atlantic (Olof Rudbecks Atland eller Manheim dedan Japhetz afkomne slechter ut till hela werlden utgångne äro*, 1677–1702), som påstår att sagoön Atlantis, civilisations urhem, egentligen befann sig i Sverige. För mer se Frängsmyr, 2004, s. 41, 60.

³ Jfr. särskilt doktorsavhandlingen av Birgit Scholz [Scholz, 2000, s. 322] och arbeten av några ryska forskare som till exempel Fomin, 2005, s. 17f., Fomin, 2002, Grot,

Petrejus verk och utifrån dess analys försöka svara på frågan om man verkligen kan hitta inslag av den normannistiska teorin i hans skrifter och hur dessa fungerar i kontexten för författarens historiografiska verk.

I 1500- och 1600-talets Västeuropa var det tämligen populärt att sända ut forskare i österled. Dessa agenter skulle upplysa om fjärran länder, avlägsna och i stort sett okända trakter, och om olika svårtillgängliga exotiska platser i Asien och Europas utkanter. Det var det vidsträckta, mysteriösa och mäktiga ryska riket som oftast var resenärernas mål. Syftet med sådana resor brukade inte enbart vara att samla kunskaper om landets kultur utan också att inhämta information om dess ekonomiska och militära ställning. Resenärerna var alltså angelägna att skaffa sig en geografisk samt etnografisk uppfattning och informera om potentiella handelsrelationer med ryssarna, om landets militära styrka, politiska ståndpunkter och avsikter och inte minst hur kristna dess invånare var. Oftast hade resenärerna alltså även en funktion som diplomater och spioner.

Ett sådant sändebud var även den svenske diplomaten, resenären och äventyraren, som under namnet Petrus Petrejus⁴ publicerade några intressanta skrifter om Storfurstendömet Moskva. Inte så mycket vederhäftig information om hans liv bevarades utom kungliga resbefallningar och hans egna anteckningar samt reseskildringar. Han föddes omkring 1570 i Uppsala som son till den senaste biskopen i Västerås och Linköping Petrus Benedicti. Efter sina studier på universitetet i Magdeburg återvände han 1593 till Sverige och anställdes i hertig Karls⁵ kansli. I rikets tjänst verkade han ända till sin död — i början som diplomat och spion och från och med 1605 även som kungens historieskrivare. Han dog i Stockholm under pestpandemin 1622, precis efter ankomsten från sin sista utländska mission.

Svenskarnas kunskaper om Rysslands kultur och språk var fortfarande relativt sporadiska på den tiden, även om intresset för händelser öster om den svenska riksgränsen hade vuxit med tiden. Dock det var först Petrus Petrejus som upplyste den svenska offentligheten om det

1997 och andra. Denna idé är egentligen ingen nyhet utan presenterades för första gången ungefär ett hundra år tidigare av A. A. Kunik [Kunik, 1903, s. 31].

⁴ Han gick länge under sitt ursprungliga namn Per Persson, dock han använde olika varianter senare i livet, mest den latiniserade versionen Petrus Petreius Upsaliensis eller Petrus Petreius de Erlesunda, men även Peder Pederson mfl.

⁵ Hertig Karl — den senare svenske kungen Karl IX.

östliga grannlandets kultur. Tack vare sina talrika och långvariga vistelser i Moskvariket lärde han sig sannolikt mycket bra ryska och blev Sveriges förste expert på Ryssland — ”Sveriges förste kremlolog” [Attius Sohlman, 1998, s. 12]. För sina skrifter om det vidsträckta landet i öster hade han rika informationskällor till vilka han kunde tillfoga sina egna upplevelser och personliga kontakter. Petrejus hade en oavbruten förbindelse med Moskvariket åtminstone under åren 1601–1613, då han regelbundet sändes dit av det svenska rikskansliet som diplomat och politisk agent. Han var även närvarande vid fredsförhandlingarna mellan Sverige och Ryssland i Stolbova 1617.

Man kan nog säga att författaren Petrus Petrejus var en ganska märkvärdig personlighet och nästan en renässansmänniska. Innan han anställdes i hertig Karls tjänst, uppnådde han vissa intressanta resultat inom vetenskapen. Hans doktorsavhandling i matematik var första sådana arbetet i Sverige. Senare publicerade han även några teologiska skrifter som till exempel *Femtio olideliga ordsaker, hvarföre alle fromme och rättsinnige Christne ... icke kunna eller skulle med the Sacramenterare eller Calvinister komma öfverens* (1606) eller översättning av en bönebok (*Een Nyttigh Bönebok*, 1609). Den viktigaste delen av hans verk har dock en övervägande historisk karaktär och innehåller tre skrifter, varav två befattar sig med Petrejus huvudtema Ryssland: *Een wiss och sanfärdigh Berättelse om några Förändringar som j thesse framledne åhr vthi Storfurstendömet Muskow skedde äre* (Stockholm 1608, vidare i texten endast *Berättelsen*) och en omfattande skrift på sex delar *Regni Muschowitici sciographia*,⁶ som också är hans mest betydande verk. Det tredje arbetet kom ut under titeln *Een kort och nyttigh chrönica om alla Sweriges och Göthes konungar, som hafwa både in- och vthrijkes regerat i Stockholm år 1611*, men det ska inte behandlas i den här artikeln av en enkel anledning: den innehåller nämligen ingenting om Ryssland och dess folk, politik eller kultur.

Berättelsen är en intressant kombination av politisk pamflet och reseskildring. För första gången publicerades den 1608 i förmodligen två svenska versioner, vilka bara skiljer sig från varandra obetydligt mycket. Den dateras till 8 november 1608 [Petreius, 1997, s. 85], alltså skrevs den tydligen relativt snart efter Petrejus återkomst från sin förs-

⁶ Första utgåvan (på svenska) kom ut i Stockholm 1614–1615, och andra utgåvan som är författarens egen översättning till tyska trycktes i Leipzig 1620.

ta Rysslandsresa under åren 1601–1605. Den innehåller författarens rapport och iakttagelser från hans längsta vistelse i Moskvariket vilka han berättar med en livlig, nästan journalistisk stil om. Petrejus, som var vittne till oroligheter och förvirring i början av 1600-talet (den så kallade *Stora oredan*), ger en färgstark skildring av de aktuella händelserna som var viktiga för tidens politiska utveckling i Moskvariket. Han fokuserar således naturligtvis på intriger, tvister och strider om den ryska tronföljaren, särskilt den förste Falske Dmitrij och tsaren Boris Godunov.

Den historiska tidsföljden av de beskrivna händelserna börjar med missväxtåren och svältdöden i Ryssland i början av 1600-talet och slutar med Vasilij IV:s kröning till tsar året 1606, dock dyker det då och då även upp besked om de tidigare eller senare åren. Huvudpunkten är alltså *Stora oredan*, de händelser som föregick den och på den tiden betraktades som oroligheternas föranledningar. Helt i enlighet med tidens andra historiografiska verk tolkar författaren dessa svårigheter som Guds straff.⁷ Straffet skulle ha kommit över landet i vedergällning för tsar Ivan IV:s synder, hädelse och det våld som tsaren förövat på alla människor som hamnat i hans onåd.⁸ Petrejus ger en dramatisk skildring av det ryska folkets lidande under den stora hungersnöden och bifogar sina egna, ofta mycket subjektiva kommentarer om den ryska kulturen som tydligen var väldigt exotisk i hans ögon.⁹ I sitt reportage använder han spännande narrativa medel och strategier. På olika ställen försöker han ge texten ett förtroendefullt intryck genom att understryka att han varit ögonvittne till många av de beskrivna scenerna (*såsom iagh thet medh många tusende menniskior medh lijfachtiga ögon seedt hafwer*) [Petreius, 1997, s. 130]. Ofta upplyser han även om de viktiga platser

⁷ *Then största och förnämsta orsaak synes wara/ at Gudh alzmächtigh hafwer welet thet landet genom Tree plågor straffa/ Nemligen medh hunger och dyr tijdh/ medh Pestilentia/ medh inbördes krijgh/ vpror och blodzthgiutelse/ hwilka alla Tree hafwa efter hwar andra iämmerligen folgd.* [Petreius, 1997, s. 90].

⁸ *[H]ela landet/ nw j så mätto är grufweligen straffat och ynckeligen förderfwat af thesse Tree plågor/ hwilke synas them wara påkomme för theras höghmodh/ ogudhachtigheet/ afgudhadyrkan/ wrångwijsheet/ stoormodigheet/ ondsko/ orättferdigheet och tyrannij skuld/ synnerligen och serdeles för then grufwelige woldzwerkan/ skreckelige mord/ ochristelige/ omenniskelige och forfärlige Tyrannij/ som then blodhunden Iwan Vasilivvitz Storfurste vthi Muskow/ både såwål på sine egne vndersäter/ som på fremmande bewiste...* [Petreius, 1997, s. 92–94].

⁹ Petrejus karakteriserar Ryssar som bl.a. *grofwo/ olärda/ plumpa och barbariska* [Petreius, 1997, s. 134].

och ställen som han i egen person besökte och betonar sina personliga kontakter med ryska informatörer och de högsta adelskretsarna i Moskvariket.¹⁰

Författarens beskrivning av förhållandena i Moskvariket är väldigt kritisk och negativ och det kan lätt väcka en föreställning om att han skulle ha rusofobi, man ska dock inte glömma att ett sådant sätt att skildra Ryssland inte avviker från den tidens traditionella västeuropeiska litteratur och gällande stereotyper om det avlägsna okända landet. Om man tittar närmare på *Berättelsens* innehåll kan man konstatera att atmosfären i pamfletten inte är negativt sinnad just mot ryssar, utan mot det katolska Polen-Litauen med kungen Sigismund III Vasa, som gjorde anspråk på den svenska tronen (och var Karl IX:s nära släkting). Det var också Sigismunds politik som hotade Sveriges ambitioner att härska över det baltiska kustområdet. Polsk-litauiska samväldet representeras i skriften oftast med Jesuiter och Griska Otrepjev, den förste Falske Dmitrij. Griska, som han någorlunda förtroligt kallas av författaren, lär ha varit insmusslad till Moskoviterna av de polska katolska intrigörerna. Författaren uttrycker sin ställning till problemet helt klart redan i själva inledningen av sin *Berättelse*:

Ingen af allom them/ som något hafwa rönt och förfarit/ är så tylpisk och fåkunnigh/ at han jw icke weet/ heller til thet minsta jw hafwer hört/ hwad buller/ vpror/ twedrächt/ krijgh och blodzuthgiutelse/ nw j någre framledne åhr sigh j Storfurstendömet Muskow heller Rydzland tildragit hafwer/ hwilket altsammans genom Påwens/ Konungens j Polen och Jesuwiternes tilskyndan och anstiftning skeedt är. [Petreius, 1997, s. 90]

Enligt min uppfattning är det just starka antikatomiska och antipolska känslor som *Berättelsen* i synnerhet präglas av. Pamfletten kan alltså betraktas snarast som ett uttryck för den svenska kungens rädsla för det polsk-litauiska katolska riket, som skulle ha försökt att hetsa upp Ryssarna emot Sverige. Samma tema är förresten känt från ett antal tyskspråkiga flygblad som publicerades 1606 i Sverige — alltså just på

¹⁰ *Slottet hafwer iagh medh mina ögon seedt/ och på trappan warit/ ther han säg wara dräpin/ och många gånger hört af högbemälte Zuski [...] at han hafwer Demetrium Iwan Vasilivvitz naturlige Son begrafwit/ och thet stadfästet medh många dyra Eeder* [Petreius, 1997, s. 104–106].

den tiden då det polska inflytandet över Ryssland blivit starkare. Det är inte uteslutet att just dessa flygblad var en inspirationskälla till *Berättelsen*.¹¹ Uppdragsgivaren Karl IX hade troligtvis beställt pamfletten med syfte att förbereda och vinna den svenska offentligheten för en militär intervention i öst och därmed visa att de svåra oroligheterna i Ryssland stimulerades av Polen-Litauen och kunde ha negativa följder även för det svenska riket [Tarkiainen 1973, s. 256f.]. Pamfletten framställer inte Ryssland som en potentiell fiende utan som en hotad granne vilken borde skyddas från den polska katolska aggressorn.

Berättelsen upplyser visserligen om mycket av de politiska förhållandena mellan Sverige, Ryssland och Polen-Litauen ur en lojal svensk diplomats synvinkel. Dock sysslar författaren helt uteslutande med den politisk-ekonomiska situationen i Ryssland, dess möjliga rötter och förklaringar. Några normannistiska tankar kan vi däremot inte alls påträffa i denna skrift. Författaren berör inte alls några varjager eller Sveriges hypotetiska anspråk på den ryska tronen. Om man skulle kunna dra några slutsatser av just denna pamflet, så var det normannistiska temat med all sannolikhet ingen beståndsdel i den svenska rikspropagandan på den tiden.

Petrejus mest betydande verk är utan tvekan *Regni Muschowitici sciographia*¹² (i texten vidare förkortad till *RMS*). Den innehåller en omfattande och mycket detaljerad skildring av livet och kultur i Storfurstendömet Moskva efter sekelskiftet 1600 som är uppdelad i sex enskilda böcker. I dessa beskriver författaren det ryska rikets geografi och försöker karakterisera samhället, folkets seder och bruk, landets historia och härskare, olika ryska ceremonier, uppförande vid diplomatiska förhandlingar samt kröningsprocessen för nya härskare. Självklart redogör han även för landets militära särdrag och för den ryska kyrkan samt religionen.

RMS är egentligen den enda av författarens alla skrifter, vilken berör varjager och problematiken med det ryska rikets grundande. Det

¹¹ Särskilt *Warhafftige Copia des Schreibens Welches an den ... Stadthalter zu Revel, von dem Reussischen Woiwoden auff Ivangorodt ... ergangen* (Stockholm 1606). Jfr. Tarkiainen, 1973, s. 257.

¹² Fullständiga titeln låter *Regni Muschowitici sciographia. Thet är: Een wiss och egenteligh beskriffning om Rydzland, med thes många och stora furstendömers, provinci-ers, befestningars, städers, siögars och elfwers tilstånd, rum och lägenheet: Vthi sex böker korteligen författat, beskrifwin och sammandragin, af Petro Petreio.*

händer i *Första boken* på ett ställe där Petrejus redogör för de då kända teorierna om ryssarnas ursprung och etnicitet samt i *Andra boken* i det avsnitt där han skildrar Rysslands tidiga historia och första furstar. Särskilt *Första boken* har tyvärr varit helt försummad av forskare. Petrejus berättar i den att det finns olika uppfattningar om moskoviternas eller ryssarnas härkomst både i deras egna (dvs. ryska) och utländska källor [Petreius 1620, s. 133]. Därpå följer hans sammanfattning av tre av de mest utbredda teorierna om de varjagiska furstarnas och Ruriks härkomst: Enligt den första teorin ska Rurik, Truvor och Sineus ha varit blodsfränder och kommit från Preussen [Petreius 1620, s. 1], den andra bestämmer de tre brödernas hemland till Polen (och benämningen *Rus'* lär då vara en avledning av namnet Ruffus, som ska ha varit en mytisk polsk furste) [Petreius 1620, s. 133] och slutligen utgår den tredje teorin från Ptolemaios och Plinius benämning 'Roxolanos' — namnet på Sarmater, som alltså var av iranskt ursprung och enligt denna teori ska ha varit ryssarnas och moskoviternas förfäder.¹³

I *Andra boken* redogör Petrejus för ryska rikets historia från de äldsta tiderna ända fram till året 1613, med tyngdpunkten i regeringsperioden av Ivan IV, omständigheterna runt den förste Falske Dmitrij och dåtidens händelser med Stora oredans katastrofala förlopp. Författaren ägnar bara väldigt lite plats i sin bok den äldre tidsperioden och lämnar mest utrymme åt sin tids politik. Sin skildring öppnar han med en klagan över bristen på tillförlitliga ryska eller främmande källor om den äldsta tidsperioden.¹⁴ Hans beskrivning av Rysslands tidiga historia är därför påfallande kortfattad, full av osäkerhet och tvekan. Det är just det ställe där Petrejus omnämner möjligheten om varjagernas skandinaviska här-

¹³ *Woher der Nahme Muschkowiter oder Reussen/ gekommen sey/ vnd wo von sie jhren Ursprung haben/ findet man vnterschiedliche Meynungen/ so wol in jhren eignen Chronicken/ als in frembden Historien. Doch musz man vors erste wissen/ dasz die Muschkowiter vnd Reussen einerley Volck seyn/ vnd vorzeiten von Ptolemaeo vnd Plinio, Roxolanos genennet worden : Etliche sagen dasz sie genennet seyn von einem Hertzog/ der Ruffus geheissen/ vnd sol eines Fürsten Sohn in Polen gewesen seyn/ vnd also von jhm Reussen genennet/ welches etliche verneinen/ weil Reuszland älter ist als das Königreich Polen. Und die Reussen sagen selber/ dasz Reuszland vorzeiten Rosseja geheissen hat/ davon das Land Reuszland were genennet worden*" [Petreius 1620, s. 133].

¹⁴ *Hwadh för Regenter och Storfurster Rysserna vthi sielffua Begynnelsen haffua hafft / och aff hwadh härkomst the äre kompne / och hurr the haffua regerat / finnes icke synnerlighen aff fremmande Scribenter wara scriffuit / ey heller wetta the sielffua medan the hafua så grofua / oförnufftige och Barbariske warit / at the icke haffua haft några Bookstäfwer* [Petreius 1614, *Andra Boken*, s. 1].

komst. Han redogör för legenden om de tre varjagiska bröderna, precis som man känner till den från den ryska *Nestorskrönikan*,¹⁵ och lägger till en tes om deras möjliga svenska härkomst samt argument som skulle kunna stödja den:

Ty vthi våra Crönikor finnes jw wiss beskeedh at the Swenska esom offtast hafwa medh Rysserna krijgat och theras Land medh wäldige hand intaghith/ häriat och fördärfwat alt in til Elfwen Tanaim och them sigh skatskyllige giordt. Ther til medh kalla Rysserna thet folck som boo widh Östersiön/ som äre/ Swenske/ Finske/ Lifländare/ Curer/ Prydzer/ Cassuber och Wender Waregos/ och Östrasiön/ Vareiskoi more. [...] Therföre drabbar thet mera medh sanningen/ at the äre kompne aff Sverige/ och til efwentys medh een Krijgzöffuerste vthskickat/ som hafwer warit född widh Warnhems Klöster eller i Wartoffta härade vti Westergöthland/ eller och han kan hafua hetit Werne/ och honom ther aff kallat Waregum/ folcket Vvaregos/ och haafwet ther han öffuer foor Woretskoi haaff/ som Rysserna gemeenligen kalla stycke aff haafwet/ som ligger emellan Coporie Land och Eurepe och emellan Biörköön och Nyn. Och effter the Waregi hafwa warit på samma tijd mechtige/ och stoor vproor/ twist och oenigheet haffuer warit emellan the Ryska furster om theras Regemente och högheet/ at ingen hafwer welat wara vnder then andra/ vthan alla lijka godha och myndighe/ såsom the nw een lång tijdh goirdt hafwa. Ty när then ena hafwer warit til Regemente wald och korat/ hafuer then andra thet förtrutit och satt sigh ther emoto/ och sagdt at han war lijka godh aff Slecht och Börd/ och så store och mechtig som then andra/ Therföre på thet at tå sådan inbördes oenigheet motte grijpa een ända/ haffuer en försichtig och myndigh man som vthi stort anseende hafwer warit vthi store Nogården benämd Gostomissel the rådt och förmanat/ at the skulle hafwa budh til the Waregos/ och medh flijt och gemiuk begäran hoos them anhålla/ at the motte bekomma Tree Furster/ som wore aff Furstligh Stamme och härkomst och förståndige herrar/ som kunde itt gott Regemente öfwer them föra/ hwilket them alla hafwer synnerligen

¹⁵ Vthi theras Böker förmäles om ett slags folck/ som the nämpna Waregos/ som skulle haffua fördt medh them krijgh/ och them haffua öfwerwunnit och twingat til at gifwa sigh ett Gråskin om åhret afhwar Gård til skatt [Petreius 1614, Andra Boken, s. 2]. Jämför exempelvis Första Novgorodkrönikan: *и дань даяху Варягомъ от мужа по бѣлѣи вътверци* [Novgorodskaja pervaja letopis, 1950, s. 106].

behagat (som them vthi Muskow/ när Zacharias Lippenow them rådde/ at vthwälia Konungens Son i Polen til theras Storfurste) och ginge strax til the Vvaregos/ ther the och sådana swar bekommo/ at the them theruthinnan wille hielpa och tiäna/ skickandes them strax Tree Bröder/ som wore aff en Furstligh Familia/ nämligen/ Rurich/ Sinaus och Truwor [Petreius 1614, Andra Boken, s. 2–4].

Belägg för denna teori kan man enligt Petrejus hitta även i vapenmärken av städerna Pskov och Novgorod, vilka han betraktar vissa likheter på, dock han säger ingenting konkret om dem.¹⁶ Dessutom försöker han förklara namn på de tre bröderna och då finner han några likheter med några skandinaviska namn:

Ty Rysserna kunna intet så egentligha pronunciera fremmande namn som wij/ vthan förbyta många Bookstäfwer/ synnerligen när the nomina propria skola vttala och nämna. Ty Rurich hoos them kan hetas hoos oss Erich/ Fredrich eller Rodrich. Sinaus/ Siman/ Sigge och Swen. Truwor/ Ture eller Tufwe [Petreius 1614, Andra Boken, s. 5].

Strax därefter anger han att detta inte behöver betyda att varjagerna måste ha kommit från Sverige, dock det förblir en av flera olika varianter. Petrejus lämnar utrymme även för andra teorier och så småningom förringer han betydelsen av det han just berättat:

Men ther the icke äre aff Sverige komne/ vthan aff andra Land/ må wara vthi sitt weerde/ doch kan ju ingen thet neka/ at the Swenska ju icke skulle hafwa hulptit ther til för godh wänskap och naborskap skuld/ och heller haffwa seedt at fremmande skulle blifwa hoos them boendes och öffuer them föra Regimentet än som sina ägna/ medan the om theras onaturlige lefwerne och styggelige gerningar bättre wiste/ och therföre til effwentys icke hafwa sigh thet vppå tagit/ vthan förhulptit och befordrat the fremmande ther til och them beledsagat sedan igenom Sverige til Rydzland öfuer haafwet/ som the kalla Woretzkoï more/ ther om tilförende är sagdt [Petreius 1614, Andra Boken, s. 5].

¹⁶ *Men när iagh nu wil tilsee och grannelighen vpläta alla Wapner och Sköldemärker som i Sverige föres och brukes/ tyckes migh wissertligen at iagh några warder finnandes/ som skole medh thessa öfwereens stemma [Petreius 1614, Andra Boken, s. 5].*

Förutom den normannistiska teorin om ryska rikets ursprung anför Petrejus ännu en hypotes, enligt vilken varjagerna kan ha kommit från den sachsiska Engern.¹⁷

Sålunda presenterar Petrejus på flera ställen i *RMS* fem olika teorier om varjagernas härkomst, varav en är normannistisk. Man kan alltså knappt påstå att hans ståndpunkt är rent normannistisk, men inte heller motsatsen. Författarens egna åsikter angående den frågan förblir gömda och otydliga, skriften ger ett starkt intryck att den frågan inte är så viktig. En av de möjliga förklaringarna kan vara verkets karaktär: särskilt *Andra boken* och alldeles särskilt avsnittet om de äldsta historiska händelserna är nämligen ett kompilationsverk vilket inte alls framställde någonting ovanligt i dåtidens historieskrivning. Hans egen insats i *Andra boken* är inte betydande, även om han lägger till några egna iakttagelser. I förordet till *RMS* konstaterar Petrejus för den delen själv att han använt sig av olika resurser och informationerna för sin verk *medh all flijt uthaff andra Troovärdighe Mäns Documenter och Skrifter uthletat och sammandraghit*.¹⁸ Det syns också att hans källor var rätt många: han utnyttjade gamla ryska krönikor och i synnerhet anteckningar av västeuropeiska resenärer vilka hade rest till Ryssland före honom. Såsom för många andra Rysslandsskildrare, även för Petrejus var det framför allt *Rerum Moscoviticarum Commentarii* av Siegmund von Herberstein, som var hans viktigaste och mest citerade (eller snarare kopierade) källa. Petrejus skrev om och översatte långa avsnitt ur Herbersteins bok som kom ut 1549 första gången på latin och snart översattes till bl.a. tyska och blev därmed väl tillgänglig över hela Europa. Petrejus delade till och med upp sin *RMS* i sex böcker, precis som Herberstein, och även titlarna och strukturen av de enskilda böckerna är påfallande lika Herbersteins [Tarkiainen 1973, s. 262f.].

Herbersteins verk framstår inte som den enda källan som Petrejus anför i sina böcker [Petreius 1614, *Andra Boken*, s. 102]. Han omnämner också skriften *Relatio. Das ist Summarische Erzählung vom eigentlichen Ursprung dieses itzigen blutigen Kriegs-Wesens in Moscowiter Land oder Reussland* (med två versioner från åren 1612 och 1617) av Martin Beer,

¹⁷ [W]ille een part säija/ at the skole wara kompne aff Engren som lyder vnder Saxon [Petreius 1614, *Andra Boken*, s. 3]. Under medeltiden användes benämningen 'Engern' för ett område i furstendömet Sachsen, som idag skulle ligga ungefär i Mittelsachsen.

¹⁸ [Petreius 1614, *Förspråket* (sidnummer saknas)].

vilken han citerar på flera ställen.¹⁹ Han anför i sin *Andra bok* också skrifterna *Ioannis Basilidis Magni Moscoviae Ducis vita* (1585) och *De russorum religione et ritibus narratio* (1582) av Paul Oderborn [Petreius 1614, *Andra Boken*, s. 102] och förutom dessa hämtade han information ur ett flertal texter som han själv hänvisar till eller bara nämner på olika andra ställen i sin skrift. Några av dessa arbeten vidrör han bara lite, kanske med den enda avsikten att visa sakkunnighet och belästhet och att ge sina texter en prägel av trovärdighet.²⁰

Det är också denna brist på originalitet som står i väg för att tilldela Petrejus första platsen som normannist. Avsnitten om varjager samt Rysslands äldsta historia fram till regeringsperioden av Ivan IV är tydligen en översättning och kompilation ur Herbersteins skrift och lokala ryska källor (krönikor eller s.k. *letopisi* — annaler). Själva anmärkningen om varjagernas svenska härkomst är inte heller den första i den västeuropeiska historieskrivningen. Samma teori hade redan uttalats även av Herberstein [von Herberstein, 2007, s. 37]. Man kan därför dra slutsatsen att även om den normannistiska teorin omnämns i hans skrifter, kan Petrejus knappt betraktas som dess grundare. Hans enda originella inslag i diskussionen om varjagerna verkar alltså finnas i passagera om vapenmärkens likheter samt om namn på de varjagiska furstarna i det tidiga Ryssland.

Det är inte så lätt att bedömma om man hade något konkret politiskt syfte med *Regni Muschowitici sciographia*. Dock är det obestridligt att den skrevs på beställning av Sveriges kung och att boktrycket finansierades av kungliga kassan. Man kan inte heller overse att Petrejus fick en avsevärd belöning för sitt arbete.²¹ Från själva texten är det emellertid omöjligt att dra några slutsatser om de gällande politiska trenderna eller några propagandamässiga skäl. Ryssland skildras här inte som ett fientligt subjekt som skulle kunna hota Sveriges stormaktspolitik. På samma gång saknar texten den syn på Ryssland som dominerar *Berättelsen* —

¹⁹ Exempelvis i *Andra boken: Therfore är thet tå een groff lögh af Martino Beer updichtat, som honom begrof, och för sitt omaak 10 Rublar fick* [Petreius 1614, *Andra Boken*, s. 122].

²⁰ En grundlig analys av inspirationskällorna för *Regni Muschowitici sciographia* utfördes av Tarkiainen, 1973.

²¹ Boktrycket beställdes av Gustav II. Adolf och Petrejus utnämndes till härads-hövding i Ärlingshundra (i Uppland) för *Regni Muschowitici sciographia* året 1614 (alltså samma år då hans ryska krönika, dvs. *Andra boken* kom ut i tryck). Jfr. Tarkiainen, 1973, s. 244–283.

det är ingen svag granne som hotas av den polska aggressorn och behöver Sveriges hjälp längre. Man kan nog bra säga att det helt fattas någon politisk dimension i Petrejus största historiska verk. Författaren själv berättar om sina motiv bakom skrivandet: det finns inte mycket kunskap om Sveriges östliga granne som man kunde läsa någonstans, och ingenting på svenska. Denna brist ska vara svår att avskaffa eftersom landet är så otillgänglig för en vanlig resenär och för att ryssarna själva inte tillåter främmande folk att resa in, så man kan inte lära känna Moskvariket och dess folk.²²

Det verkar alltså sannolikt att Petrejus skapade ett verk som skulle utbilda och sprida kunskap inom en vidare läsarekrets av det svenska samhället och sålunda fylla "vita ytor" i den svenska litteraturen om främmande länder. Även om hans åsikter ofta påverkas av kulturella och särskilt religiösa fördomar, skrock, patriotism och tron på en viss kulturell överlägsenhet hos den västliga världen över den märkvärdiga östern, vågar jag påstå att man inte kan hitta några antiryska tendenser i hans skrifter eller anspelningar på Sveriges anspråk på den ryska tronen, särskilt inte från vikingatiden. Hans viktigaste bidrag förefaller då grunda sig på den oförmedlade skildringen av situationen med inkräktarna på den ryska tronen under Stora oredans komplicerade tid, samt upplysningsdimensionen av den imponerande RMS, med vilken Petrejus inte så obetydligt bidrog till att sprida intresse för den ryska kulturen och slaviska språk i 1600-talets Sverige.

REFERENCES

Attius Sohlman M. Kunskapare och observatörer i 1600-talets Ryssland och Sverige: Petrus Petrejus, Grigorij Kotosjichin och Erich Palmquist. *Bröd och salt. Svenska kulturkontakter med öst*. Red. R. Gyllin et al., Uppsala 1998.

²² *Dasz aber der Reussen Land/ vnnnd dero Provincien mit jhren Sitten/ Gebräuchen vnd Geschichten/ vnbekandt vnnnd gleichsam in Finstern verborgen gelegen/ ist die Ursach/ weil in jhrem Land ein Gesetz vnd Gebrauch, dasz keinem frembden/ (ausgenommen den Legaten,) in jhr Land zu reisen oder durch zuwandern verstatet vnd erlaubet wird/ wie in andern Ländern gebräuchlich: Denn wer dahin gerahten/ musz da ewig bleiben vnd dienen: begehret er hienaus/ so wird er grevlicher/ vnd erschrecklicher gestrafft/ als einer der Mord/ Raub/ oder Crimen læsæ Majestatis begangen. Derenthalben weil sie selbst unerfahne/ vnbendige vnnnd barbarische Leute seyn/ keine frembde Sprache lernen/ sondern das Jhrige vor das beste vnd zierlichste in der Welt halten/ vnd niemand zugeben von jhren Sachen [...] etwas zu erfahren/ seynd jhre Länder mehren theils vnbekandt blieben [Petreius, 1620, Vorrede (sidnummer saknas)].*

- Attius Sohlman M. Cultural and Religious Encounters. Olaus Magnus and Petrus Petrejus describe Muscovy and Its People. *450 Jahre Sigismund von Herbersteins Rerum Moscoviticarum Commentarii 1549–1999*. Harrasowitz Verlag, 2002.
- Attius Sohlman, M. *Stora oredans Ryssland. Petrus Petrejus ögonvitnesskildring från 1608*. Stockholm, Carlssons, 1997.
- Fomin V. V. Normanskaia problema v zapadnoevropeiskoi istoriografii XVII veka [The “Norman Problem” in the West-European Historiography of the 17th century]. *Sbornik russkogo istoricheskogo obshchestva*, no. 4 (152). Moscow, 2002, pp. 305–324. (In Russian)
- Fomin V. V. *Variagi i variazhskaia Rus’. K itogam diskussii po variazhskomu voprosu [The Varangians and Varangian Rus: Summing-Up the Dispute on the Varangian Problem]*. Moscow, Russkaia panorama, 2005. (In Russian)
- Frängsmyr T. *Svensk idéhistoria. Bildning och vetenskap under tusen år*. Del I (1000–1809). Stockholm, 2004.
- Grot L. P. *Istoki normanizma: shvedskaia giperboriada i G. Z. Baier [The origins of Normanism: Swedish Hyperborea-stories and G. S. Bayer]*. (elektronisk källa: [<http://byzantinorossica.org.ru/byzrusvar.html>])
- Grot L. P. Mificheskie i real’nye shvedy na Severe Rossii: vzgliad iz shvedskoi istorii [Mythical and real Swedes in the North of Russia: a perspective from Swedish history]. *Shvedy i Russkii Sever: istoriko-kul’turnye sviazi [The Swedes and the Russian North: the historical and cultural connections]*. Kirov, 1997, pp. 152–160. (In Russian)
- Hägg G. & Karlsson, L. *Svenskhetens historia*. Stockholm: Wahlström & Widstrand, 2004.
- Kunik A. A. *Izvestiia al-Bekri i drugih avtorov o Rusi i slavianah. Chast’ 2. Razyskaniia A. Kunika i bar. V. Rozena [Accounts by al-Bekri and other authors on Rus and the Slavs. Part 2. Investigations of A. Kunik and baron V. Rosen]*. Sankt-Petersburg, Akad. Nauk Publ., 1878–1903. (In Russian)
- Moshin V. A. Variago-russkii vopros [The Varangian-Russian controversy]. *Slavia*, 10 (1931), häfte 3, pp. 109–136, 343–379, 501–537. (In Russian)
- Samuelsson J. Stormaktstiden. *Boken om Sveriges historia*. Ed. by H. A. Larsson, Stockholm, 2003, pp. 133–180.
- Scholz B. *Von der Chronistik zur Geschichtswissenschaft. Die Warägerfrage in der russischen, deutschen und schwedischen Historiographie*. Wiesbaden, 2000.
- Sørensen H. C. The So-Called Varangian-Russian Problem. *Scando-Slavica* 14 (1968), Munksgaard-Copenhagen, pp. 141–148.
- Tarkiainen, K. Petrus Petrejus som skildrare av Ryssland. En personhistorisk och källkritisk studie. *Lychnos 1971–1972* (Lärdomshistoriska samfundets årsbok). Ed. by S. Lindroth, Stockholm, Almqvist & Wiksell, 1973, pp. 244–283.

KÄLLOR

- Bussov, Conrad: *The disturbed state of the Russian realm*, transl. and ed. by G. E. Orchard, McGill-Queen's University Press 1994.
- Novgorodskaja pervaja letopis starshego i mladshego izvodov*. Red. A. N. Nasonov. Moskva — Leningrad 1950. Hana Štěřiková
- Petreijs, 1620: *Historien und Bericht Von dem Grossfürstenthumb Muschkow/ mit dero schönen fruchtbaren Provincien und Herrschaften/ Festungen/ Schlös- sern/ Städten/ Flecken/ Fischreichen Wassern/ Flüssen/ Strömen und Seen/ Wie auch Von den Reussischen Grossfürsten Herkommen/ Regierung/ Macht/ Eminentz und Herrlichkeit/ vielfältigen Kriegen/ innerlichen Zwytrachten/ bisz sie zu einer Monarchi gewachsen/ Mit den newlich vorgelauffenen Auffrühren und Händeln von den dreyen erdichteten Demetrijs/ Nebenst dem auffgerichteten Friedens Contract/ zwischen dem Löblichen König in Schweden/ und jetzt regi- erenden Grossfürsten/ Dessgleichen Die Processe/ so zwischen den Königlichen Ambassadouren in der Stadt Muschkow/ vnd der Groszfürstlichen Reussischen Gesandten in der Königlichen Stadt Stockholm/ wegen des auffgerichteten Frie- dens Contracts Confirmation seyn gehalten worden/ Mit der Muschowiter Geset- zen/ Statuten/ Sitten/ Geberden/ Leben/ Politey und Kriegewesen : wie auch/ was es mit ihrer Religion und Ceremonien vor eine Beschaffenheit hat/ kürzlich und deutlich in sechs Heften zusammen gefasset/ beschriben vnd publiciret Durch PETRVM PETREIVM DE ERLESVNDÄ, Lipsiæ Anno MDCXX.*
- Petreijs P. Een wiss och sanfärdigh Berättelse om några Förändringar som j these framledne åhr vthi Storfurstendömet Muskow skedde äre. *Stora oredans Ryss- land. Petrus Petrejus ögonvitnesskildring från 1608*. Ed. by M. Attius Sohlman. Stockholm, Carlssons, 1997, pp. 83–153 (en fototypisk utgåva).
- Petreijs 1614–1615: *Regni Muschowitici sciographia. Thet är: Een wiss och egente- ligh beskrieffning om Rydzland/ med thes många och stora furstendömers/ pro- vinciers/ befestningars/ städers/ siögars och elfwers tilstånd/ rum och lägenheet: Vthi sex böker korteligen författat/ beskriewin och sammandragin/ af Petro Pe- treio, Stockholm Anno MDCXIV-MDCXV.*
- von Herberstein S. *Rerum Moscoviticarum Commentarii*. Synoptische Edition der lateinischen und der deutschen Fassung letzter Hand Basel 1556 und Wien 1557. Hrsg. H. Beyer-Thoma, München 2007.

Hana Štěřiková

Charles University

Nám. Jana Palacha 2

116 38 Praha 1

Czech Republic

E mail: hana.sterikova@ff.cuni.cz

Received: 18.01.2017

Accepted: 10.03.2017

UDC 812.112.5

H. Vandevoorde

Vrije Universiteit Brussel

ODE VAN EEN POSTSYMBOLIST. HET 'METAFORISCH REALISME' VAN KAREL VAN DE WOESTIJNE

De Vlaamse dichter Karel van de Woestijne (Gent 1878–1929) maakt deel uit van de reactie op het symbolisme, het postsymbolisme. In haar boek over het postsymbolisme, *The Fiction of the Poet*, ziet Anna Balakian die ontwikkeling vooral op het vlak van het symbool: “What strikes me in the progression of the symbolist mode is the passage from allegory (unilateral correspondences) to symbol, from metaphoric closing to the open-ended metonymy, and finally to the evocative power discovered in the single word serving as a prism for associations and significances.” In mijn bijdrage toon ik echter aan dat allegorie en symbool elkaar niet uitsluiten. Bij Van de Woestijne uit zijn affiniteit met het postsymbolisme zich eerst in een grotere nadruk op het ‘leven’ gecombineerd met een mystieke gevoeligheid en later door een vorm van beeldspraak die gaandeweg niet langer eenvoudig symbolisch of allegorisch is, maar als open én gesloten tegelijk bestempeld kan worden. Dat demonstreer ik hier aan een van de oden uit *Het zatte hart* (1924), die van een metaforisch realisme getuigt: de realistische beschrijving waarmee het gedicht begint, blijkt een uitgewerkte vergelijking (allegorie) die symbolisch gelezen moet worden. Door het gebruik van abstracta en de verdere, gedurfde (metnonymische) uitwerking van de centrale beelden van huis en licht krijgt het gedicht plots een radicale openheid en een onverwachte moderniteit.

Sleutelwoorden: Vlaamse literatuur, Karel van de Woestijne, postsymbolisme, metaforisch realisme, mystiek.

Hans Vandevoorde

Vrije Universiteit Brussel

A POSTSYMBOLIST'S ODE. THE 'METAPHORICAL REALISM' OF KAREL VAN DE WOESTIJNE

The Flemish poet Karel van de Woestijne (Ghent 1878–1929) is part of the reaction to symbolism in the form of post symbolism. In her book on post-symbolism, *The Fiction of the Poet*, Anna Balakian sees that development especially in the area of the symbol: “What strikes me in the progression of the symbolist mode is the passage from allegory (unilateral correspondences) to symbol, from metaphoric closing to the open-ended metonymy, and finally to the evocative power discovered in the single word serving as a prism for associations and significances.” My contribution, however, shows

that allegory and symbol do not exclude each other. Van de Woestijne's affinity with post-symbolism is revealed first of all in a strong accent on 'life' in combination with a mystical sensitivity and then later in a kind of imagery which is no longer simply symbolic or allegorical, but can be defined as open and closed at the same time. I shall demonstrate this using the example of one of the odes from his book of poetry *Tired Heart* (1924), which demonstrates Van de Woestijne's metaphorical realism: the realistic description at the beginning of the poem turns to be an extended metaphor (allegory) that must be read symbolically. By using abstractions and the further, bold (metonymical) elaboration of the central images of house and light, the poem suddenly gains radical openness and unexpected modernity..

Keywords: Flemish literature, Karel van de Woestijne, post-symbolism, metaphoric realism, mysticism.

De Vlaamse dichter Karel van de Woestijne (Gent, 1878–1929) behoort met Herman Gorter, J.H. Leopold en P.C. Boutens tot de grote dichters van het fin de siècle. Hij was ook prozaschrijver, journalist en een begenadigd kunstcriticus. Van de Woestijne was een vroegrijpe kunstenaar, die voor zijn vijftiwintigste al heel wat invloeden uit de Franstalige poëzie van zijn tijd had opgezogen. Hoewel hij sterk beïnvloed was door het Franse symbolisme van het laatste kwart van de negentiende eeuw, maakt hij deel uit van de reactie op en voorzetting van dat symbolisme, het postsymbolisme. In haar boek over het postsymbolisme, *The Fiction of the Poet*, ziet Anna Balakian die ontwikkeling vooral op het vlak van het symbool: “What strikes me in the progression of the symbolist mode is the passage from allegory (unilateral correspondences) to symbol, from metaphoric closing to the open-ended metonymy, and finally to the evocative power discovered in the single word serving as a prism for associations and significances” [Balakian, 1992, p. 5].

Sinds het einde van de negentiende eeuw werd de reactie op het symbolisme inhoudelijk in gang gezet door Franse auteurs als André Gide en Francis Jammes die de literatuur weer in het leven en de werkelijkheid probeerden te verankeren¹. Bij Van de Woestijne uit zijn affiniteit met het postsymbolisme zich eerst in een grotere nadruk op dat 'leven' gecombineerd met een mystieke gevoeligheid en later door een vorm van zeggen die gaandeweg niet langer eenvoudig symbolisch of allegorisch is, maar als open én gesloten tegelijk bestempeld kan worden. Dat demonstreer ik hier aan een van de oden uit *Het zatte*

¹ Het daarmee verwante *naturisme* en andere stromingen wordt besproken door M. Décaudin, [Décaudin, 1960].

hart (1924), die geïnspireerd zouden kunnen zijn door de *Cinq odes* (1910) van een andere postsymbolist, de Franse katholieke dichter Paul Claudel. Door Van de Woestijne te plaatsen in een postsymbolistische generatie — die zo goed als samenvalt met het literaire modernisme — krijgen we een beter zicht op zijn ontwikkeling, op de elementen die hem onderscheiden van zijn voorgangers en tijdgenoten en op zijn moderniteit.

EEN DICHTERBEEST

De grotere nadruk op het ‘leven’ dat de poëzie over de grenzen heen na 1900 te zien geeft, kan in het geval van Van de Woestijne niet alleen gezien worden als een reactie op de te grote abstractie van sommige symbolistische dichters, maar heeft bij hem zeker ook een biografische en misschien zelfs een vitale, biologische grondslag. Van de Woestijne werd in 1878 te Gent geboren als zoon van een koperslager, die zich sociaal had opgewerkt tot de gegoede burgerij. Hij leek zoals zijn symbolistische stadsgenoten Charles Van Lerberghe en Maurice Maeterlinck voorbestemd om een Franstalig dichter te worden, maar door het onderwijs kwam hij in aanraking met de Vlaamse beweging en ging hij in het Nederlands schrijven². In zijn jeugdijaren kwam hij in contact met de twee avant-gardetijdschriften van die tijd, *De Nieuwe Gids* in het Noorden en *Van Nu en Straks* (1893–1901) in het Zuiden. Hij stond dichterbij het tweede tijdschrift, dat aan het individualisme van het eerste ook de zorg om het leven en de culturele verheffing van het arme, achtergebleven Vlaanderen toevoegde. Hij behoorde tot de redactie van de tweede reeks van het blad en ook van diens opvolger *Vlaanderen* (1903–1907), waar hij in 1906 redactiesecretaris van werd.

De levensomstandigheden noopten Van de Woestijne tot realisme en pragmatisme. Zijn middelbaar onderwijs maakte hij niet af. Toch werd hij in de jaren twintig professor aan de universiteit van Gent. Maar eer het zover was leidde hij een leven dat steeds getekend was door geldnood. Door zijn huwelijk in 1904 en de uitbreiding van het gezin werd de behoefte om in het eigen levensonderhoud te voorzien nijpend. Hij werd in 1906 de Brusselse correspondent voor de *Nieuwe Rotterdamsche*

² De jeugdijaren worden indringend beschreven door Peter Theunynck in zijn biografie van de dichter [Theunynck, 2010].

Courant en cumuleerde die functie later met een baantje als lagere ambtenaar op het ministerie. Vijftien delen kritisch-journalistiek werk voor de *NRC* (in boekvorm uitgegeven tussen 1986–1995) tonen aan dat Van de Woestijne niet de ivoren toren dichter was waarvoor hij graag wordt versleten. De artikelen voor de *NRC* vormen een belangrijke bron voor de kennis van het politieke en culturele leven in Vlaanderen.

Van de Woestijne was met wat zijn collega de dichter Nijhoff een “dichtersbeest” noemde, een geboren dichter. Maar hij schreef ook vaak om den brode. Zijn verzameld werk bestaat uit bijna duizend bladzijden gedichten en evenzoveel proza, een omvangrijk deel epische poëzie en een deel essays over beeldende kunst en literatuur. Daarnaast is er nog de lijvige roman in brieven, *De leemen torens* (1928), die hij tijdens de Eerste Wereldoorlog samen met Herman Teirlinck schreef. Deze “vooroorlogsche kroniek van twee steden” is een sleutelroman met allerlei herkenbare of halfherkenbare figuren, zoals de socialistische voorman Anseele (‘Van Aerseele’) en de satirisch beschreven hoogleraar geschiedenis Paul Fredericq (‘professor Hoeck’). In deze roman en in zijn essays treffen de bladzijden over ‘de Gentsche doem’, de somberheid, norsheid van de bewoners van Gent, een pendant van de zwarte kanalen, fabrieken en volksbuurten. Begin van de eeuw waren Van de Woestijnes opvattingen over literatuur en kunst (zijn poëtica) nog sterk schatplichtig zijn aan het Franse positivisme, waar de symbolisten zich tegen afzetten. Van de Woestijne meent dat kunstenaars sterk bepaald zijn door hun milieu en “overerving”.

Zoals vele kunstenaars van die tijd — onder meer de bewonderde Franstalige dichter Emile Verhaeren — ontvluchtte Van de Woestijne de stad om op het platteland rust te vinden. Het idyllische Sint-Martens-Latem in de buurt van Gent, waar hij leefde van 1900 tot 1904 en opnieuw van april 1905 tot oktober 1906, betekende een bevrijding. Hij lag er met zijn broer, de symbolistische schilder Gustave van de Woestyne, mee aan te basis van een schilderskolonie die later de Latemse school zou worden genoemd. In Latem ontstonden grote delen van de bundels *De boom-gaard der vogelen en der vruchten* (1905) en *De gulden schaduw* (1910). Het bekendste resultaat van zijn verblijf daar zijn de *Laethemsche brieven over de Lente aan Adolf Herckenrath* (1901), prozagedichten, die als achtergrond de ‘dorre liefde’ voor zijn toekomstige vrouw Mariette van Hende hebben. Het prozagedicht komt als genre op met Baudelaire en de symbolisten en beleeft na de Eerste Wereldoorlog

een tweede hoogtepunt met een aantal modernistische dichters (Max Jacob, Pierre Reverdy en anderen) [Bernard, 1959].

DE EERSTE FASEN

In het symbolisme verwijst de werkelijkheid constant naar iets anders, een andere realiteit die transcendent of innerlijk is. Bij Van de Woestijne staat zoals bij Adriaan Roland Holst het “transcendental” (Chadwick) symbolisme niet los van het immanente “stemmingssymbolisme”³. Zijn debuutbundel *Het vader-huis* (1903) is vaak gekarakteriseerd als ‘atmosferisch symbolisme’ [Musschoot, 1994]. Zoals in de vroege gedichten van de Duitse dichter Rainer Maria Rilke staan muzikaliteit en stemming voorop, zoals in dit specimen uit “Verzen eener liefde” (*Het vader-huis*, 1903), waar de val van bloemen in een schaal symbool staan voor de droefheid, eenzaamheid en onzekerheid van de dichter. Het ruimtelijk contrast tussen boven en beneden versterkt de symboliek van neergang (het dalen van de avond, het vallen van de bloemen):

'k Ben eenzaam droef, in 't geel-teèr avond-dalen....

*Door 't open venster hoor 'k den donzen val
van klamme bloemen in krystallen schale....*

*— En 'k weet niet of ik haar beminnen zal,
in 't stil en licht bewegen harer leden,
en hare goedheid in mijn vreemd bestaan....*

*'k Ben droef, en 'k hoor haar stille voeten gaan,
en haar zacht neuren, in den tuin, beneden.*

Van de Woestijnes gedichten vormen het begin van wat hij zelf een “symbolistische autobiografie” noemde [De Ridder, 1909, p. 79]: in zijn werk is een lijn te vinden die grosso modo de ontwikkeling van een individu volgt, maar waarbij vooral de nadruk ligt op de geestelijke ontwikkeling en de symbolen waardoor deze ontwikkeling voorgesteld worden.

De dichter geraakte rond 1900 sterk geboeid door dichters als Francis Jammes, Henri de Régnier, Paul Fort en Albert Samain. Pas in een volgende fase van zijn ontwikkeling schuiven poëtica en gedichten op naar de poëzie van de negentiende-eeuwse Franse symbolist Charles

³ Voor deze termen, zie Ton Anbeek [Anbeek, 1999, p. 91].

Baudelaire, de dichter met wie Van de Woestijne het meest werd vergeleken. Vooral katholieke critici hebben in zijn werk heel sterk het dualisme tussen geest en zinnen in de verf gezet, dat hij met Baudelaire gemeen zou hebben [Rutten, 1934, Elmbt 1973]. In de pas na de Eerste Wereldoorlog, maar grotendeels ervoor ontstane bundel *De modderen man* (1920), dat Van de Woestijne zag als startpunt van zijn postuum samengebrachte trilogie *Wiekslag om de kim* (1942), zou deze thematiek bij uitstek tot uiting komen. Het vleselijke werd daarbij vooral vertegenwoordigd door de vrouw. Deze zogenaamd decadente thematiek werd nog versterkt door de klacht om vermoeidheid en onmacht, door narcisme en doodsverlangen.

Nochtans klopt in zijn werk ook een vitalitistische ader. Zijn bewonderaar de Nederlandse dichter J.C. Bloem zag al de “levensdrang” die achter de levensvrees van de dichter schuilging: “maar daarachter [achter de vermoeidheid], en dit is het bijzondere aan Van de Woestijne, [steekt] een kracht, des te taaier naarmate het lichaam vermoeider wordt en slijt.” [Bloem, 1995, p. 348]. Meer door dan het probleem van lichaam en geest blijkt zijn werk bovendien getekend door de dualiteit tussen bewustzijn en natuur. De gespletenheid tussen geest en lichaam maakt immers deel uit van een ruimere identiteitsproblematiek die eigen was aan het fin de siècle en die nog steeds doorwerkt: de crisis van het bewustzijn. De crisis van het ik in deze periode werd veroorzaakt door de spanningen tussen enerzijds de nieuw geïndustrialiseerde maatschappij met haar scherpe tegenstellingen en de hypergevoelige kunstenaars, die alleen nog een plaats hadden in de rand van het economische leven en de band met natuur en *Umwelt* niet wilden verliezen. Auteurs uit dit tijdvak werden op zichzelf teruggeworpen en gaven zich over aan een extreme zelfbeschouwing, die leidde tot het verlies van zekerheden en dus van het eigen coherente ik.

Een procedé als de allegorie (in de retorische betekenis van een uitgewerkte metafoer)⁴ bood mogelijkheden om de crisis van het ik te bezweren en lag dan ook in het hart van de dichtertelijke praktijk en de literaturopvattingen rond 1900, niet alleen bij Van de Woestijne. De allegorie is immers een indirecte, beeldende manier van zeggen, die toelaat om

⁴ De allegorie wordt vaak gebruikt in de betekenis van personificatieallegorie (het gebruik van abstracta als levende wezens), die in mijn visie een vorm van verlengde metafoer is, aangezien ook de personificaties meestal uitgewerkt worden. Zie daarvoor mijn boek over Karel van de Woestijne en de allegorie [Vandevoorde, 2006].

een individuele problematiek tot een algemener plan te verruimen. Van de Woestijne blijkt voortdurend op zoek geweest te zijn naar 'algemeen menselijkheid', wat hem in de buurt bracht van het neoclassicisme van een Jean Moréas, aan wie hij een cyclus gedichten wijdde. Dit maakt het mogelijk om de tweede fase van zijn werk veel meer dan als decadent symbolisme als een neoklassiek postsymbolisme te karakteriseren.

MYSTIEKE OMSLAG

De Eerste Wereldoorlog greep diep in op zijn leven. Politiek gezien koos hij de juiste kant, die van de passivisten — zij die niet mee wilden heulen met de Duitsers-, en deze houding was bepalend voor zijn carrière na de oorlog. De oorlog bracht vooral een grote omslag in de poëzie en luidde het begin in van de derde fase van zijn werk, die men als mystiek postsymbolisme kan omschrijven. De ontbering en vooral onvrijheid stimuleerden godsverlangen en inkeer. Van de Woestijnes spirituele tendens, die al voor de oorlog smeulde, werd verhevigd. Ascese en behoefte aan lijden gaven zijn nieuwe lyriek een alsmaar sterkere mystieke inslag. In de twee volgende bundels uit *Wiekslag om de kim — God aan zee* (1926) en *Het berg-meer* (1928) — en in een deel van de overgangsbundel *Het zatte hart* (1924) is deze wending te zien. Ze wordt voorbereid door de bundel *Substrata* (1920), 'kleengedichtjes' (korte gedichtjes of kiemen van gedichten), die een andere vorm van beeldspraak te zien geven, met name metaforen en vergelijkingen die zo abstract en gedurfd lijken dat ze niet meteen meer te volgen lijken. Ik geef een voorbeeldje uit die bundel:

*Mijn vriend, gij hebt den geur der groote magazijnen.
Zoo zijn er meisjes, schraal en met een witten neus.*

Eerst wordt aan de vriend de geur van grote magazijnen toegeschreven, een geur die zelfs een tijdgenoot van Van de Woestijne zich moeilijk voor de geest zou kunnen halen. Daarna wordt deze metafoor nog eens uitgebreid met een vergelijking die moeilijk te verbinden is met het voorgaande: wat hebben schrale meisjes met een witte neus te maken met de geur van magazijnen? De enige, zeer speculatieve verbinding lijkt de band tussen geur en neus.

Wat treft is het moderne woord 'magazijn', dat we eerder in een gedicht van de avant-gardist Paul van Ostaïen verwachten. Maar het duidt erop hoe de thematiek van Van de Woestijne plots van zijn tijd kan wor-

den. Door zijn laatste bundels behoort Van de Woestijne tot het kransje van Europese postsymbolistische dichters uit de jaren twintig (onder wie Rilke, de late William Butler Yeats en Paul Valéry) die moderne thema's niet schuwden. Van de Woestijne, Yeats en de Rus Alexander Blok schreven bijvoorbeeld gedichten over vliegeniers. In de cyclus "Verzoeking van God" uit *God aan zee* (1926) wordt het beeld van vliegtuigen gebruikt als start van een reeks beelden die steeds opnieuw iets proberen uit de drukken wat niet uitgedrukt worden kan — het onstoffelijke-. Het gedicht stukt uiteindelijk in een hakkelen:

*Gelijk het gonzend bliksmen van motoren,
waaraan een menschen-wil zich-zelven riemt,
het ondoorgankelijk-ijle wil doorboren
tot waar 't den blik van Godes oog doorpriemt;*

*neen, gelijk licht in licht: gelijk een kaarse
zoo karig, dat de zonne haar doorvreet
van 't vroege groenen tot het late paarsen,
maar die haar kleinheid onverdoofbaar weet;*

*neen, gelijk karpers die ter dikste drabben
wat leven gapen, tot de Dood ze treft
die dán eerst, door de peerlemoeren schabben
hun blonden buik naar 't waaiend lichten heft;*

*maar neen, maar neen: 'lijk aarde en 'lijk metalen,
verdicht bij dringe' en zuigen van 't heelal,
worden verhole' en ongenaakb're stralen
vergaderd in èen trane van krystal;*

*neen, dood stuk vleesch, vervloeid in logge beken
of weeldrig bloeiend in een wormen-feest;
neen, slechts dat vleesch, dat vleesch en arrem leken,
en 't lage beest dat danst op 't hooge beest;*

*neen, neen, o God (ik weet niet hoe te zeggen;
ik weet niet, God, ik weet niet, maar ik zeg:
God);*

gelijk de...

gelijk...

De grote postsymbolisten waren meer geïnteresseerd in het lot van de mensen, het verlangen naar transgressie of dood, dan in de machines zelf.

En zij bleven zichzelf zoals hun voorgangers de symbolisten zien als magiers, als hogepriesters van het schone, wat hen onderscheidt van de jongere avant-gardedichters van die tijd, die omgangstaal en uitgesproken engagement niet schuwden. Muzikale sonoriteit vormde het middel om die magie te scheppen. In de jaren twintig maakte de opvatting van de poëzie als *poésie pure* opgeld, die ook door Van de Woestijne gedeeld wordt. “Den dichter nu is het vooral te doen om suggereeren, of hij nu verhaalt, dan wel indrukken weêrgeeft, dan wel zijne gemoedsvezelen uiteenrafelt, zooals dat heet. Door zijne geaardheid transponeert hij de uiterlijke of innerlijke werkelijkheid op een hooger vlak: in laatste instantie het vlak der ‘poésie pure’, die ademhaalt in het ijle en de ijlte vermag te kennen als de opperste bewogenheid” [Van de Woestijne, 1949, p. 627–628].

Buiten alle beïnvloeding om deelt Van de Woestijne met de grote post-symbolistische dichters hun evolutie in latere jaren naar een meer hermetische zeggingswijze. Dit hermetisme wijst erop dat zij uiterst gevoelig waren geworden voor de meerduidigheid van taal. Deze meerduidigheid drukte voor hen beter de problemen van het bestaan uit dan een simpele benoeming van feiten of gebeurtenissen (realisme) of de suggestie van een andere werkelijkheid via conventionele of minder conventionele analogieën (symbolisme). Hun symbolen, zoals Rilkes engel of Van de Woestijnes roos en boom, moesten entiteiten van een tussenwereld aanduiden en werden zo persoonlijk dat ze door de lezers alleen nog intuïtief kunnen worden nagevoeld. In het volgende gedicht uit “De schurftige danser” (*God aan zee*, 1926) gebruikt de dichter achtereenvolgens de boom-, de bij- en de zwerver-metafoor. In elke strofe komt een nieuwe metafoor voor die de dichter als persoon moet definiëren. Dit soort opeenstapeling van ver uiteen liggende metaforen zorgt voor een soort versplintering van het ik, dat tot de kenmerken van het modernisme behoort:

*'k Heb noodloos door den boôm geboord
een wortel, ter geheimste waetren:
nooit bloeit een tak uit mij, noch hoort
de wind het trillen van mijn woord
door 't hoog gebladert schaetren.*

*Ik ben geen koninklijke bij
gevangen in haar vrucht'bre celle;
want nimmer zwaait een vreugde uit mij
de nijvre zwermen die, te Mei,
de ruit'ge raat doen zwellen.*

*En 'k ben den rechten weg ge gaan,
den afgrond tegen van 't ontzeggen.
Er is geen afgrond. En mijn waan
wou nu maar liefst wat slapen gaan
en lam ter rust zich leggen.*

De postsymbolisten gaven oude, conventionele symbolen een nieuwe steeds wisselende betekenis of creëerden nieuwe tekens, die ook verrassend meerduidig waren. Maar het hermetisme bij deze dichters ging — alweer paradoxaal — gepaard met een grotere eenvoud en directheid van zeggings. Oude balladen en refreinen kwamen bij zowel Yeats als Van de Woestijne voor naast gedichten waarin volzinnen nog worden uitgesponnen. In tegenstelling tot zijn grote tijdgenoten geraakte Van de Woestijne zelden zijn retoriek kwijt. Vaak teisteren overdreven alliteraties en doorgedreven amplificaties zijn gedichten, die zwaar en log aandoen. In zijn beste gedichten echter voegt de opzettelijke zinstuwung een extra dimensie toe aan de sowieso al aparte leeservaring die dit mengsel van levensmoetheid en vitalisme, van aards zondebesef en mystieke roes bezorgt.

DE ODE

De aards-mystieke tendens in Van de Woestijnes poëzie werd in zijn proza aangekondigd, dat aanvankelijk sterk verbonden was met zijn omgeving: afwisselend is het gesitueerd in de stad (Gent, Brussel, Oostende) of op het platteland. Na een bundel merendeels verbeeldingsrijke verhalen in de trant van de Fransman Jules Laforgue (*Janus met het dubbele voor-hoofd*, 1908) vond Van de Woestijne voor en tijdens de oorlog zijn eigen stof in heiligenlevens en de Bijbel (*Goddelijke verbeeldingen* en *De bestendige aanwezigheid*, 1918). Die stof verwerkte hij tot virtuoze beschrijvingskunst met een moraliserende of spirituele tendens, zoals in zijn bekendste prozawerk, 'De boer die sterft' (1915), waarin de afstervende zintuigen als personificaties worden voorgesteld. De moralisering die de auteur steeds eigen is geweest, kwam na de oorlog nog versterkt tot uiting in wat misschien zijn meest karakteristieke prozabundel werd: *Beginselen der chemie*, uit 1925. Ook hier vinden we prozagedichten als 'De dood' waarin een heel realistisch beschreven voorval (de dood van een vliegje) metonymisch verbonden wordt en dus symbolisch staat voor

een persoonlijk geval (het sterven van de moeder) [Van de Woestijne, 2010], die alleen aan het eind van de tekst even wordt aangehaald. Het stervend vliegje wordt daardoor een allegorie (in de betekenis dus van een uitgewerkte metafoor) van het sterven. Het allegorische staat in het latere werk van Van de Woestijne niet in tegenspraak met het symbolische, beide schuiven als het ware voortdurend in elkaar.

Zijn grootste virtuositeit in het samenbrengen van allegorie en symboliek bereikte Van de Woestijne in de epische gedichten, waarvan drie bundels verschenen (*Interludiën I* en *Interludiën II*, *Zon in den Rug*). Het zijn bewerkingen van klassieke mythen, vol van uitgewerkte homerische vergelijkingen, een techniek die de dichter na een vertaling van de *Ilias* (1910) onder de knie kreeg. Die lange vergelijkingen zorgen voor wat ik een ‘metaforisch realisme’ zou willen noemen, dat we ook in de late gedichten terugvinden. Om dit ‘metaforisch realisme’, dat ik als typisch voor het postsymbolisme zou willen zien, aan te tonen neem ik een van de minder bekende gedichten van Van de Woestijne, de tweede ode uit *Het zatte hart* (1924). De eerste ode is gedateerd 1914, de tweede 1914–1919, maar werd mogelijk pas afgewerkt in 1922, het jaar waarin zij verscheen in *Elsevier's*. Het gebruik van aansprekingen, van abstracta en een stortvloed aan beelden lijkt eigen aan het genre, dat steeds de lof van iets (plaatsen, natuur, personen, dingen of abstracta) zingt. Daardoor sluit het genre ook aan bij een neoklassieke en eulogische tendens onder de symbolisten.

Het gedicht begint met een homerische vergelijking, die barst van realisme. Van de Woestijne houdt het beeld van de zwoegende wever één strofe lang vol:

*Zoo, als aan 't stellig stooten van 't getouw
dat, hoekig, kraakt van vlijt en glanst van trouw,
een wever waakt en vult den dag met werken,
waar, over 't maetlijk stompen en gestouw,
de brug der zon bindt vroege aan late zwerken;
— hij zwoegt; hij heeft een vrouw en wicht bij wicht;
maar niet voor hen alleen is 't noeste zwoegen:
zijn doek wast aan den boom, en kaatst het licht
nog langer dan de zon op zijn gezicht,
en ... 't ware hem genoeg voor zijn genoeg;*

*zoo heb ik dag aan dag mijn taak gewrocht,
niet 'lijk ik wou, helaas, maar 'lijk ik mocht;*

De ik vergelijkt zich in de eerste strofe met de wever, want ook hij heeft dag aan dag gewerkt ('gewrocht' zoals onze grootvaders zeiden). Maar zoals de wever niet alleen voor vrouw of kind zwoegt, zo is ook voor de dichter zijn werken ('niet 'lijk ik wou, helaas, maar 'lijk ik mocht') niet alleen voor vrouw en kunst bestemd, noch is het bedoeld voor een reeks abstracte deugden (de taak of de plicht, lijden, trouw of twijfel) en zelfs niet voor het literaire verhaal of gedicht. Nee, het gebeurt omwille van de U, de aangesprokene. Dat is de U die 'onbegrepen klaart' is, licht geeft en de ik tilt (oplicht) op de zuilen van de Genade. Dat is de U die — vreemd toch! — vergeleken wordt met het standvastig waken van een gebouw.

In de laatste strofe keert de dichter nog eens terug naar het beeld van het huis. Hij spreekt — opnieuw zeer gedurfd — de 'glans van drempel en van raam' aan. De aangesprokene lijkt te veranderen van een abstractum naar een concretum. De ik omarmt het hele huis: niet alleen vrouw en kind erin, maar ook de 'pijne en zorge' — dus toch weer het lijden maar dit keer zonder genot eraan. Het laatste beeld is dat van een zolder waar zwengelaren de ik als aren doet ontkiemen. Dat ontkiemen gebeurt voor God, wat betekent dat hij een (nietige) tarweaar op Gods akker zal worden. Het hele gedicht wordt aldus een afscheid aan de *Leidensfähigkeit* en een omarming van Gods liefde.

Vooraf laat de ode zien hoe de werkelijkheid ten dienste kan staan van mystiek. De elementen uit die werkelijkheid (een ketting van metonymieën) worden keer op keer ontkend en worden ten slotte opgeheven in een mystiek licht. Door de verdere, gedurfde uitwerking van de centrale beelden van huis en licht en het gebruik van abstracta als 'Genade' krijgt het allegorische gedicht plots een radicale openheid en een onverwachte moderniteit:

*Om U, die van dit mistig aangezicht
de tin tot Uw gelijknis hebt belicht;
die deze schouderen, met dood beladen
en loochening, gerecht hebt en gelicht
op de krystallen zuilen der Genade.
Om U, 't standvastig waken van 't gebouw
dat niet vergeefs van arbeid zou ronken;
waar wind van ijtheid niet door zingen zou;
doch steeds, bij heil van kinderen en vrouw
drempel en raam van zole en oogen blonken.*

Om U. — En gij, die 'k in één liefde omvaèm,
gij, heil'ge glans van drempel en van raam,
niet vrouw en kroost alléen, maar pijn en zorg
die 'k, dankend om mijn plecht'gen schroom, verzaèm
ieder en nacht voor daad en zang van morgen;
bemint mij voort, gij die mijn norschheid temt;
die, waar de zolder zwol van heimlijke aren,
waart, die den wreed en vlegel hebt omklemd,
daartoe door onbevroede Wet bestemd,
'dat ik voor God ontkeeste, o zwengelaren.

LITERATUURVERWIJZINGEN

- Anbeek T. Het ontwijkend teken. Symbolisme in Nederland. *Geschiedenis van de literatuur in Nederland, 1885–1985*. Amsterdam / Antwerpen, De Arbeiderspers (5de, herziene druk), 1999, pp. 75–92.
- Balakian A. *The fiction of the poet. From Mallarmé to post-symbolist mode*. Princeton, Princeton University Press, 1992.
- Bernard S. *Le poème en prose de Baudelaire jusqu'à nos jours*. Paris, Nizet Publ., 1959.
- Bloem J.C. *Het onzegbare geheim. Verzamelde essays en kritieken 1911–1963*. Ed. by H. T.M. van Vliet. Amsterdam, Athenaeum-Polak & Van Gennepe Publ., 1995.
- Décaudin M. *La crise des valeurs symbolistes: vingt ans de poésie française, 1895–1914*. Toulouse, Privat Publ., 1960 (repr. 1981).
- De Ridder, A. Bij Karel van de Woestijne (Eene reportage-studie). *Onze schrijvers geschetst in hun leven en werken 2* (Vlaamsche Schrijvers). Baarn, Hollandia-Drukkerij, 1909, pp. 68–94.
- Heath-Stubbs J. *The Ode*. London, Oxford University Press, 1969.
- Jump J.D. *The Ode*. London, Methuen Publ., 1974.
- Maddison C. *Apollo and the Nine: A History of the Ode*. London, Routledge and Kegan Paul, Baltimore, Johns Hopkins University Press, 1960.
- Musschoot A.M. Karel van de Woestijne en het symbolisme. *Op voet van gelijkheid. Opstellen*. Eds Y.T'Sjoen, H. Vandevoorde. Gent, *Studia germanica gandensia* 36, 1994, pp. 101–124.
- Rutten M. *De lyriek van Karel van de Woestijne*. Liège/Paris, Faculté de Philosophie et Lettres/Librairie E. Droz Publ., 1934.
- Theunynck P. *Karel van de Woestijne. Biografie*. Antwerpen, Meulenhoff/Manteau Publ., 2010.
- Van Elmbt F. *Godsbeeld en godservaring in de lyriek van Karel van de Woestijne*. Brugge, Orion-Desclée De Brouwer Publ., 1973.
- Vandevoorde H. *De spiegel van Achilleus. Karel van de Woestijne en de allegorie*. Nijmegen, Vantilt Publ., 2006.

- Van de Woestijne, K. *Verzameld werk. Vijfde deel. Beschouwingen over literatuur*. Brussel, Manteau Publ., 1949.
- Van de Woestijne, K. *Verzameld dichtwerk. Deel 1. Lyrische poëzie*. Ed. by A. M. Musschoot. Tiel, Uitgeverij Lannoo Publ., 2007.
- Van de Woestijne K. *Verzameld dichtwerk. Deel 2. Epische poëzie*. Ed. by A. M. Musschoot. Tiel, Uitgeverij Lannoo Publ., 2007.
- Van de Woestijne K. De dood. (ingesproken door H. Vandevoorde), 2010. URL: http://www.dbnl.org/tekst/vand034dood01_a01/index.php.

Hans Vandevoorde

Doctor in Philology, Professor,
Vrije Universiteit Brussel,
Pleinlaan 2, BE-1050 Brussels
E-mail: hans.vandevoorde@vub.ac.be

Received: 20.01.2017

Accepted: 10.03.2017

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Е. В. Воробьева.</i> Опускание артикля при указании профессии и рода деятельности в позиции предиката в норвежском языке.....	3
<i>Е. Л. Жильцова.</i> Шведские сложные слова с усилительным первым компонентом и особенности их перевода на русский язык.....	13
<i>Е. В. Краснова.</i> Особенности копулятивных сложных слов в датском языке ...	24
<i>А. Н. Ливанова, Ю. М. Григорьева.</i> Последние переводы Библии на шведский и норвежский языки: попытка грамматического анализа	34
<i>Д. Б. Никуличева.</i> О некоторых парадоксах датских темпоральных предложений и их перцептивном объяснении.....	54
<i>Е. М. Чекалина.</i> Функционально-грамматические особенности инфинитива в шведском языке.....	69

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>И. М. Михайлова.</i> Год 1917. Октябрьская революция в стихах голландских соратников Ленина.....	85
<i>Г. К. Орлова.</i> О феномене популярности сказок Х. К. Андерсена в России конца XIX — начала XX века.....	98
<i>R. Jessup.</i> Traveling companions: Bicentenary literary adaptations of H. C. Andersen tales.....	110
<i>T. Pilipoveca.</i> <i>The Snow Queen</i> in the Anthology of <i>Russian Alien Fairy Tales: An old story in a new world</i>	123
<i>H. Štěříková.</i> Normannistska ideer i Petrus Petrejus skrifter.....	133
<i>H. Vandevoorde.</i> Ode van een postsymbolist. Het 'Metaforisch realisme' van Karel van de Woestijne.....	148

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Evgenia Vorobyeva</i> . Omission of the article before predicative nouns for profession, occupation etc. in Norwegian	3
<i>Elena Zhiltsova</i> . Swedish compound words with an intensifying first component and techniques of their translation into Russian	13
<i>Elena Krasnova</i> . Peculiarities of copulative compounds in the Danish language...	24
<i>Aleksandra Livanova, Yuliana Grigoryeva</i> . Recent Swedish and Norwegian Bible translations: A tentative grammatical analysis.....	34
<i>Dina Nikulicheva</i> . On paradoxes of the Danish temporal prepositions and their perceptive explanation.....	54
<i>Elena Chekalina</i> . Functional-grammatical features of the Swedish infinitive	69

LITERATURE STUDY

<i>Irina Michajlova</i> . 1917. October Revolution and Lenin in the verses of his Dutch comrades	85
<i>Gayane Orlova</i> . H. C. Andersen's popularity as a cultural phenomenon in Russia in the late 19 th — early 20 th centuries	98
<i>Rennesa Jessup</i> . Traveling companions: Bicentenary literary adaptations of H. C. Andersen tales.....	110
<i>Tatjana Pilipoveca</i> . <i>The Snow Queen</i> in the anthology of <i>Russian Alien Fairy Tales</i> : An old story in a new world	123
<i>Hana Štěříková</i> . Normanist ideas in Petrus Petreius' works.....	133
<i>Hans Vandevoorde</i> . A postsymbolist's ode. The 'Metaphorical realism' of Karel van de Woestijne.....	148

Учредитель: Санкт-Петербургский государственный университет

Редактор русского текста *М. В. Банкович*
Компьютерная верстка *Е. М. Воронковой*

Подписано в печать 20.09.17. Формат 60×84 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 9,65.
Печать по заказу. 1-й завод — 100 экз. Заказ № . Цена свободная.

Издательство Санкт-Петербургского университета
199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, 11
Тел. (812)328-96-17; факс (812)328-44-22
publishing@spbu.ru publishing.spbu.ru

Типография Издательства СПбГУ
199034, С.-Петербург, Менделеевская линия, д. 5

Книги Издательства СПбГУ можно приобрести
в Доме университетской книги
Менделеевская линия, д. 5
тел.: +7(812) 329 24 71
часы работы 10.00–20.00 пн. — сб.,
а также на сайте publishing.spbu.ru